

НИКИТА КУЗНЕЦОВ
кандидат исторических наук

Погружение к легенде

В августе этого года состоялась экспедиция к месту гибели в 1934 г. в Чукотском море легендарного парохода «Челюскин». Инициатором выступила морская инженерная компания «Фертоинг», много лет занимающаяся не только выполнением уникальных технических операций, но и подводными историческими исследованиями. Начиная с 2014 года, были обнаружены и обследованы: ледокольный пароход «Александр Сибиряков», транспорт «Марина Раскова», морские тральщики Т-114, Т-118 и Т-904, эсминец «Деятельный», немецкая подводная лодка U-362, водолазное судно «Шквал», сторожевой корабль № 22 «Пассат», транспорт «Шорс». При выполнении работ в Керченском проливе удалось поднять пять боевых самолётов – штурмовиков Ил-2, которые передали Министерству обороны Российской Федерации.

К работам на месте гибели «Челюскина» их организаторы готовились давно, но реализовать этот проект удалось лишь в этом году. В экспедиции принял участие автор газеты «Литературная Россия» и журнала «Мир Севера» – историк флота Никита Кузнецов.

Напомню об основных страницах истории «челюскинской эпопеи». «Челюскин», пароход, построенный датской фирмой «Бурмейстер ог Вайн» в 1933 году по заказу Совторгфлота для использования в рейсах из Владивостока в устье Колымы, должен был повторить маршрут «А.Сибирякова», прошедшего Северным Морским путём в направлении с запада на восток в 1932 году для того, чтобы окончательно доказать возможность организации регулярного судоходства по этой полярной трассе. По мнению капитана В.И. Воронина, «...пароход совсем не подходил по своей крепости, а также по своим морским качествам, для самостоятельного ледового плавания для этого рейса».

10 августа 1933 года «Челюскин» вышел из Мурманска во Владивосток. В ходе плавания он получил ряд повреждений корпуса и был затёрт льдами. К началу ноября в дрейфе и эпизодическом самостоятельном плавании «Челюскин» достиг мыса Дежнёва, но затем был отнесён в центральную часть Чукотского

№ 5 (129), 2020

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Иван КОРОТКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

В оформлении обложки использованы
фотографии Николая БОБИНА
и Ивана БОРОВИКОВА

Подписано в печать
15 сентября 2020 года

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 734к-20

СОДЕРЖАНИЕ

Экспедиция Никита КУЗНЕЦОВ <i>Погружение к легенде.....</i>	1
Возмутитель спокойствия Хабир ХАРИСОВ <i>Жизнь на бегу.....</i>	7
Ядерный щит Владимир ГУБАРЕВ <i>Наперекор Северному сиянию.....</i>	18
В поисках согласия Николай НИКИТИН <i>Быть ли в Тобольске Поклонному кресту в честь Ермака?.....</i>	25
Трагедии XX столетия Олег ХИМАНЫЧ <i>Свечение Черенкова на «Звёздочке»</i>	32
Позиция Светлана ЗАМЛЕЛОВА <i>Покорители или потребители.....</i>	38
Проза Светлана ЗАМЛЕЛОВА <i>Карское море.....</i>	43
Узелки на память Надежда СУСЛОВА <i>В городе, который построил зэк.....</i>	46
Как это было Юрий ЛЕОНОВ Пагубные директивы: Как спасали низовья Амура.....	51
Исторический боевик Вадим СИЛАНТЬЕВ <i>Воин.....</i>	54
Вернисаж Валентина ВАНУЙТО <i>Сюрреализм Леонида Лара.....</i>	67
Драма Вячеслав ОГРЫЗКО <i>Из пахарей - в алкаши.....</i>	71
Загадки Эвенкии Николай ЮРЛОВ <i>Сошествие бога Агды.....</i>	74
Извлечено из свалки Пётр ЦЫБУЛЬКИН <i>Обиды на правду.....</i>	79

моря, где 13 февраля 1934 года его раздавили льды. В ледовом лагере на дрейфующей льдине в течение двух месяцев находились 104 человека во главе с О.Ю. Шмидтом и В.И. Ворониным. К их эпопее было приковано внимание всей страны. В ходе крупномасштабной спасательной операции с 5 марта по 13 апреля «челюскинцев» эвакуировали на материк самолётами.

Впервые водолазы спускались к «Челюскину» 41 год назад. Но лишь участникам трёх экспедиций (включая нашу) удалось обнаружить погибшее судно.

1974 г. Гидрографические суда «Георгий Седов» и «Степан Малыгин». Руководитель экспедиции, организованной Провиденской гидрографической базой, Олег Михеев. В районе гибели «Челюскина» при помощи эхолотов и гидролокаторов был обнаружен подводный объект, что дало толчок к дальнейшим поискам судна.

1979 г. Гидрографическое судно «Маяк». Руководитель экспедиции, организованной Федерацией подводного спорта Магаданской области (клубы подводного спорта «Кальмар» и «Сивуч» при участии водолазов отряда подводно-технических работ из Мончегорска), Валентин Герасимов. 9–12 сентября 1979 года проведено более 20 погружений, в ходе которых поднято два фрагмента судна – часть стойки леерного ограждения и спинка кровати.

1989 г. Гидрографическое судно «Дмитрий Лаптев». Руководитель экспедиции, организованной газетой «Молодой Дальневосточник», Сергей Мельников. 13 сентября 1989 года проведено одно погружение предположительно на месте гибели «Челюскина».

2004 г. Научно-исследовательское судно «Академик М.А. Лаврентьев». Руководитель экспедиции, организованной Русским подводным музеем (при поддержке различных государственных и коммерческих организаций) Алексей Михайлов. В ходе работ, проведённых в августе 2004 года, «Челюскин» не был обнаружен.

2006 г. Средний рыболовный морозильный траулер «Рогачево». Руководитель экспедиции, организованной Русским подводным музеем (при поддержке различных государственных и коммерческих организаций) Алексей Михайлов. 15–19 сентября 2006 года проведено 5 погружений, в ходе которых выполнена видеосъёмка и поднято два фрагмента судна – стойка леерного ограждения и предположительно часть крепления осветительной или вентиляционной системы.

Экспедицию 2020 года, в состав которой входило 12 человек, возглавил Артём Мельников – директор «Фертоинга», военный инженер по профессии, человек, влюблённый не только в своё дело, но и в отечественную военную и морскую историю (именно его стара-

Участники экспедиции. Слева направо: сотрудник Музея Мирового океана Н. Мартынович; водолазы И. Боровиков, К. Богданов, игумен Иннокентий (Ольховой); директор компании «Фертоинг» А. Мельников; епископ Нарьян-Марский и Мезенский Иаков; водолазный фельдшер С. Федоров; корреспондент А. Кручинин; фотограф Н. Бобин; историк Н. Кузнецов

Погрузка «Челюскина» перед выходом в исторический рейс

ниями 8 лет назад был создан Кронштадтский морской музей, сегодня по праву ставший одной из самых известных достопримечательностей города-крепости).

Главными участниками и основной движущей силой экспедиции можно назвать представителей «Разведывательно-водолазной команды» под руководством её создателя Константина Богданова. Это уникальное сообщество было организовано 15 лет назад. За эти годы его участники сделали немало: осуществили уникальный проект – «Поклон кораблям Великой Победы» (погружения к покоящимся на морском дне советским кораблям в канун 9 мая с проведением мемориальных церемоний и возложением венков); при поддержке Министерства обороны и Русского географического общества обнаружили и исследовали десятки затонувших кораблей и судов, в том числе все погибшие в годы Второй Мировой войны на Балтике советские подводные лодки.

Мощной была духовная поддержка экспедиции – в ней принял участие Владыка Иаков – Епископ Нарьян-Марский и Мезенский, много лет возглавляющий самую северную епархию России и окормляющий свою паству часто в весьма труднодоступных местах. Носит духовный сан и один из водолазов – эконом Данилова ставропигиального мужского монастыря, игумен Иннокентий (Ольховой).

С 2017 года он входит в состав «Разведывательно-водолажной команды», не только как опытный дайвер, но и как священник.

Также в экспедиции участвовали представители прессы и научных организаций.

Путь к месту гибели «Челюскина» начался 4 августа в московском аэропорту «Внуково», откуда участники экспедиции вылетели в Анадырь. Два дня в столице Чукотки пролетели стремительно – были уточнены планы, удалось ознакомиться с местными красотами и достопримечательностями (в том числе разделом, посвящённом «Челюскину» в музейном центре «Наследие Чукотки»). И вот уже вертолёт несёт нас в Ванкарем – национальное село, ставшее одной из ключевых точек «челюскинской эпопеи». Сегодня о событи-

ях, развернувшихся в 1934 году, напоминает школа, построенная год спустя по инициативе О.Ю. Шмидта в благодарность местным жителям за участие в спасении «челюскинцев».

В Ванкареме нас встретил Сергей Кавры – местный охотовед, удивительный знаток природы и истории своего края. Общение с ним было тёплым, но недолгим – вскоре в два приёма участников экспедиции и водолазное оборудование (общим весом около тонны) на шлюпке доставили на борт буксира-спасателя «Лазурит», обеспечивавшего работы (судно, которым командует капитан Михаил Ларюшин, принадлежит Приморскому филиалу Морской спасательной службы). «Лазурит» покинул порт приписки – Владивосток 24 июля и прошёл более 4000 миль (частично в штормовых условиях) до Ванкарема.

И вот, наконец, экспедиция направилась непосредственно к месту гибели «Челюскина», до которого было 7 часов хода. Владыка Иаков и игумен Иннокентий отслужили молебен, водолазы начали готовить снаряжение. Прогнозы относительно возможности начала погружений давались осторожные – погода «была на грани проведения работ»...

Утром 8 августа с помощью эхолота удалось обнаружить на дне моря корпус «Челюскина», лежащий на глубине около 50 метров. Это уже можно считать удачей, так как экспедиция 2004 года затонувшее судно просто не нашла. Первое погружение состоялось утром 9 августа – к легендарному пароходу отправились Константин Богданов, игумен

Иннокентий и опытный оператор подводной съёмки Иван Боровиков. Одним из самых сложных моментов стал подъём водолазов после всплытия на борт шлюпки. Снаряжение каждого из них весит более центнера. Как и всегда при погружениях важную роль играли специалисты, обеспечивающие их наверху, среди которых был и водолазный фельдшер Станислав Фёдоров.

Никаких проблем у опытных членов «Разведывательно-водолазной команды» не возникло, и вскоре после возвращения на «Лазурит» участники экспедиции внимательно вглядывались в кадры подводной съёмки, стараясь определить, куда именно удалось высадиться аквалангистам. Из-за того, что корпус судна погрузился в ил, а видимость на глубине, из-за обилия планктона и особенностей гидрологии, была очень плохая, разобраться в этом можно было лишь на поверхности. Судя по сопоставлению увиденного с имеющимися в распоряжении схемами и фотографиями, скорее всего, водолазы побывали на палубе верхнего открытого мостика.

В тот же день, после недолгого отдыха, водолазы провели ещё одно погружение. Как известно, «Арктика – дама капризная», на следующий день ожидалось ухудшение погоды...

Тем же вечером владыка Иаков и игумен Иннокентий по просьбе капитана и экипажа освятили судно, а затем отслужили литию на месте гибели «Челюскина». На воду опустили венки. Через день, 11 августа, «Лазурит»

Начальная школа - детский сад села Ванкарем, построенная в 1935 г.

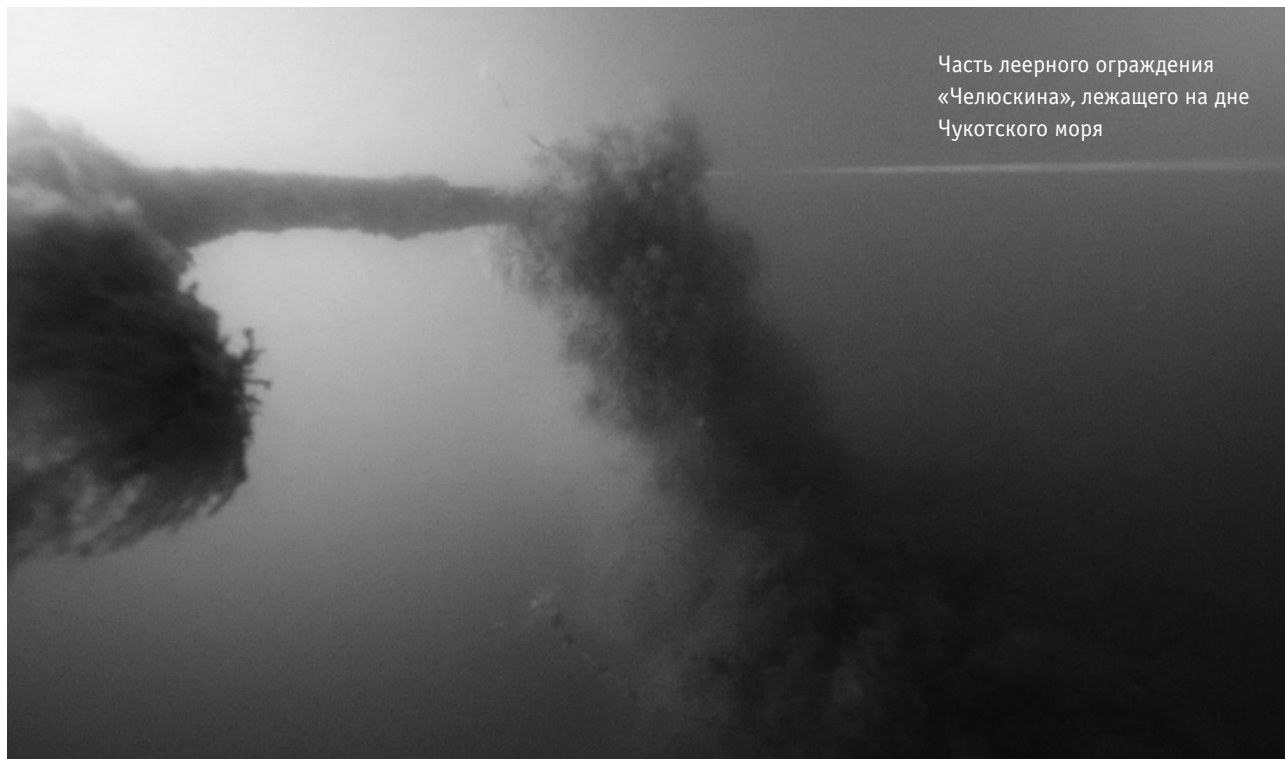
отдал якорь на рейде Ванкарема и участники экспедиции покинули гостеприимное судно. Без малого сутки дороги в западном направлении и мы вновь оказались в Москве, от которой успели немного отвыкнуть за «экспедиционную неделю»... А дальше, как пел Юрий Визбор:

*А потом будут в жизни дары и находки,
Много встреч, много странствий и много людей...
Отчего же мне снится белый берег Чукотки
И какой-то кораблик на зелёной воде?*

Участники экспедиции 2020 года третий раз в истории смогли погрузиться на леген-

дарный «Челюскин». Думается, что прав руководитель экспедиции, отметивший: «Море не должно отдавать это. И пусть оно в море и находится. И пусть эта легенда остаётся легендой». То, что с борта ушедшего в вечность без малого 90 лет назад судна не были подняты очередные «артефакты», не беда. Главное – наша память о своих героях. А сохранять её помогают не только книги, статьи, музейные экспозиции, но и уникальные мемориальные проекты.

МОСКВА – АНАДЫРЬ – ВАНКАРЕМ –
БОРТ БУКСИРА-СПАСАТЕЛЯ «ЛАЗУРИТ» –
ВАНКАРЕМ – АНАДЫРЬ – МОСКВА

Жизнь на бегу

Григорий Дюкарев – глава Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра. Сколько раз я пытался с ним неспешно поговорить. Куда там! Он очень энергичен. И все наши беседы происходили то в прыгающем на неровном зимнике и натужно рычащем «Трэколе», то в каюте катера на стрежне Енисея по пути в дальний посёлок, то на бегу в таймырскую администрацию. Силь, образность и эмоциональность речи интервьюируемого сохранены максимально, понадобилось лишь убрать, как мешающие восприятию беседы и практически ненужные, некоторые ремарки и наводящие вопросы.

Из пятёрки лучших

Начало нового десятилетия, начало нового века, бери выше – начало нового тысячелетия! В воздухе витает желание и предчувствие перемен...

– В 2001-м на Таймыре происходили большие перемены: «Норникель» решил участвовать в выборах губернатора и делегировал Александра Хлопонина, – Григорий Дюкарев с ноткой ностальгии вспоминает события почти двадцатилетней давности, с лёгкостью оперируя цифрами, датами и персоналиями. – Опыт сотрудничества и взаимодействия с московской командой нового губернатора интересен для меня лично – подходы у них иные были, чем у команды Геннадия Неделина – более современные, динамичные.

Напомним: Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 года на полуострове Таймыр создан Таймырский национальный округ. 12 апреля 1978 года переименован в Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ. Согласно результатам референдума, проведённого 17 апреля 2005 года, 1 января 2007 года Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ был упразднён, а на его территории была образована административно-территориальная единица с особым статусом Таймырский Долгано-Ненецкий район. В рамках местного самоуправления

он составил одноимённый муниципальный район.

По инициативе заместителя губернатора округа по социальным вопросам Ольги Голодец, позже она стала вице-премьером правительства России, на Таймыре был организован конкурс «Золотой кадровый резерв Таймыра», призванный, как следует из названия, выявить наиболее перспективную молодёжь и создать определённый управленческий резерв. В конкурсе участвовали 630 человек из Дудинки, Норильска, Москвы, Красноярска и, конечно, посёлков Таймыра. Участники проходили несколько этапов. В интеллектуальном плане конкурс был очень тяжёлый, выматывающий, напряжение только нарастало на протяжении всех 4-х дней.

Отобраны были в результате состязания сначала 60 лучших, затем 30 и в итоге победителями объявлены пятеро лучших в своих номинациях. В эту пятёрку вошёл и Григорий Дюкарев, бывший в ту пору предпринимателем. В тридцатку «Золотого кадрового резерва Таймыра» вошли, например, нынешний глава Дудинки Юрий Гурин, такие известные ныне управленцы, как Марина Богданова, Сергей Сизоненко, Константин Сапронов и другие. Никто практически из этой «тридцатки» не потерялся в жизни, все достигли определённых карьерных высот.

Как долго мы тебя ждали!

– Меня же карьера в те годы не интересовала – остался предпринимателем. Где-то с 2003 года, однако, стал замечать явное недовольство земляков, и мамы в том числе. Дескать, растили мы тебя, растили, образование дали, а ты живёшь только для себя... Сообщество коренных довольно консервативно, к мнению старших у нас принято прислушиваться. Что характерно: в конце 90-х – начале XXI-го века это самое сообщество меня активно останавливало, предостерегая от участия в политике: «Молодой ещё, ничего не понимаешь, не лезь!» Поначалу отвечал на прямо противоположные теперь претензии старших земляков их же словами, но по здравому размышлению решился всё же: пришёл к заместителю губернатора Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Парфирьеву Владимиру Николаевичу: нет ли, мол, работы для меня где-то в недрах администрации?.. Неуверенно так обратился, как бы с юморком, чтобы в случае чего обратиться в шутку, и что же слышу? «Наконец-то! Как долго мы тебя ждали!» Парфирьев пошёл к губернатору округа, через полчаса звонит: «Не обидишься, если предложим стать заместителем начальника Управления?»

На языке чиновного люда Красноярского края – заместителем министра! Человек с улицы... Согласился, пересилив страх – негоже перечить старшим. Через полгода назначили начальником Управления по региональной национальной политике и развитию коренных малочисленных народов Таймыра. Периодически исполнял обязанности заместителя

губернатора по региональной национальной политике в период отсутствия Владимира Николаевича.

Такая работа

Заметно невооружённым глазом – работа непосредственно с людьми, когда есть хоть малейшая возможность помочь землякам – для молодого председателя Ассоциации гораздо важнее всех прочих перипетий политической жизни. Потому-то яркий, профессиональный анализ социально-экономической и политической обстановки то и дело прерывается эмоциональными описаниями характерных эпизодов работы уполномоченного по защите прав конкретного человека, земляка. Приведём лишь самые избранные примеры.

За неделю до новоселья

– Приходит девушка. Молодая, красивая. Отсидела в местах отдалённых 10 лет за убийство. Пока отбывала – осиротела. По закону для получения жилья обязана встать на учёт до 23 лет, но пришла в 26 – села-то в 15 годков. Сроки истекли. Естественно: «Помогите! Негде жить!» Затем пропала на полгода. На вопрос «Где была?» отвечает в простоте: «Отдыхала!»

Как помочь, если эти вопросы в полномочиях края?! Но – пишу письмо в министерство, что не дают жилья никто – ни край, ни Таймыр, объясняю – как есть. Повезло – судья оказался душевным, обязал Таймыр, ставший уже районом, через полгода дать жильё. Подключился Валерий Вэнго – прибили решение,

девушка уже должна была получить жильё. Но вмешался случай. Несчастный. За неделю до получения ордера девушка погибает при пожаре в гостинке. Судьба...

Профессор всех наук

– Олег Бударгин, сменивший на посту губернатора округа Александра Хлопонина, продолжил его политику. Усилия этих руководителей территории были направлены на появление рыночной экономики в сельском хозяйстве округа. В 2003-м все унитарные сельскохозяйственные предприятия были ликвидированы, и в 2004-м году ликвидировано и само Управление сельского хозяйства, а функции его переданы моему Управлению, которое тоже было реорганизовано – из структурного подразделения оформили юридическое лицо органа администрации, сократив 9 человек. В Управлении сельского хозяйства сократили всех 13 сотрудников, и работа, которую прежде выполняли 22 человека, досталась мне одному!

Мы же являлись субъектом Российской Федерации – отсюда отчётность округа перед Москвой, взаимодействие с Госдумой, письма и ответы на них в Совет Федерации, внутренняя работа: договоры, фонд оплаты труда и так далее. 3 месяца занимался этой работой один! Женщины в бухгалтерии называли меня: «Профессор всех наук». Трудно было. Написал заявление по собственному, Бударгин потребовал объяснений. В результате набрали молодых энергичных сотрудников, воссоздали управление – пришлось остаться. Ребята до сих пор работают – Быкова Светлана, Яптунэ Данил и другие. Но многие разъехались.

За неделю до новоселья-2

– Приходит парень – рослый, крепкий с виду. В возрасте Христа – 33 года. Русский. Но – трижды судимый, туберкулёз, печень, ИБС и так далее. После отсидки вернулся, а у отца уже другая семья, матери нет – умерла, когда парню было 11 лет – помогите!

Помочь надо, обретается временно в тубдиспансере, но там можно находиться не более полугода. Что делать? По три круга прошёл,

со всеми переругался – социальная служба, жилищная служба, прокуратура... После года мытарств получает, наконец, парень бумагу: второй на очереди! Значит, скоро будет жильё, максимум через неделю. Предупредил его о надлежащем поведении, приведя в пример историю первой девушки. «Будьте спокойны!» – ушёл радостный. Чуть позже рассказали: напился, стал отнимать у кого-то ноутбук – получил удар ножом в драке, умер...

Доставить живым

– Но не все случаи из работы с людьми на Таймыре такие печальные, как два первых. Бывают курьёзы и благоприятные. Однажды звонят из Хатанги: «В Лесосибирске потерялся земляк. Родственники переживают. Помогите перевезти его в Хатангу!» Запил мужик, конечно. Хорошие люди просят за плохого. Он же человек, наш. Надо помочь! Хлопочем с Валерой Вэнго... Однажды он сообщает: «Не успели. Этот человек повесился!»

Звоню родственникам нашего подопечного – услышал много в кавычках «благодарных, тёплых» слов... Требуют привезти покойника в Хатангу. А это же ещё неизмеримо сложнее, чем вывезти живого! С трудом уговорил родственников, чтобы дали согласие на похороны в Лесосибирске. Нашли фотографа – запечатлеть ритуал, договорились с мэрией, чтобы за всем проследили.

И тут – ни раньше, ни позже – звонит Вэнго: «Иваныч, это не наш повесился, участковый всё перепутал!» И смех, и грех...

Родом из детства

– Детство? Хорошее было детство, счастливое! Все родственники рождались и жили в Тухардской тундре, на берегах Большой Хеты. Кислый мыс, ныне Тухард – наши родовые земли. После сталинских репрессий, раскулачивания, конфискации оленей в тундре жить стало трудно. Но нет худа без добра. В Усть-Портовскую школу-интернат отправляли всех моих дядьёв и тётушек, а в ней работали удивительные педагоги. Их труд стал примером

для моих старших родичей, и они пошли по образовательной стезе. Сейчас в нашем роду почти сорок педагогов.

Как-то, будучи взрослым уже, приехал в Караул, нашёл дом свой, вернее, что от него осталось. Измерил шагами – 3 метра в ширину, четыре с небольшим – в длину. Вот примерно, как эта комната в офисе... А ведь мы там жили – 3 человека: мама, бабушка, я. Дом был построен в 30-х годах, с «доисторических» времён – до меня. Избушечка! Но было всё – даже кухонька. Рядом в таких же избушках жили родственники – тётя Зоя со своей семьёй, дядя Паша с тётей Машей и ребятишками. Дядя Паша был мне за отца, учил охотиться и рыбачить, плотничать и управлять лодкой. Он был промысловик, у него были свои собачьи упряжки – до 20 собак было! Мама была заведующей интернатом, то есть постоянно на работе, я предоставлен самому себе по большей части.

Пошли мы как-то с товарищем в музыкальную школу. Баянист Денисов вручил баян: «Умеешь?» – «А то!» Трень-брень по кнопочкам сверху вниз да трень-брень снизу вверх... «Талант!» – заключил Денисов и записал в школу. Месяц учусь, второй. Как-то приходит мама с родительского собрания: «Позоришь меня! Занятия-то платные, мы теперь в должники записаны!» А я-то самостоятельный шибко – никому не сказал, учусь в музыкалке, горя не ведая... Мама рукой махнула: «Походишь немножко, да и бросишь, надоест!» Ни за что, думаю, не брошу! Обе школы окончил одновременно – общеобразовательную и музыкалку по классу баяна. Тогда райком партии определял дальнейшую судьбу выпускника, музыкальная школа рекомендовала учиться музыке, общеобразовательная советовала направить в вуз. Победила общеобразовательная. Мама была рада: «Получишь высшее образование, я-то не смогла». Мама, не имея высшего образования, работала корреспондентом радио, редактором национальных передач, занимала руководящие должности.

В каникулы бродил по тундре, собирал рога, их принимали заготовители – можно было купить дефицит: кроссовки, шапки, моторы. Вельц Виктор Фёдорович, муж тёти Зои, один из первых на Таймыре предпринимателей, вёл в середине 80-х личное

подсобное хозяйство – содержал ферму свиней в Карауле. Труд тяжкий, к нему привлекались все, в том числе Зоя Ивановна, работавшая инспектором РОНО. Однажды Зоя Ивановна является вся в грязи, вся вне себя – оказывается, при кормёжке свиней на ферме боров вырвался, попытавшись прошмыгнуть мимо хозяйки, подхватил её на спину – мчалась верхом, пока не свалилась со своего «скакуна» прямо в грязь... Труд фермера очень тяжёлый – огромные чаны с кормом, напоить-накормить-почистить...

Нам было уже лет по 13–15, когда директор совхоза предложил: приходите работать! Помню свою первую зарплату – 1 рубль и 82 копейки! Работали на коровнике. Сено и воду носили, навоз убирали, дрова рубили, уголь просеивали. Летом выезжали на покосы, когда освоились и от нас даже польза была – стали по 12–15 рублей получать – целое состояние, можно закупить сладостей и всего, о чём только мечтать приходилось ранее.

На охоту в тундру ходил совсем мальцом – сначала с бабушкой, попозже – один. Ловить силками зайца и куропатку – это считалось работой для детей и стариков, взрослые уезжали на собаках далеко в тундру, на много дней. Бабушку мы называли Амма. Иногда именовали Графиней, всё-таки дочь из княжеской семьи. Замечательная была рукодельница! Русские мужики, которые промысловиками работали в совхозе, все у неё заказывали себе национальную одежду для работы в тундре. Амма, в шутку, конечно, ворчала: «Какие вы, русские, большие! На сокуй для вас и трёх шкур не хватит!» По её стопам Настя пошла, тоже мастерицей стала. Теперь Анастасия Викторовна Пальчина – лауреат международных конкурсов.

Весной и летом, конечно, – рыбалка. Неделями не видел маму – приходил ночью, оставлял добытую рыбу в тазу. Утром мама уходит на работу в интернат рано, я ещё сплю. Прихожу с рыбалки ночью, мама уже спит. Встретимся раз в неделю: «Ну, здравствуй, сынок!» Бывает, особенно, когда не клюёт – скучно, начинаем дурачиться, по горам лазить, измажемся все. Мама: «Сам испачкался – сам сти-

рай!» Бочка – 200 литров, вода в реке, до воды метров четыреста, да ещё в горку. Печку топи, грей воду – в следующий раз подумаешь крепко, прежде чем пачкаться...

Век живи – век учись

Принципу этому Григорий Иванович Дюкарев следует всю жизнь. Ещё в школе, тренируясь с пудовой гирей, когда наскучило просто выжимать её, как все, – решил научиться поднимать привычный спортивный инвентарь донышком вверх, за ручку, а это совсем не просто – надо иметь сильное запястье. Научился быстро, помогло то обстоятельство, что кисть и запястья были уже достаточно крепкими – благодаря тяжёлому колуну, с которым приходилось управляться с детства, заготавливая дрова. Во время службы в армии, кстати, это умение пригодилось – желающие продемонстрировать физическое превосходство невысокому и не особо атлетичному северянину вмиг утихомиривались без столкновения, не сумев повторить этот трюк с гирей.

Упорство привыкшего к трудностям северянина пригодилось и в дальнейшей учёбе. Григорий в 1995 году окончил Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Работая главным специалистом в Аппарате уполномоченного по правам человека в Красноярском крае и председателем местной общественной организации Таймырского Долгано-Ненецкого района «Ассоциация коренных малочисленных народов Таймыра Красноярского края», продолжил образование в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», который окончил в 2017 году.

Кроме того, стажировался в Управлении Верховного комиссара по правам человека ООН в Женеве, участвовал во многих Всемирных конференциях по правам коренных малочисленных народов, стажировался в Международной организации по труду, Всемирной организации по интеллектуальной собственности и так далее.

Вместо обещаний – отругал

– Занимался тем, что внедрял рыночную экономику на Таймыре. Задача – отказаться от патерналистской политики! Патернализм приводит к иждивенчеству, государственная поддержка сейчас уменьшается. Многие фермеры уже понимают: надежда только на себя, но иждивенческие настроения всё ещё очень сильны у нас.

Губернатор округа Олег Бударгин дал задание разработать механизм финансовой поддержки промысловых хозяйств. Надо – сделаю. Помогала мне в этой работе Людмила Руфова Штабель. Ввели норму, при которой субсидии на рыбу, мясо полагаются при условии, что цена на продукцию оленеводства будет не ниже 45 рублей за килограмм, на рыбу тоже определили цену. Хотят производители получать деньги от государства – пусть торгуют! В результате цена за год поднялась в 3–4 раза: в 2004 году закупочная цена на оленину в Хатанге была 8–10 рублей за килограмм, с введением этого условия стала от 45 рублей и выше!

В том же 2004 году поехал в Хатангу – изучать объекты управления, Усть-Енисейский-то район знал хорошо, а с Хатангой необходимо познакомиться поближе. На вертолёте прилетел в Попигай, обошёл всю инфраструктуру – ФАП, котельную, клуб, детсад, школу, столовую, знакомился с людьми. На лодке 8 часов от Попигая до Новорыбного, несколько дней в посёлке. Потом на катере – в Жданиху, оттуда на лодке – в Катырык, из последнего – в каждый посёлок. В каждом посёлке ругал коренных: «У вас соседи – якуты скупают рыбу и мясо за копейки, а вы и рады – бежите наперегонки, кто дешевле продаст. Продаёте за бесценок, а потом просите помощи у государства... Вы же все здесь родственники, или знакомые, друзья, одноклассники – вы что, не можете договориться о нормальной цене?! Вы так дешёво цените свой труд?!»

Потом мне говорили: «Вы первый начальник, который ничего не обещал, а только нас же и отругал!» Братья Суздаловы из Новорыбной – хорошие, крепкие работяги, дома у них хорошие, семьи, дети красивые: – «А кому мы мясо оленя продадим?!» – возражают. Предло-

жил им отправить одного в Норильск – договориться о реализации. Можно ведь привезти самим на машине арендованной, договориться со складом или арендовать контейнер.

Предлагаю: отправите продукцию, реализуете «в белую», официально, по накладным, переведёте деньги на счёт в банке – я вам начислю субсидию. И так с каждым руководителем хозяйства. Сергей Колесников, например, руководитель артели «Хета», в 2004 году первым получил субсидию в миллион, купил 3 вездехода, отремонтировал 5 промысловых избушек. С этого начиналась финансовая поддержка, функционирует до сих пор, уже 16 лет. В 2004 году подобных механизмов не было ни в Красноярском крае, ни на Ямале. Мы первые были.

Семеро законных граждан

– Давно уже было, из роддома звонят: «Устали проводить детей этой женщины по чужим медицинским полисам – у неё нет паспорта!»

Ничего у человека нет – ни паспорта, ни свидетельства о рождении, никакого другого документа – родилась и росла в тундре. Забавно, да: паспорта нет, считай – человека нет, а дети рождаются. Надо что-то делать! Пошёл, сфотографировал женщину, оплатил пошлину и – в паспортный отдел. Да случай такой, что действовать надо на грани закона ради человеческой справедливости. Таких примеров немало, врачи, например, порой закрывают глаза на то, что здоровый ребёнок женщины дольше положенного находится в больнице. Спасибо им за это. Увы, не всегда эти понятия – закон и справедливость – идеально совпадают...

За две недели оформили бедной женщине паспорт, ИНН, СНИЛС, кочевые, получила материнский капитал и так далее. До сих пор иногда шлёт СМС-ки, благодарит. Сейчас у неё уже шестеро детей, законные граждане России.

Новые времена – новые механизмы

– Но сегодня нужны иные механизмы поддержки! Деньги мы стали перечислять на

сберкнижки оленеводам непосредственно – ни один вороватый руководитель не имел к ним доступа. Хотите большего – наращивайте поголовье! В 2003 году поголовье оленей упало до 40 тысяч голов, с введением субсидий стало расти. Чуда здесь нет – у людей возникла личная заинтересованность наращивать поголовье. В 2017 году поголовье достигло уже 110 тысяч, а ведь до 2004 года неуклонно падало...

В 2005 году Бударгин прилетел в Волочанку. Рассказывает: «Подходит некто Серюк – невысоконый такой, вы знаете. Ну, думаю, чего-то попросить хочет, да не решается. Спрашиваю: «Чем помочь?» Представляешь, «Всё хорошо, ничего не надо», – говорит! А чего ему жаловаться – получил субсидии, купил снегоход, мебель, продукты...» Серюк – глава хозяйства, наш, коренной, несмотря на фамилию. Посмеялись.

И – неожиданно: «А давай я, Григорий, тебя поставлю своим замом?» Заместитель губернатора в 34 года – лестно, но подсиживать Владимира Николаевича Парфирьева было для меня – неприемлемо. Отказался. Получается, второй раз уже отказался.

Мягкий эпитет

– Мне было 38 лет, краевые чиновники объяснили: «Похоронил ты свою карьеру!» Оказались правы – политика «Норникеля» жёсткая, не будет у меня никакой карьеры...

Пошёл работать в аппарат уполномоченного, Марк Геннадьевич Денисов меня принял ведущим специалистом аппарата. Это самая низовая должность для человека с высшим образованием. Но – «возмутитель спокойствия»...

Почему сложилась такая репутация, спрашиваете? Пример: ситуация по Эвенкийской ГЭС. В 2009 году компания «Русгидро» решила затопить буквально пол-Эвенкии. Я тогда был председателем Общественной палаты коренных малочисленных народов Севера Гражданской Ассамблеи Красноярского края. Планы компании «Русгидро» эвенкам не понравились, они стали протестовать. В этой борьбе эвенков поддержали и Всероссийская

Ассоциация (РАЙПОН), и Комитет по расовой дискриминации ООН, и специальный докладчик ООН по правам коренных народов. Специальный докладчик приехал в Красноярск в октябре 2009 года. На встречу пригласили «ручных» чиновников, депутатов.

Выступал первым, задачу себе поставил: прокопать такую канаву, чтоб ни один следующий оратор не смог свернуть в сторону. Претензий к компании «Росгидро», говорю, – нет, она хочет только получать прибыль. Претензии – к губернатору Красноярского края, к депутатам заксобрания края – мы их выбирали, и они должны защитить права эвенков, они должны быть на нашей стороне! Говорил по существу, не повышая голоса. Этого хватило, чтобы после моего выступления спецдокладчик ООН сказал: «При таком жёстком диалоге я присутствую впервые!»...

А вы спрашиваете: почему «возмутитель спокойствия»? Да такой эпитет – ещё самое мягкое, какими меня награждали! Величали и «врагом государства», и «националистом»...

А не у вас ли что-то не так?

– Не единожды пытались меня уволить – обращались к губернатору края, к его заместителям. Мне понравился ответ одного из них: «Это что же у вас на Таймыре происходит, что один человек может у вас дестабилизировать обстановку?! А, может быть, это с вами всеми что-то не так?!»

Не скрою, по многим вопросам занимал довольно жёсткую позицию. Хотелось, чтобы меня услышали. Доходило до того, что стоял один возле «Арктики» с плакатом на груди, а друзья и знакомые – мимо... Все боялись поддержать – боялись потерять работу. Позже кое-кто признавался: «Было стыдно!»

Террористы, националисты... Какие из нас, коренных, националисты?! Энцеv у нас – 200 человек. Да они не всегда кочегаров могут найти из своей среды, не говоря уж о лётчиках, капитанах, врачах, других специалистах! Эвенков, нганасан немногим больше, да и энцев, долган не миллионы. Мы, что же – себе враги? Мы не знаем, как удержать русских специалистов, да и не только русских... Мы

тоже хотим жить по-современному, в комфорте, хотим развиваться, что – мы будем русских изгонять?!

Широка дорога в тундре!

– Сейчас пожинаем результаты ошибок советского времени, когда подавлялась всякая инициатива. 1958 год – по хозяйствам резко сократилось поголовье. Почему? В 1956-58 годах шло укрупнение населённых пунктов, директорами оленеводческих хозяйств ставили приезжих, не коренной национальности, не знающих оленеводства в принципе. Приходит в контору оленевод: «Уходить на летовку, однако, пора!» А директор: «Нельзя, у меня план, утверждённый в райкоме». Олени слабнут – весна не по райкомовскому приказу пришла, гибнет молодняк и важенки. Или: сдаёт директор по приказу свыше своих оленей в аренду рыболовецкому совхозу в помощь. И рыбаки – олени-то не свои – перегружают их, нещадно эксплуатируя ради выполнения всё того же плана – опять падёж...

Году в 2012-м проводили мы круглый стол – по анализу механизмов поддержки оленеводов. Спрашиваю Сергея Ивановича Бетту, главу хозяйства: «Часто ли в советское время получал «Буран»?» – «Ни разу!» – «А теперь?»

Оказывается, штук пять снегоходов уже сменил, да не «Бураны» – «Ямахи!» Вот он и работает, не ноет. Хорошо работает и Сахатин Павел – промысловик, рыбак, дочь его окончила дипломатическую академию. Да не она одна – внучка Вельца тоже учится в дипломатической академии в Новосибирске.

Но – проблема: пастбища сокращаются нещадно! Независимая нефтяная компания – ННК – раскатала Байкаловскую тундру – дорога только шириной 6 километров! ОАО «Пайяха» базируется близ Байкаловска. Чтобы пресечь незаконную деятельность нефтяников, пригласили «Гринпис» – стали, разумеется, «врагами народа». Так запретите «Гринпис»! Если им можно ездить по России, по Таймыру, то почему мы-то враги?! Руководитель «Гринпис» входит в президентский совет по экологии, Путин с ним встречается, разговаривает, то есть ему можно, а нам поче-

му-то нельзя. В конце концов, есть же закон, а его мы не нарушали, приглашая «Гринпис».

А нефтяной терминал близ Бреховских островов – природного заказника по Международному договору. Если там произойдёт разлив нефти – это же экологическая катастрофа! Плюс планируют проводить дноуглубительные работы – это смерть муксуну, нельме и осетру! И опять плох не тот, кто вознамерился нанести непоправимый вред нашей природе, а тот, кто указывает на это – «выносит сор из избы». Опять плох Дюкарев...

Равные среди равных

– Будем поднимать тему особого статуса Таймыра. Говорю на всех доступных трибунах: «Мы не вошли в состав края, мы объединялись на равных – Таймыр, Эвенкия и Красноярский край! Фактически мы – соучредители большого Красноярского края, и имеем право на соуправление или самоуправление на собственной территории!».

Львиная доля населения Таймыра – приезжие, и подавляющее большинство уедет. Что, особый статус Таймыра должен уехать с ними? Особый статус – это долгоиграющая история. Округ создавали для коренных, потому он и был национальным, Долгано-Ненецким. Поэтому преференции и льготы предоставлялись, которыми и приезжие воспользовались!

Люди уезжают, разные руководители приезжают-уезжают, но каждому хочется оставить о себе память в народе. А кого из руководителей помнят? Разве только Неделина – он заботился о коренных. Память территории живёт в людях, которые будут тут жить и через тридцать лет, и через сто, двести лет. А это коренные! Через десятки лет спросят мальчика или девочку: «Ты кто, Яроцкая? Или ты из каких Яптунэ, носковских, тухардских? Жарков не твой ли прадедушка?». Коренные как жили здесь, так и будут жить! Поэтому, если хотите остаться в памяти Таймыра, позаботьтесь об этих людях.

Как-то обратил внимание на «Северную энциклопедию», составитель – Валентина Давыдовна Голубчикова. Молодой тогда был. Интересно, листаю страницы, ищу своих знакомых – глав районов, заместителей губернатора, депутатов – странное дело, нет их в энциклопедии. Кто же есть? А есть Борис Молчанов, Мотюмяку Турдагин, Любовь Ненянг, Огдо Аксёнова, Николай Попов. Странно, – думаю. Чиновников – нет, а творческая интеллигенция есть! Потом понял: важно, кто какой след в жизни оставил. Их труды на века, а труд чиновника, и мой в том числе, решить проблемы сегодняшнего, завтрашнего дня. Несоизмеримая разница!

Хитёр, как ненец

Почему в сказках многих народов лис с медведем дружен? Медведь силен, лис – хитёр, а вместе многого можно достигнуть...

– Приезжаем в Потапово с губернатором округа. Встречаю на улице земляка, получившего недавно снегоход, и сходу ему: «Ну, что вы за люди?! «Буран» получил? Получил. Почему не скажешь «спасибо» губернатору?! Вон он сейчас пойдёт по улице – давай обойди по другой улице и выходи навстречу губернатору, поблагодари его». Как и задумано, земляк быстро обежал несколько домов и подходит к Олегу Михайловичу, мол, спасибо за технику, теперь рыбаку, охочусь, семью кормлю. «Бегаёт снегоход?» – «А то! Зверь-машина!» – «Ну и молодец!» Губернатор доволен.

Диалог всего длиною секунд в 15. Но – встречает меня губернатор: «Вот, Григорий, какие у нас люди хорошие, благодарные!».

Хитрость? Да! Но с дальним прицелом – глядишь, губернатор ещё кому-нибудь поможет из земляков. Проще будет попросить о помощи. Помню, как-то умер человек – нужно семье оказать материальную помощь, а согласований – вагон, по регламенту за две недели не успеешь всё согласовать. Похоронные дела срочные, бегаю по коридорам администрации, согласовываю, и тут навстречу Олег Михайлович Бударгин: «Чего бегаешь?» – «Так, мол, и так...». Губернатор молча берёт бумагу и на стене подписывает её, а после визы губернатора, сами понимаете, без заморочек все согласования получил. Помог людям.

Семейный сэндвич

Жена – Мария Юрьевна, учитель истории и обществознания. В 2015 году стала Учителем года на Таймыре, вошла в двадцатку лучших педагогов Красноярского края. Дети – старший сын Данил, 21 год, дочь Яна, 16 лет, и ещё сын – Демьян, сейчас в третьем классе. Самое вкусное посередине – «Семейный сэндвич».

Не повторять ошибки прошлого

– Советское время – появились интернаты. Как-то в Красноярске на одном из всероссийских мероприятий, во время обеда оказался за одним столом с бабушками. Они были разных национальностей, из разных регионов. Спрашиваю их: «А вы жили и учились в интернатах?» – «Да, разумеется!» – «А родной язык, культуру, традиции и обычаи знаете?» – «Конечно!» Большинство тех интернатов, где жили, учились мои старшие собеседницы, до сих пор стоят, работают.

«А как же так? – спрашиваю. – Те же самые интернаты, дети в них как учились, так и учатся. Но в ваше время дети выходили из интерната и знали свой язык и культуру, а сейчас – нет. Значит, причина в содержании воспитательного и образовательного процесса? В отношении педагогов к детям?» Соглашаются, разумеется, мои старшие собеседницы...

Вообще думаю, что Советский Союз стал разваливаться с того момента, когда стали культивировать советского человека. Нет национальностей – есть **СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК**. Думаю, ошибка это была, нельзя выкорчёвывать национальные особенности – язык, одежду, традиции и обычаи. До тех пор, пока есть национальности, будут национальные особенности, и, значит, политика в государстве должна строиться с учётом этих особенностей.

Много было хорошего при советском строе: построены школы, посёлки, медицина, женщина стала равна мужчине, коренные получили доступ к культуре, ко всему новому. Но было и негативное. Сегодня дети приходят в школу, не зная родного языка! Восстановить всё можно, но надо этим заниматься!

Плюсик для взрослого

Пример: приехала в Усть-Порт делегация из управления образования. Педагоги винят родителей: дети не хотят учиться, семья должна, должна, должна... Да, семья должна, но кто те

родители, которых вы ругаете? Это же ваши вчерашние ученики! Вы же сами себя ругаете! Тягостное молчание. Ребёнок – продукт социума, школа тоже социум, сколько наш ребёнок проводит времени в интернате, и сколько – дома? То-то же...

Но есть и положительные примеры. После объединения с Красноярским краем родные языки вывели из учебной программы. Я выражал протесты, конечно, в своей манере. И тут приезжает сотрудник министерства образования края Владимир Александрович Минов. Очень грамотный человек. Помню, собрались мы в третьей школе, спорю с сотрудниками управления образования, и вдруг Владимир Александрович меня подержал: «Если не изучаете языки коренных народов – значит, не формируете содержание мыследеятельности коренных. Прав Дюкарев!»

Стали разбираться, выяснилось, что законодательная база Красноярского края позволяет ввести родные языки в обязательную программу. Пошли дальше, открыли «языковые гнёзда». В Потапово энецкий язык более 20 детей изучают. Они вырастут, но будут вспоминать, что когда-то изучали свой родной язык, а кто-то, возможно, и жизнь свою посвятит энецкому языку. Главное начать, вот в Волочанке и Усть-Аваме – два «языковых гнезда», там изучают долганский и нганасанский языки.

В начальных классах школы № 1 была внедрена, хоть и не полностью, технология коллективного способа обучения. Татьяна Леонидовна Харитонова участвовала в проекте. Прихожу к ней на урок. Парты стоят не как в обычных классах, а спарены. Дети сидят по шесть-восемь человек. Все одновременно говорят – попарно учат друг друга. Стоит хороший гул, как в пчелином улье. Один мальчик встал, пошёл к доске, поставил плюстик напротив своей фамилии. Потом вообще вышел из класса. Учитель ему ничего не говорит. Вернулся, подошёл к учительскому столу, взял задание, сел за парту. Спрашиваю Татьяну Леонидовну, как так, почему не реагируете? Оказывается, метод такой! Если

ребёнку интересно, конечно, он вернётся в класс. Как выяснилось позже, этот, не самый сильный в учёбе мальчик, выполнил на одно задание больше. Ошибся, но выполнил-то хорошо! Дальше спрашиваю: «А плюсики сами себе дети ставят почему? Вы же должны оценивать их знания!»

– «Я оценю чуть позже, а на доске плюсики для того, чтобы дети сами себя учились оценивать. Они и командиров себе сами выбирают, – поясняет Татьяна Леонидовна. – Правда, поначалу ребята выбирали по принципу: «Вася мне друг, поэтому будет командиром», но после пары учебных провалов из-за неорганизованности «командира», поняли, что Вася, конечно, – друг, но командиром будет Оля, её деловые качества позволяют всей группе учиться лучше!».

А мы, взрослые, умеем себя оценивать? Когда пьём, бросаем мусор мимо урны, плюём в лифте? Как оцениваем кандидата на выборах – по костюму, по красоте, по землячеству или по деловым качествам?

Человек, которого нет

– Звонит начальник полиции: «Приходите, помогите, у меня уже голова кругом!» Будет тут кругом – занимается делом женщины из Норильского промышленного района, азербайджанкой, не имеющей гражданства. Выдворить? Но можно же помочь – она родилась в Талнахе, ещё в советское время, в 15 лет вышла замуж, уехала в Азербайджан, родила двух детей, муж умер, а родственникам его оказалась не нужна – вернулась на Таймыр, жила то в Дудинке, то в Норильске. На руках – только советский паспорт. Серпастый, молоткастый! Документ серьёзный, но – в своё время... Дожила почти до 50 лет, родила ещё двоих детей, и всё это время – без гражданства. Мало того – внуки появились уже, будто так и надо – без документов, естественно. И никто справок не даёт – нет удостоверяющего документа!

Делать нечего: стал собирать подтверждающие справки, мне дают по запросу, как должностному лицу. Дело сдвинулось с мёртвой точки. Сели писать заявление на

выдачу документов. Заявление с ней переписывали 8 раз – положено же указать всех родственников, а у неё столько братьев и сестёр, да все со сложными именами-отчествами! До 11 вечера переписывали! Через некоторое время – ура – получила паспорт! Далее всех семерых узаконили – уже легче стало.

О национальном самосознании

– Ещё лет пять назад Дудинка не имела национального лица. Сегодня – построены «Таймыр Моу» и «Ойкумена», на улицах города – баннеры с национальным орнаментом, дома украшаются в национальном стиле, строятся площадки отдыха и арт-объекты.

Наталья Юрьевна Морозова заказала Марине Жарковой долганскую одежду, Татьяна Александровна Друппова ни на одном заседании не появляется без элементов национальных орнаментов, Вера Борисовна Черкасова – тоже. Показательно? Да!

Поднимать национальное самосознание – моя задача и обязанность как председателя ассоциации. По-разному добиваемся. Было время, когда работал в Таймырском филиале Ленинградского госуниверситета имени А. С. Пушкина – совмещал работу в аппарате и преподавание предметов гуманитарного цикла – история, социология, обществоведение, психология управления и др. Разные люди обучались, в основном – взрослые. Но и им надо было объяснять, что коренные народы достойны уважения, история и культура доказывают, что их место в мире более значительное, чем принято считать.

Очевидно, что знаменитые северные экспедиции не смогли бы быть столь успешными без участия коренных. Это они делились многовековым опытом выживания в суровых условиях, учили путешественников, что и как есть, что носить, куда стоит ехать, а куда нет. Все знают первооткрывателей норильских руд Сотникова, Урванцева, Завенягина. Но ведь они использовали в своих поисках и исследованиях научные методы, а также знание местности и опыт коренных жителей Таймыра. Доказательство – в Мангазее найдены

старинные изделия из металла норильских пород, им сотни лет. Кто их выплавлял, обрабатывал? Первые металлурги из числа древних таймырцев. И это надо знать и ценить. Национальное самосознание приходит через такие примеры.

Консультант +

– На совещания прихожу со своим стареньким ноутбуком: часто приходится открывать, сверяться с законами и подзаконными актами, открывать «Консультант+».

«При Дюкареве врать нельзя!» – закрепилось такое мнение среди чиновников. Нельзя – поскольку любой приказ или отсылку на распоряжение вышестоящих структур проверю. Сокращают ФАП в Потапово. Спрашиваю: а есть ли приказ закрыть в посёлке больницу? Разумеется, нет! Отсылают жителей к несуществующему приказу, сбивчиво объясняя недостатком финансирования. Как это – в прошлом году денег хватало, а в нынешнем – нет?! Жители посёлка недовольны, совсем недипломатично выражают своё отношение к происходящему, приходится быть буфером между жителями и начальством. Людей понять можно: как в посёлке остаться без медицинской помощи? Это тундра, многое происходит: порезы, обморожения, даже огнестрелы – надо, чтобы в больнице медики дежурили круглые сутки. В результате борьбы по людям не прошлись – сохранили коллектив, сохранили стабильность, хотя и пришлось оставить в некоторых случаях по полставки.

Когда хочешь как чиновник, как председатель Ассоциации, излагать проблемы и говорить со специалистами культуры, образования, медицины, промышленниками и природопользователями на их языке – надо быть компетентным во всех этих сферах. Поэтому шуточные слова милых женщин из бухгалтерии в мой адрес: «Профессор всех наук» – считаю не просто комплиментом, а непреложной задачей и необходимой целью, к которой буду стремиться неустанно и неуклонно...

Хабир ХАРИСОВ

г. ДУДИНКА, Красноярский край

Наперекор Северному сиянию

Несколько страниц из «Атомного проекта СССР», рассказывающих о том, как на Севере «зажигались» искусственные полярные сияния. Шла «холодная война», и она потребовала, чтобы на Новой Земле начались испытания ядерного оружия, а на северных верфях рождались необычные атомные субмарины.

75 лет назад было создано Первое Главное управление при Совете Министров СССР. Чуть позже оно стало называться «Министерством среднего машиностроения» – именно оно было тем самым ведомством, где создавалось и испытывалось ядерное оружие, которое до нынешнего дня обеспечивает безопасность нашей Родины.

Губа Чёрная. Первый взрыв

Работать зимой здесь невозможно. Точнее: почти нельзя.

«Если будет баня, то мы всё сделаем!» – сказал командир строителей.

Баня была построена в первую очередь.

А потом началось сооружение всего комплекса полигона.

До первого испытания ядерного оружия оставалось чуть менее года.

К указанному в Постановлении правительства сроку успели.

«Потому что баня была!» – отшучивались первостроители.

На самом деле они совершили подвиг: то, что обычно возводилось за три-четыре года, они сделали в три раза быстрее. И это в усло-

виях жесточайших морозов, пурги и белого безмолвия ледяных полей.

Это было в районе губы Чёрная на Новой Земле. Здесь появилась одна из испытательных площадок ядерного полигона.

Почему всё-таки губа Чёрная и вообще Новая Земля?

Поначалу ядерный полигон предполагалось создавать на Кольском полуострове. Но «против» высказался адмирал Кузнецов. Тот самый Кузнецов, который спас наш флот в первый день войны. Он был единственный из командующих, который ослушался Сталина и отдал приказ на все флота и корабли о подготовке к нападению фашистов. Вражеские самолёты были встречены мощным заградительным огнём, и в ту страшную ночь наш флот не потерял ни единой боевой единицы.

Николай Герасимович Кузнецов первым понял, насколько изменяет всю стратегию войны на море ядерное оружие. Он настоял, чтобы в составе делегации из трёх человек, приглашённых на испытания атомной бомбы американцами, обязательно был специалист по военно-морскому делу. И под прикрытием корреспондента «Красной звезды» на Бикини едет специалист из Института кораблестроения Военно-морского флота А.М. Хохлов. Отчёты об увиденном тщательно изучаются как создателями атомного оружия, так и военными. Ясно, что необходимо самим проводить ядерные испытания не только на суше, но и на море.

Адмирал понимал – испытаний будет много, а потому их нужно проводить в глухих местах. Конечно же, на Новой Земле, где живут только охотники.

Кузнецова активно поддержал В.А. Малышев, который был заместителем председате-

ля Совета Министров СССР и одновременно возглавлял Министерство среднего машиностроения.

Естественно, общее мнение двух авторитетных в стране людей и определило выбор Новой Земли как нового полигона для испытаний ядерного оружия.

Губа Чёрная отличалась скалистыми берегами. Она напоминала огромную бутылку по форме. Длина бухты около 20 километров, ширина – семь километров, а в устье – полтора. Прилив был небольшой – всего около метра. Всё это гарантировало, что выхода радиоактивности в открытое море не случится. Правда, глубина бухты была менее 70 метров. Испытателям хотелось поглубже, но остальные факторы – весьма удобные и надёжные – всё-таки перевесили. Плюс ко всему, моряки заверили, что им легко будет обеспечить надёжную оборону бухты, если потенциальный противник вознамерится захватить её в канун испытаний.

Так начался создаваться объект «Спецстрой-700».

Официальным «днём рождения» его считается 17 сентября 1954 года, когда вышла директива Главного штаба ВМФ. Однако решение о создании полигона на Новой Земле было

принято ещё летом, когда вышло Постановление Совета Министров СССР. Пару месяцев ушли на то, чтобы окончательно определить, кто же будет командовать этим полигоном – моряки или сухопутные войска. Всё-таки выбор пал на флот, и во многом благодаря тому, что планировались первые испытания в бухте Чёрная. Наземные, воздушные и подземные взрывы атомных «изделий» начнутся позже, и постепенно полигон на Новой Земле станет основным в СССР. Однако летом 54-го года никто подобного и предположить не мог, так как Семипалатинск надёжно удерживал своё первенство.

В Постановлении СМ СССР № 1559-699сс от 31 июля 1954 года было записано:

«1. Принять предложение Министерства обороны СССР (тт. Булганина, Кузнецова) и Министерства среднего машиностроения (т. Малышева) о проведении морских испытаний специальных изделий и торпед всех типов в районе юго-западной части острова Новая Земля и о строительстве для этой цели морского научно-исследовательского полигона Министерства обороны СССР (объект № 700) и тыловой базы в г. Молотовске.

2. Обязать Министерство обороны СССР (тт. Булганина, Кузнецова) и Мини-

стерство среднего машиностроения (т. Малышева) провести на объекте № 700 Министерства обороны СССР в 1955 г. испытания двух торпед Т-5 с боевыми спецзарядами и в 1956 г. одного специзделия при взрыве в воздухе над кораблями мишенями и двух торпед при взрыве у берега».

Город Молотовск – это нынешний Северодвинск.

В августе 1955 года всё было подготовлено к первому испытанию.

В зоне «А» появились командный пункт, штаб, столовая, посёлок для испытателей, гидротехнические, инженерные и опытные сооружения.

В зоне «Б» – комплекс лабораторий: радиохимическая, физико-техническая, медико-биологическая, кинофототехническая, а также специальные сооружения для сборки зарядов.

В зоне «В» построен аэродром, на котором базировались эскадрилья особого назначения (она работала во время взрыва), транспортная авиация и полк истребителей, которые обеспечивали прикрытие полигона с воздуха от налётов авиации потенциального противника.

Как ни странно выглядят все эти меры предосторожности сегодня, но в те годы военные не исключали, что американцы могут нанести удар по объектам атомного полигона.

Интересно: а могли ли?

Только сейчас выясняется, что в Пентагоне разрабатывались планы о превентивных ударах по СССР с воздуха. И, конечно же, главными целями были атомные объекты. Однако Новой Земли среди них не значилось: американцы не подозревали, что здесь готовятся испытания атомного оружия. В то время разведка их работала плоховато...

25 августа 1955 года было принято решение правительства о проведении первого испытания на Новой Земле.

Наблюдение взрыва – это огромное количество исследовательской аппаратуры. Необходимо, чтобы вся она работала надёжно и эффективно. Она была установлена как на кораблях-мишенях, разбросанные по бухте (надо знать, как на них действует ударная волна и радиация!), так и по берегам в специальных пунктах наблюдения.

Для изучения процесса взрыва было смонтировано более 30 приборов, для измерения параметров ударной волны – чуть менее ста, оптических регистраторов – около двухсот, индикаторов излучений – свыше 150, а также установлено около двухсот приборов радиоавтоматики.

В район испытаний прибыли высшие армейские чины – адмирал С.Г. Горшков, генерал-майор Н.И. Павлов, будущий маршал А.И. Неделин и многие другие.

Научное руководство испытаниями осуществляли академики Н.Н. Семёнов, Е.К. Фёдоров и С.А. Христианович.

Ну а группу «издельщиков» возглавляли будущий академик и генерал Е.А. Негин и будущий директор «Челябинска-70» генерал Г.П. Ломинский.

Ядерное изделие было собрано в специальном сооружении в заливе Рогачёва. Там с особыми предосторожностями погружено на тральщик, которым командовал контр-адмирал Н.Д. Сергеев (пожалуй, в истории флота это был первый случай, когда адмирал командовал тральщиком!). Переход тральщика в губу Чёрная «прикрывался» с моря боевыми кораблями, а с воздуха истребителями.

Тральщик с изделием занял своё место среди кораблей-мишеней. Чуть в стороне размещались плавучие измерительные стенды с аппаратурой.

С особыми предосторожностями изделие было опущено на заданную глубину.

В 10 утра 21 сентября 1955 года был выдан сигнал на подрыв заряда.

Киносъёмочная группа находилась в семи километрах от эпицентра – ближе всех к центру взрыва. Один из операторов так описал увиденное:

«Султан встал мгновенно и застыл, за исключением верхней части, где неспеша стала образовываться грибовидная шапка. Столб от внутреннего свечения был белый-пребелый. Такой белизны я никогда не видел. Казалось, что столб воды поставлен навечно, вышел джинн из бутылки и замер, не знал, что делать дальше. Потом султан начал медленно разрушаться сверху, опал. В небе осталось облако, схожее

с обычными облаками. Мы не почувствовали ударной волны, прошёл какой-то ветерок. Зато очень хорошо был виден бег подводной ударной волны на поверхности воды. Как только облако взрыва отнесло от испытательной акватории, поспешили на кораблях-мишенях, боясь их затопления. На кораблях удалось снять на плёнку все основные повреждения. Засняли мы и неповреждённые корабли. Этим наш фильм отличался от предыдущих, где всегда на первый план выдвигались самые страшные виды, а непострадавшие объекты в зрительный ряд не включались».

Своими впечатлениями поделились практически все участники испытаний. Их записи вместе с показаниями приборов и измерительной аппаратуры тщательно изучались и анализировались. Они стали основой при подготовке новых испытаний.

Ядерный полигон на Новой Земле начал свою долгую жизнь. Он и сегодня действует, хотя на первый взгляд может показаться, что «молчит». Да, «громких» испытаний нет, но ядерное оружие постоянно совершенствуется. Иначе и быть не может, потому что безопасность России сегодня надёжно обеспечивает лишь оно...

«Альфа» летит под водой...

История Проекта № 705 драматична, таинственна, необычайно интересна.

Появление лодки «Альфа» в океане сразу же привело в шок американцев и их союзников по НАТО. 22 часа «Альфа» следила за самой мощной лодкой США, «села ей на хвост» так, что могучая субмарина, оснащённая 24 ядерными ракетами, не могла от неё оторваться. И только после получения приказа с базы о прекращении преследования лодки противника, «Альфа» снизила скорость и... исчезла.

Ничего подобного в истории «битвы за господство в Мировом океане» не случалось, а потому все разведчики США и НАТО были брошены на выяснение случившегося. Они смогли выяснить только то, что на стапелях завода в Северодвинске заложены новые экземпляры лодки проекта № 705.

А невероятные события на Северном флоте продолжались. Во время очередных учений выяснилось, что новая лодка развивает столь высокие скорости, что даже торпеды не способны её догнать! Поначалу западные адмиралы не поверили этой информации (кстати, и некоторые наши командиры тоже!), но потом данные подтвердились.

Много лет спустя соревнование «Альфы» и торпеды по скорости приведёт к трагедии «Курска», но это уже иная история, и лишь немногие смогут связать события начала 80-х годов и наше время. Да и все семь «Альф» уже прекратят своё существование, навсегда застыв у причалов. И только знающие люди смогут прийти к этому своеобразному памятнику и отдать дань подвигу учёных и моряков, которые сумели создать и научили летать под водой эту удивительную АПЛ.

Что же случилось? Почему «Альфа» осталась лишь яркой вспышкой в истории атомной науки и военно-морского флота?

Одни называют проект № 705 «утраченной жар-птицей», другие – «дорогостоящей ошибкой».

Кто же прав?

К сожалению, материалы об этой лодке до сих пор засекречены. И это естественно, потому что в ней использовано столь много ноу-хау, что пока не имеет смысла все их раскрывать. А потому даже в истории ФЭИ и в монографиях об академике Лейпунском лишь упоминается о создании «Альфы», не более того. Да ещё в Книге Гиннеса фиксируется, что самую высокую скорость движения под водой развивала «Альфа».

Свинец-висмут в качестве теплоносителя – это было фантастически интересное реше-

ние. К сожалению, оно намного опередило время...

Свинец-висмут позволяет создать ядерную установку, работающую при низком давлении. И сразу же проблемы безопасности становится решать легче, чем в том случае, когда мы имеем дело с водой. И второе. Понятно, что во время боевых действий у лодки могут быть повреждения, аварийные ситуации, а потому теплоноситель может вытечь из реактора. В этих случаях не должно быть ни взрывов, ни пожаров, никаких химических реакций. Теплоноситель свинец-висмут этим требованиям отвечал.

Американцы пошли другим путём. Они использовали натрий. Но он не подходит для лодок, иное дело гражданская энергетика. Американцы после ряда аварий с натрием вынуждены были отказаться от него.

При создании лодки было несколько критических ситуаций, при которых пытались закрыть это направление. Александру Ильичу удавалось отстаивать свою точку зрения, в том числе и на «высшем уровне». В конце концов, серия из семи лодок была сделана. Это были уникальные субмарины. Однако базовое обслуживание этих лодок было сложным, слишком мало опыта у моряков, флот не был готов к появлению такого оружия.

Что же это за учёный, который на добрых сто лет опередил своё время?

22 октября 1932 года газета «Правда» под заголовком «Сообщение директора УФТИ И.В. Обреимова «Разрушено ядро атома лития» писала:

«Исследование атомного ядра является центральной задачей современной физики. Десятки передовых лабораторий всего мира ведут ожесточённую атаку на атомное ядро, соревнуясь в изыскании наиболее мощных действительных методов его исследования...»

Украинский физико-технический институт (Харьков) работу по разрушению атомного ядра начал лишь в прошлом году. Однако коллективный метод работы и подлинно ударные темпы исследований позволили в течение этого короткого срока добиться решающего успеха.

10 октября научным сотрудникам УФТИ гг. К.Д. Синельникову, А.И. Лейпунскому, А.К. Вальтеру и Г.Д. Латышеву первым в СССР и вторым в мире удалось осуществить разрушение ядра лития путём бомбардировки ядрами водорода, ускоренной в разрядной трубе.

Достижение института открывает громадные возможности в исследовании строения атомных ядер. УФТИ ведёт дальнейшие количественные опыты по исследованиям ядра лития и строит более мощную установку для разрушения ядер других элементов».

Это первое упоминание о Лейпунском. Но далеко не последнее. Вот мнения о нём двух великих физиков XX века.

Я.Б. Зельдович, академик: «Александр Ильичу Лейпунскому по праву принадлежит ряд выдающихся результатов и идей. Его научный стиль характеризуется чёткой и ясной постановкой задачи и особенно – непреклонным доведением работы, доведение решения задачи до полной и окончательной ясности или до практического результата. Это достижение ясности особенно важно в переломные годы возникновения новых физических теорий, новых физических технологий».

Ю.Б. Харитон, академик, был краток: *«Одни люди выращивают цветы, а он сажал деревья».*

Пройдёт совсем немного времени и три человека – Зельдович, Харитон и Лейпунский предугадают те события, которые развернутся сначала в Америке, а потом и у нас с невиданным досель размахом. Но впереди ещё были годы репрессий и годы войны.

1937-й год резко изменил судьбу учёного. Он исключён из партии – «за потерю бдительности». Вскоре его снимают из директоров института.

Перечень его «ошибок» весьма обширен. Среди них:

«помощь врагам народа»,

«защита Л.Д. Ландау и Л.В. Шубникова, которые основное внимание направляли на срыв оборонной тематики»,

«невыполнение требований парторганизации об очистке института от враждебных элементов»,

«нереагирование на препятствия научному росту коммунистов и комсомольцев»

и так далее.

Этих обвинений было вполне достаточно, чтобы арестовать и самого Лейпунского. Это и происходит 14 июля 1938 года.

И.В. Сталин «простил» Лейпунского и других учёных, которые работали вместе с ним. На свободу вышел и Лев Ландау.

Принято считать, что его спас П.Л. Капица, который обратился непосредственно к Сталину. Наверное, его письмо сыграло главную роль в освобождении великого физика, но всё-таки не следует забывать, что первым свой голос о несправедливости ареста Ландау поднял Лейпунский.

Сталин «простил» физиков, но они помнили о своём аресте всегда. Лейпунский, как и Ландау, никому не рассказывали о тех днях, что они провели за тюремной решёткой, но ненависть к «вождю всех времён и народов» жила в их сердцах, хотя они и старались забыть о прошлом...

В 1940 году А.И. Лейпунский публикует две статьи «Деление ядер» и «Деление урана». Вместе со знаменитой публикацией Ю.Б. Харитона и Я.Б. Зельдовича о тео-

рии цепной реакции эти работы дали чёткое представление о том, что ядерную бомбу можно создать. К сожалению, тогда руководство страны должным образом не оценило эти работы физиков.

АИЛ – так звали между собой физики Лейпунского – сразу же стал одной из ключевых фигур Атомного проекта СССР. Однако ранг чиновника, даже столь высокого – заместитель Курчатова – его не устраивал. Мне кажется, Александр Ильич не мог быть «вторым». И его самолюбие, и его возможности, и его прошлое давали право АИЛу самому выбирать путь в науке.

И он добился своего: возглавил Лабораторию «В», новый научный центр, которому через несколько лет суждено войти в историю нашей цивилизации – именно здесь была пущена первая в мире атомная электростанция.

Однако не она стала «звездой» Лейпунского. Для него – это событие было рядовым. Напоминаю: он размышлял на десятилетия вперёд, и то будущее стремился приблизить всячески. А для этого нужны были нестандартные решения, дерзкие проекты.

Эта была как раз та стихия, в которой мечтал жить и творить этот учёный.

Идеи Лейпунского – это Большая Атомная Энергетика с быстрыми реакторами, с замкнутым топливным циклом. В силу различных обстоятельств мы этого сегодня не имеем, но в принципе наука и человечество идёт тем путём, который определил АИЛ. Думаю, в конце нынешнего столетия Александра Ивановича Лейпунского будут вспоминать как основоположника атомной энергетике, которая тогда будет существовать.

В ФЭИ занимались необычными проектами. У нас был создан пока единственный в мире реактор БН-600, который работает сейчас в коммерческом режиме. Речь сегодня идёт о создании нового реактора такого типа... В соседнем отделе создавались реакторы для малой энергетике, модульные реакторные установки, нужда в которых год от года возрастает... На той же площадке шли эксперименты по преобразованию ядерной энергии в лазерное излучение. Это техноло-

гия середины XXI века, и это уже очевидно сегодня... Ну а лодки «Альфа» – сами за себя говорят...

Обнинск давно уже числится среди моряков как «главная океанская база». И особенно преувеличения в этих словах нет, так как здесь выучивались офицеры атомного подводного флота.

Впрочем, на первом этапе это нужно было тщательно скрывать. Ходили офицеры только в гражданских костюмах, называли друг друга не по званию, а по имени и отчеству, о море и кораблях не упоминали. Все считались работниками АЭС. В свою очередь атомщикам тоже было категорически запрещено даже намекать о том, с кем они имеют дело. Секретные службы тщательно следили за этой конспирацией. Случился страшный скандал, когда кто-то из физиков крикнул во время волейбольного матча: «Моряк, подавай скорее!» Об этом «ЧП» доложили наверх в Москву, и оттуда немедленно последовал приказ ужесточить меры безопасности.

Но однажды случилось нечто невероятное: в Обнинске появилась группа адмиралов! Они шествовали в полном облики, не скрывая своей принадлежности к Военно-Морскому флоту. Оказывается, то была инспекционная проверка того, как готовились подводники к своим будущим походам.

Адмиралы были весьма демократичны: во время обеда они приказали, чтобы вместе с ними были и офицеры-подводники. Тут уж любой империалистический разведчик без труда выяснил бы кто есть кто, но такового не оказалось, и западные секретные службы так и остались в неведении – ещё долгие годы они не подозревали, где именно готовятся атомные экипажи.

Ныне в Обнинске адмирала встретить легко: многие моряки обосновались здесь, уйдя в отставку. А некоторые продолжают здесь служить, потому что ФЭИ остаётся стартовой площадкой для проникновения в океанские глубины. И один из первых «запусков» туда осуществил Александр Ильич Лейпунский – поэтому институт в Обнинске и носит его имя.

Владимир ГУБАРЕВ

Быть ли в Тобольске Поклонному кресту в честь Ермака?

Уже несколько месяцев на просторах Интернета ведутся жаркие споры по вопросу, вынесенному в заголовок этой статьи. Страсти закипели после того, как тобольский предприниматель, известный меценат и книгоиздатель, председатель общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимов попытался воплотить в жизнь свой давний замысел: установить в парке «Ермаково поле», созданном им на месте пустыря, большой Поклонный крест, посвящённый Ермаку и его дружине.

Крест уже изготовлен на народные пожертвования московским скульптором Сергеем Мильченко и освящён настоятелем Тюменского казачьего храма о. Владимиром. Установку этого знака планировалось приурочить к середине августа (дате гибели Ермака), оставалось лишь получить «добро» от местной администрации, но она для решения вопроса неожиданно «взяла паузу». Оказалось, что планы А.Г. Елфимова встретили возражения со стороны представителей «сибирско-татарской общественности», которые в письмах, направляемых в соответствующие «инстанции», обвинили инициаторов намеченного мероприятия в «принижении иных национальностей» и «разжигании межнациональной розни». Эти «протестные заявления», в свою очередь, вызвали в адрес их «подписантов» контробвинения (в попытках «развалить Россию», «подорвать российскую государственность» и т.д.), и в итоге ситуация, сложившаяся вокруг Поклонного креста, стала наводить сторонних наблюдателей на мысль, что и до Сибири, похоже, докатилась модная нынче война с памятниками.

Обе стороны в разгоревшейся полемике обращаются прежде всего к «фактам истории», и поскольку я уже много лет профессионально занимаюсь сюжетами, касающимися именно «покорения Сибири», то считаю необходимым высказать и свои соображения о предмете возникшего спора и его особенностях. Важнейшая же из них состоит в том, что при изложении и характеристике событий, связанных с походом Ермака, неверные мнения высказывают как сторонники, так и противники Поклонного креста, однако если у первых ошибки

не носят принципиального характера и обусловлены главным образом скудостью и сложностью источников, с разных позиций освещающих «Сибирское взятие», то вторые демонстрируют либо полное незнание, либо абсолютное непонимание, либо крайне тенденциозную трактовку фактов.

В обобщённом виде главные доводы татарских активистов таковы. Поклонный крест ставить нельзя, потому, что Ермак – «неоднозначный исторический персонаж» и «криминальная личность», «разбойник», «кровавый пийца», «завоеватель». Он «пришёл с вой-

Василь Суриков. Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем.

ной» в Сибирь и «истребил мирное население Сибирского ханства». «Не татары пришли с войной на русских, – подчёркивается в одном из заявлений, – а Ермак пришёл с войной». И, значит, памятники «надо ставить тем, кто героически защищал своё Отечество, а не тем, кто нападал на чужое государство». И вообще недопустимо напоминать татарам, что их «завоевали»...

Из этих пассажей прежде всего видно, что их авторы начисто игнорируют (либо просто не знают) предысторию похода Ермака в Сибирь, имеют весьма смутные представления о событиях, происходивших на территории бывшего Сибирского ханства как накануне, так и после её включения в состав России, а при их оценке грубо нарушают главное, чем должен руководствоваться любой исследователь прошлого, – принципы историзма, суть которых выразил ещё Н.М. Карамзин: «Мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени».

У каждой эпохи своя мораль, своя этика, нередко сильно отличающаяся от позднейших представлений о том, что «хорошо» или «плохо», что допустимо или неприемлемо во взаимоотношениях между людьми, народами и государствами. В частности, в XVI–XVII

веках сам по себе вооружённый захват «чужих» земель вовсе не считался чем-то предосудительным. Наоборот, им даже гордились, воспринимая как выражение воли «высших сил», и приобретение каких-то территорий путём их завоевания («за саблю», как говорили на Руси) рассматривалось во всём мире как законное право победителя. Именно так, кстати, отреагировали на извещение Москвы о завоевании Сибирского ханства европейские державы: они не только не осуждали эту «агрессию», но и поздравляли русского царя с победой.

Но даже если мы откажемся от принципов историзма и будем подходить к обстоятельствам «Сибирского взятия» с позиций современной морали и этики, то и в таком случае аргументация противников Поклонного креста выглядит совершенно несостоятельной. Напомню им, что ещё в 1555 году прибывшие в Москву послы правителя «Сибирского юрта» Едигера передали Ивану Грозному просьбу их государя о покровительстве. После долгих переговоров этот вопрос был для них решён положительно, и в 1557 году к титулу русского царя прибавился ещё один – «всея Сибирския земли повелитель» (после чего, по представлениям той эпохи, территория Сибирского

ханства уже могла на законных основаниях считаться присоединённой к Московскому государству, но мы абстрагируемся и от этой формальности). Однако в 1563 году при поддержке Бухары и ногайцев «Сибирский юрт» захватили братья Ахмад-Гирей и Кучум, при этом правившие им вассалы Москвы Едигер и его брат Бекбулат были убиты, а внешнеполитический курс их государства резко поменялся, особенно после того, как Кучум стал единоличным правителем своего ханства (в 1569 году). Первое время он ещё сохранял вассальные отношения с Москвой, но узнав о её сожжении при очередном крымском набеге (в 1571 году), разорвал их и активизировал антирусскую политику.

Стремясь распространить своё влияние на народы не только Уральского, но и Поволжского регионов, сибирский хан в 1572 году стал подстрекать к антирусскому бунту марийцев, а в 1573 году бросил открытый вызов Москве: по его приказу был убит вместе со своей татарской свитой направлявшийся к казахскому хану Хакк-Назару царский посол Третьяк Чебуков. На уральские владения Московского государства начались регулярные вооружённые нападения со стороны Сибирского ханства, его вассалов и союзников. С 1572 по 1582 год было совершено не менее пяти опустошительных рейдов по русской территории, которые возглавляли то мансийские князья (Бегбелей, Кихек), то родичи самого Кучума (племянник Маметкул, сын Алей). Они «предавали огню и мечу» русские поселения по Чусовой, Сылве, Косьве, Каме. От этих набегов в первую очередь страдали владения купцов и солепромышленников Строгановых, жаловавшихся царю, что «сибирцы» у них «лошадей, коровы отганивают и людей побивают, и промыслы у них в слободах отняли, и соли варити не дадут». Но кучумляне разоряли и другие земли русского Приуралья, осаждали даже Чердынь – главный город Пермского края, а Соликамск захватили и сожгли, вырезав почти всех жителей.

Ну и как должна была реагировать на такие «эксцессы» русская сторона? Строгановы отреагировали вполне адекватно: пригласили для защиты своих владений волжских каза-

ков во главе с Ермаком, ну а тот, понимая, что «лучшая оборона – наступление», предпринял поход в Сибирь. Всё это – к вышеупомянутым рассуждениям о том, кто на кого «пришёл с войной» и кто первым «напал на чужое государство»...

Не соответствуют фактам и оценка татарскими активистами атамана Ермака как «криминальной личности».

Во-первых, пока не найдено ни одного документально обоснованного подтверждения версии о его занятиях грабежами и разбоями (с чем согласился даже немецкий историк Дитмар Дальман – при всём его, мягко говоря, «критическом отношении» к «покорителю Сибири»). Между вольным казаком и разбойником XVI века, действительно, порой трудно провести чёткую грань, но только не в случае с Ермаком. Есть, правда, сведения, что он незадолго до похода в Сибирь отогнал у ногайцев табун лошадей, но угон скота у соседей – обычное дело для обитателей степи, своеобразный «спорт»; у него и своё название есть – «баранта» (или «барымта»). Вместе с тем, давно известно заслуживающее доверия сообщение о службе Ермака в царской армии на фронтах Ливонской войны.

Во-вторых, его поведение на территории Сибирского ханства совершенно не соответствует расхожим понятиям о «злодее-кровавице», коим стремятся представить Ермака противники установки Поклонного креста. Конечно, XVI век – время суровое, и боевые действия велись казаками в соответствии с нравами и обычаями этого времени, но смею уверить, что русские при этом в жестокости вовсе не превосходили татар. Ну а сам Ермак проявил себя в ходе сибирской кампании и как выдающийся военачальник, и как человек с государственным мышлением, не раз демонстрировавший незаурядный дипломатический талант, благородство и гуманное отношение к побеждённым. Он быстро нашёл себе союзников не только среди недовольного Кучумом ханты-мансийского населения, но и среди татар, освободил от уплаты ясака впадшее в нищету племя туралинцев, принял «с честью» пленённого «царевича» Маметкула, несмотря на то, что тот погубил немало рус-

ских людей по обе стороны Уральских гор. Да и сама смерть Ермака связана с приведшим его в ловушку порывом освободить бухарских купцов, якобы задержанных Кучумом на Вагае. Заслуживает внимания и тот факт, что в XVII веке сами же татары фактически обоже- ствили Ермака: по их преданиям, от его тай- ной могилы исходил только им видимый свет и земля с неё имела целебные свойства. А в споры татар из-за обладания снятым с тела Ермака панцирем вынуждена была вмешаться царская администрация. Нынешние пред- ставления сибирских татар о Ермаке – это уже продукт более позднего времени...

Так же глубоко неправы «обличители» Ер- мака, когда пишут, что он «покорял татар». Не сибирских татар он покорял, а Сибирское ханство. В ипостаси такого же «покорителя» за два десятка лет до того выступал и Кучум. Ведь он, в отличие от казнённых им предста- вителей местной династии (Едигера и Бекбу- лата), татарин не был. Кучум был «чинги- сидом» (одним из потомков Чингис-хана) и воцарился на сибирском престоле благодаря иностранной поддержке, придя в Сибирь из Бухары. Так что и Ермак, и Кучум – оба «заво- еватели», оба для сибирских татар чужаки, но разница между этими «покорителями» прин- ципиальна. Ермак «напал» на Сибирское хан- ство, чтобы пресечь набеги на русские земли с его территории, подчинив её Московскому государству. Кучума же никакие набеги «си- бирцев» на Бухару не беспокоили (ввиду их отсутствия), и он захватил «Сибирский юрт» лишь для того, чтобы сделать его своим вла- дением и всемерно расширять в западном на- правлении.

Констатировав, что «Кучумово царство» не было государством татар, представим теперь перспективы их дальнейшего пребывания в его составе при сохранении им независимости. В лучшем случае их ждала бы участь жи- телей некоего подобия хорошо известных нам среднеазиатских ханств, которые, наживаясь на работорговле и контроле за торговыми пу- тями, даже в конце XIX века, накануне утраты независимости, являли собой редкий заповед- ник экономической, социальной, культурной и политической отсталости. А Россия, раздвиг-

нув свои пределы после крушения Сибирско- го ханства до Тихого океана, к тому времени стала одной из мировых держав, достигла грандиозных успехов в развитии экономики и культуры как в центре страны, так и на её окраинах. Даже ярый ненавистник России Фридрих Энгельс был вынужден признать, что она играет *прогрессивную, цивилизатор- скую* роль по отношению к Востоку, особо выделив бассейны *Чёрного и Каспийского мо- рей, башикур и татар* (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 27, с. 241).

Некоторые представители «татарской обще- ственности» упорно настаивают на том, что жизнь сибирских татар в России была крайне тяжёлой и едва не привела к полному выми- ранию этого народа («Родина». 1990. № 5, с. 75). Но это уже полный абсурд. На демогра- фическую ситуацию в Сибири, конечно, влия- ли разные факторы, в том числе крайне неблагоприятные – войны, эпидемии, неурожай и падежи скота, «испромышление» охотничьих угодий; не прекращались и ассимиляционно- миграционные процессы. Тем не менее, чи- сленность сибирских татар при всех колеба- ниях неуклонно росла, и если на рубеже XVI и XVII веков она составляла примерно 15-20 тысяч человек, то в 1897 году – почти 57 ты- сяч, в 1939 году – около 80 тысяч, а по пере- писи 2010 года – 190 тысяч (всего же татар в Западной Сибири – с теми, кто переселился туда из европейской части страны, – более по- лумиллиона).

В конце XVI и в XVII веке судьба «сбитого с куреня» Кучума не слишком печалила его быв- ших подданных – они ведь помнили, каким образом он воцарился на сибирском троне, и после постройки за Уралом первых русских городов стали охотно пополнять их гарнизо- ны. При некоторых из них появилась особая категория населения – «юртовские служилые татары», которые, сохраняя за собой свои ро- довые земельные владения и мусульманскую веру, защищали восточные рубежи России порой более ревностно, чем русские казаки и стрельцы. Показательно, что в сибирской сто- лице – Тобольске – служилыми татарами «ве- дал» соратник Ермака Черкас Александров, и в 1598 году они с ним участвовали в походе,

закончившемся окончательным разгромом Кучума. Но даже те из татар, кто ушёл в степи с сыновьями и внуками сибирского хана, совершая оттуда набеги на российские владения, в конце концов, поняли бесперспективность и ненужность борьбы с Россией и стали переходить в её подданство.

Сибирские татары, не занятые военной службой, в массе своей тоже отнюдь не бедствовали, а в обеспечении землёй, как правило, находились в более выгодном положении, чем русские поселенцы, вынужденные вплоть до 1930-х годов арендовать у татарских соседей покосы и пастбища или пользоваться этими угодьями по какому-нибудь «полюбовному договору» (см.: Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982, с. 71–72, 260). О широком распространении такой практики я впервые узнал ещё в 1968 году, когда в этнографической экспедиции расспрашивал о «прежней жизни» стариков из деревень на берегах Тобола. А историк А.Л. Вычугжанин недавно нашёл в газете «Тифлисский листок» от 10 октября 1917 года любопытную заметку следующего содержания: «Среди татар Тобольской губернии в последнее время появилось крайне опасное течение под флагом «Давай царя». Движение растёт, захватывая всё больше и больше татарских селений. Татары Тобольской губ. в большинстве являются крупными земельными собственниками, за которыми земельные угодья закреплены жалованными царскими грамотами. Татары боятся, что новый строй отнимет у них земли...» (И ведь как в воду глядели: «социалистические преобразования сельского хозяйства» уравнивали занятых в нём татар с русскими, пусть и не совсем: татарским колхозникам, в отличие от русских, разрешалось иметь в личной собственности лошадей, и это стало одной из причин того, что на «мусульманскую» деревню коллективизация не оказала столь же пагубного влияния, как на деревню «русскую»).

Помнится, в 1968 году меня приятно удивил добрососедский характер отношений в Сибири между русскими и татарами; особенно впечатляли их рассказы о том, как они ездили друг к другу в гости – «чай пить». Сам же

я встречей с сибирскими татарами был просто очарован – они оказались людьми на редкость приветливыми, радушными, доброжелательными, красивыми (особенно девушки) и совершенно свободными от комплексов по поводу событий, произошедших на их земле 400 лет назад (хотя и знали о них). Правда, общался я тогда исключительно с «сельскими тружениками», а вот от моего более позднего знакомства с представителями «национальной интеллигенции» впечатления оказались совсем другими. В июле 1991 года я участвовал в работе «Круглого стола», посвящённого обсуждению сценария фильма «Ермак» (режиссёров В.А. Краснопольского и В.И. Ускова). Позиция присутствовавших на этом мероприятии членов Ассоциации татар Тюменской области «Сыбыр» была крайне жёсткой и непродуктивной. Воспроизведя практически тот же набор «доводов», который ныне используют противники установки Поклонного креста, они требовали, чтобы Ермак был показан в фильме как однозначно отрицательный персонаж, вызывая у русских лишь чувство глубокой вины перед татарами за содеянное. Иные мнения, несмотря на всю их обоснованность, татарская сторона просто не воспринимала, и разгоревшаяся на «Круглом столе» дискуссия (в которой между делом зашла речь и о желании сибирских татар иметь в России «свою республику») оставила крайне неприятный осадок...

Складывается впечатление, что среди татарской интеллигенции сложилась весьма деятельная группа, которая одержима идеей во что бы то ни стало рассорить свой народ с русскими и готова использовать для этого любой повод – будь то фильм, памятник или «национальные обиды» многовековой давности.

В ситуации с Поклонным крестом у меня вызывает недоумение и позиция некоторых коллег. Так, доктор исторических наук Д.М. Исхаков назвал инициаторов установления памятника «шовинистами». В чём же, интересно, уважаемый Дамир Мавлявеевич усмотрел у них проявления шовинизма? Суть этой идеологии чётко определена толковыми словарями, и исходя из этих определений, позволительно спросить, где в высказываниях

А.Г. Елфимова и его сторонников есть хоть какие-то признаки «враждебного отношения к другим нациям» или «проявления национальной исключительности и ненависти к другим народам»? Ведь даже намёков на подобное там не найти.

Неприятно удивила меня и З.А. Тычинских. Прежде всего тем, что, являясь автором добротного исследования о служилых татарах Сибири и, стало быть, прекрасно зная об их ревностном служении России, выступила против увековечивания памяти других её защитников – Ермака и его дружины. Вызывают недоумение и осуждение Тычинских А.Г. Елфимова за его стремление «возвести фигуру Ермака на самый-самый высокий пьедестал» и «создать вокруг него такой ореол сказочности, былинности». Неужели кандидат исторических наук Зайтуна Аптрашитовна Тычинских не знает, что такой «ореол» Ермаку давным-давно создан, и вовсе не А.Г. Елфимовым, а русским народом. Ведь «покоритель Сибири» – один из самых любимых героев русского эпоса.

Известно множество народных песен, легенд, сказаний, где Ермак действительно выглядит сказочным, былинным богатырём. И

причины того элементарны и не имеют никакого отношения к шовинизму: поход Ермака стал одним из завершающих эпизодов тяжелейшей, изнурительной борьбы Руси с наследием ордынского ига. После его свержения в 1480 году образовавшиеся на развалинах Золотой Орды ханства ещё почти четыре столетия терзали Русь опустошительными набегами, сжигая сёла и города, уведя в рабство или умертвив самым жестоким образом сотни тысяч мирных жителей. Поэтому можно представить, какой отклик получила в стране весть о том, что какой-то казачий атаман разгромил целое «татарское царство»! На большей части российской территории реальная сторона свершённого Ермаком вскоре забылась, но память о нём как о великом ратоборце, народном заступнике и герое навеки осталась, воплощаясь даже в былинные образы – вплоть до превращения знаменитого атамана в соратника самого Ильи Муромца. Ни один из пошедших по проложенному Ермаком пути первопроходцев не был удостоен подобной чести и славы...

В обращениях «татарской общественности» в «инстанции» по поводу «восхваления Ермака» обычно красной нитью проходит мысль

о необходимости уважительного отношения к национальным чувствам любого народа. Мысль, безусловно, верная. Вот только одна незадача: «подписантами» почему-то не учитывается то немаловажное обстоятельство, что их выпады против Ермака, основанные на незнании исторических фактов или их тенденциозной трактовке, тоже ведь могут оскорблять чьи-то национальные чувства. Тем более, что речь в данном случае идёт об очернении не просто любимого героя народных преданий, а знаковой фигуры нашей истории, запечатлённой даже на памятнике «Тысячелетие России», – человека, благодаря которому наша страна существует в своих нынешних пределах...

В обсуждении «ермаковской» темы выявился ещё один нюанс: противники установки Поклонного креста любят подчёркивать, что они представляют *коренной* народ региона и следовательно их голос в сложившейся ситуации должен иметь особую значимость и наибольший вес. Что ж, сибирские татары, действительно, являются коренными обитателями Северной Азии, однако на основной территории своего нынешнего расселения их предки обосновались только в XIV–XV веках, т.е. всего за столетие до прихода русских. Выходит, что 500 лет проживания на одном месте дают на него какие-то особые права, а 400 – нет? Несерьёзно это...

Около 90% населения Сибири и 80% всей России составляют русские, и всё множась публичные проявления неуважения к «государствообразующему этносу» страны, могут иметь для неё самые пагубные последствия. Пренебрежение национальными интересами и чувствами русского народа у нас, конечно, имеет давние традиции. Проявляется оно и в открытом глумлении над отечественной историей. Пик его, как известно, пришёлся на 1920-е и середину 1930-х годов, время господства в нашей историографии «школы» М.Н. Покровского. Её сторонники, выдёргивая из общей канвы событий лишь «выгодные» моменты (а то и вовсе не утруждая себя поисками фактов), в своих разоблачениях «царизма» более всего поливали грязью как раз полководцев, защищавших и расширявших

границы государства Российского. Тогда же большевистские вожди называли русский народ «нацией обломовых», «великой только тем, как велик держиморда». Демьян Бедный высмеивал русских былинных богатырей. Комсомольский поэт Джек Алтаузен призвал расплавить памятник Минину и Пожарскому («Подумаешь, они спасли Расею! А может, лучше было б не спасать?»). И лишь когда «запахло жареным» ввиду приближения войны, власти опомнились и пошли на серьёзную корректировку идеологического курса. А 7 ноября 1941 года с трибуны мавзолея прозвучал призыв вдохновляться «мужественными образами наших великих предков», среди которых были упомянуты и Минин с Пожарским, и Дмитрий Донской, и другие военачальники, в деяниях которых ещё совсем недавно историки-марксисты не усматривали ничего, достойного уважения и подражания.

Тогда обошлось: за страну отчаянно сражались даже те представители «нации обломовых», у которых не было причин любить её власть: «пламенные интернационалисты» не успели вытравить чувство патриотизма из русского народа. Сейчас ситуация сложнее. На границах у нас опять «тучи ходят хмуро», однако «покровщина», вернувшись к нам в «лихие девяностые» (пусть и без теорий «торгового капитала» и «классовой борьбы»), во всю процветает, не встречая никакого противодействия со стороны властей и принимая порой весьма изощрённые, но по-прежнему оскорбительные для русского народа формы. Такие, например, как борьба с памятниками его героям...

Проблемы национальной безопасности в наше время осложняются многими факторами, но особенно – тем, что противостояние держав всё чаще выливается не в реальные боестолкновения, а в раскалывающие общество информационные и гибридные войны. Надо ли доказывать, насколько в таких условиях важно для властей страны понимание настроений и чувств её «государствообразующего этноса»?

Николай НИКИТИН,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Свечение Черенкова на «Звёздочке»

От «самопроизвольно» возникшей ядерной цепи никогда и ничего хорошего ждать не приходится, тем более, если начало её в грубых ошибках при эксплуатации реактора. Так и случилось в феврале 1965 года на атомной подлодке у причала северодвинской «Звёздочки» – ныне Центра судоремонта. И был тогда мощный выброс радиации в атмосферу, сотни тонн заражённой воды в заводской акватории. И свечение Черенкова видели тоже...

О последнем явлении. Ещё в 1934 году советские учёные изучали воздействие гамма-лучей на различные прозрачные растворы и жидкости. Оно сопровождалось неким слабым свечением голубого цвета. Физик П.К. Черенков выяснил его природу: свечение вызывали заряженные частицы, которые двигались со скоростью, превышающей фазовую скорость распространения света. Позже ядерщики сделали вывод, что аналогичный эффект может возникать и с выбросом радиации при самопроизвольной цепной реакции, и назвали свечение по фамилии первооткрывателя.

Надеялись, скоро уйдём...

Упомянутой аварии на «Звёздочке» предшествовало следующее. Атомную подлодку К-11 (проект 627а, заводской заказ № 285) корабель северодвинского Севмаша передали флоту 30 декабря 1961 года, но уже в 1963-м она пришла обратно, на ремонт. Причина столь скорого возвращения – парогенераторы ГЭУ, ахиллесова пята первых атомоходов. Как признавались мне старые подводники, в те годы практически ни один выход в море не обходился без поломок именно парогенераторов и даже тревожного сигнала «радиационная опасность». На ремонт экипажу К-11 отвели год с небольшим. Для «Звёздочки», надо сказать, подобный заказ был первым, и, к чести местных корабелов, они его выполнили в срок. В ноябре 1964-го лодка уже готовилась к ходовым испытаниям, как в одну из ночей сработала сигнализация: в реакторном отсеке сильно «фонило». ГЭУ держали тогда на 10 процентах мощности, а вода в контуре реактора имела радиоактивность, как при 100. Паро-

вая фракция её, вырвавшись в атмосферу, тут же накрыла заводские дебаркадеры, да так, что истошно звенели все «счётчики Гейгера»!

Лодку очень ждал флот, и над корабелями висел план. Свидетели говорят, мол, корабль буквально выталкивали на испытания, хотя и понимали – до катастрофы недалеко. И в конце концов «вытолкнуть» не рискнули.

С ЧП разбирались несколько комиссий, и специалисты сделали вывод: якобы «в реакторе правого борта размыт один из теплоделяющих элементов». Тогда предложили перезагрузить активные зоны обоих реакторов. С этим все согласились, и флот направил на «Звёздочку» плавбазу-перегрузчик.

Дальнейшие события (6 и 12 февраля 1965 года) описаны в открытой печати много раз, причём и в газетах, и в журналах, даже в книгах. Отсечём сразу же изложение псевдоэкологической организации Bellona: она порой грешит так, что и не воспринимается всерьёз. Обойдёмся без ссылок и на прочие «забугорные» СМИ. Основную версию возь-

мём из отечественных толкований. Если смотреть в целом: при перегрузке активной зоны на лодке произошёл «неконтролируемый пуск реактора с выбросом радиоактивной паровоздушной среды». Позднее в реакторном отсеке корабля вспыхнул пожар. Его решили тушить морской водой. Залили в лодку порядка 250 тонн, а она через выгоревшие уплотнения распространилась в смежные и кормовые отсеки. Из-за угрозы затопления корабля радиоактивную воду откачивали прямо за борт, и дело это происходило, напомним, на заводской акватории...

Всякий по-своему

Такова, повторюсь, основная фабула. Но различий в ней немало.

Казалось бы, в таком случае лучше всего дать слово непосредственным участникам событий. Мемуаров и просто записей они оставили немало... Виктор Смарагдов – бывший командир лодки, Эдуард Платонов – бывший командир группы штурманской БЧ, Иван Грешняков – бывший командир перегрузочной партии ПТБ, Вячеслав Акулецкий – бывший командир химслужбы АПЛ К-149, Анатолий Васильев – бывший начальник санитарной службы северодвинской МСЧ, другие... Все они вспоминают, но некоторые эпизоды у них очень разнятся, и не только потому, что подводит память. Правы классики: сколько свидетелей, столько и версий об одном и том же происшествии. Так ведь и оценки у них раз-

ные, а в них, к слову, взаимные упрёки между военными и заводскими. Кстати, Анатолий Васильев и сам признал: «У людей, занимавших разные иерархические ступени, окраска тех событий совершенно разная». В общем, очень мудро разбирается нынче, что и как было на самом деле в феврале 1965-го...

Свечение Черенкова. Оно возникло ещё до пожара, когда с грубейшими нарушениями технологии поднимали крышку реактора, а вместе с ней вверх пошли и компенсирующая решётка, и стержни автоматического регулирования, и стержни аварийной защиты, – вот когда атомный джин вырвался из своего заточения! (Чья вина, кто совершил те роковые ошибки, отчего позже в отсеке вспыхнул пожар, как его потушили, как вели следствие и кого за аварию наказали – возможно, это стоит детального разговора, но уже в другой раз. – *Прим. О.Х.*) Некоторые утверждают, что голубое свечение наблюдали вахтенный и ещё два офицера, оказавшиеся на верхней палубе лодки, а также двое матросов, находившихся в самом отсеке. Они тут же выскочили наверх и на тот момент уцелели. При выбросе чудовищной радиации, как позже уверяли учёные, матросы должны были... нет, не получить ожоги – обуглиться!

Кстати, о жертвах: сколько их в те дни было? Один пишет: «В результате переоблучилось семь человек». Второй: «Часть экипажа погибла, остальные получили большие дозы облучения». Третий: «Данные об уровнях облуче-

Атомная подводная лодка проекта 627А в штормовом океане.

Такой аншлаг заставит
подумать о своей
безопасности любого.

ния и последствиях до сих пор неизвестны». Ну и далее в том же роде...

А город и не думал

Аварию на подлодке К-11 справедливо отнести к событиям экстраординарным: целый город оказался на грани техногенной катастрофы. А сознавало ли население угрозу? Горожане даже не знали о происходящем. Точнее, об аварии и возможных её последствиях ведал ограниченный круг людей. Думаю, часть работников «Звёздочки» и Севмаша, не привлечённых к работам с подлодкой, тоже знали или, по крайней мере, догадывались о ЧП, но город был «режимным», да и сам характер аварии не располагал людей к широкому её обсуждению.

Однако признаки неладного в будничной жизни Северодвинска появились, ведь остатки радиоактивного выброса не могли не попасть с заводской территории на городскую. Ветераны вспоминают строгий контроль на проходных предприятий (иногда даже с переодеванием). «Искали радиацию» и в городе (не день-два, а довольно продолжительное время), в местах скопления людей, скажем на автобусных остановках...

Мне же было тогда лет двенадцать, но и я припоминаю дозиметристов на улице Торцева, у ДОФа. Увидел их с аппаратурой случайно, из окна актового зала школы № 14, а потом, столь же случайно, наткнулся на них и на улице Первомайской, и в лесопарковой

зоне. Правда, что мы, пятиклассники, могли соображать в их деле? Радиация – это физика для старших классов.

Конечно, в курсе событий держали высших военных чинов страны, вплоть до главкома и министра обороны. Но то в Москве. Прилетел в наш город и начальник главного управления военного кораблестроения СССР. От Северного флота на Яграх «крутились» в те дни и помощник командующего, и начальник техуправления, и начальник химслужбы, и главный радиолог – и у каждого штат помощников. Иными словами, обилие «больших звёзд» наблюдалось на причалах «Звёздочки». Но и здесь, кстати, остались разные мнения, особенно в оценках приказов и поступков старших офицеров.

Большую науку тоже сразу вызвали в Северодвинск – из Курчатовского института, из Института биофизики, из спецуправления Минздрава...

Что было потом, уже после аварии на «Звёздочке»? Флотские предлагали подлодку «отмыть». Один из мемуаристов так пишет: «Военные, конечно, понимали, что во всём виноваты, и хотели обойтись меньшими потерями – решили, что смогут лодку дезактивировать». Молва по этому же поводу приписывает директору Севмаша Евгению Павловичу Егорову фразу: «Ну пусть помянутся дурью, всё равно отсек я вырежу!» В самом деле, к этому времени у завода уже был опыт восстановления печально известной АПЛ К-19

по прозвищу «Хиросима». И вышло-то всё по-егоровски: два года (с 1965-го по 1967-й) К-11 стояла на Севмаше, реакторный отсек её вырезали и затопили в новоземельском заливе Абросимова, а на место аварийного поставили новый. И всё это время корабль продолжали «отмывать» от опасной грязи...

Не отмывать добела

Драматические события у причала ягринской верфи, где в эпицентре мощного радиоактивного выброса оказалась атомная подлодка К-11, в полной мере можно отнести к наиболее драматичным эпизодам в истории послевоенного Северодвинска. Тех, кто оказался непосредственно причастным к очагу той аварии, сегодня уже немного – всё же время берёт своё. Гораздо в большем числе те, кто припоминал и рассказывал отдельные детали того периода в жизни «Звёздочки» и всего Северодвинска. Последнее неслучайно, ведь город не мог оказаться в стороне от выброса радиации на одном из ведущих его предприятий. Были среди откликнувшихся и те, кто уточнял некоторые моменты самой аварии, её ликвидации и последствий, а они, к слову, сказывались затем несколько лет. Пожалуй, с них и начнём.

Люди интересовались последствиями слива в заводскую акваторию радиоактивной воды из отсеков горевшего корабля. Попало её туда, как мы уже говорили, немало – сотни тонн. Ре-

шение «слить за борт» принял командир БЧ-5 подлодки капитан III ранга Семён Иванович Вовша. Однако замечу, ни один (!) из участников ликвидации аварии не упрекнул его ни тогда, ни впоследствии, признав, что это была вынужденная и единственно возможная мера, «потому что утони эта посудина у берега – было бы ещё хуже».

Последствия по счастливой случайности свелись к минимуму: было время отлива, и опасная вода быстро «втянулась» в кольцевой ток Белого моря против часовой стрелки. Когда вскоре учёные взяли пробы в акватории завода, а ещё и сделали анализ водорослей с корпуса атомохода, где произошло обрастание, убедились: опасности заражения нет.

Гораздо хуже была обстановка в отсеках лодки. Практически 5-й, реакторный отсек был полностью уничтожен огнём, и его «пепелище» к тому же источало смертельную радиацию. Более того, через выгоревшие уплотнения кабельных трасс вода поступила в смежный, 6-й отсек, и далее через различные неплотности в кормовые отсеки, и даже в носовой, 2-й отсек радиация проникла.

Пребывание в реакторном отсеке обходилось людям в 2 рентгена в час. Если они проникали туда через погрузочный люк – рентген в час. Безопасной нормой у гражданских считалось 5 бэр в год или 3 бэра однократно – это 3 часа работы в отсеке. У военных – 15 бэр в год либо 12 однократно. В самом крайнем случае разрешалось 25 бэр. Но и эту «пайку

Атомная подводная лодка К-11 на боевой службе – подходит к борту плавучей базы снабжения.

радиации» ликвидаторы аварии очень скоро выбрали.

Лодку К-11 отмывали тщательно и беспрерывно несколько лет! И пока она стояла у причала «Звёздочки», и когда её перетащили к глубоководной набережной Севмаша для ремонта. Даже когда реакторный отсек заводчане вырезали и на его место поставили новый, лодку продолжали мыть. А лодка продолжалафонить, теперь уже у левого берега Никольской протоки. Даже спустя годы (!), когда подлодка ушла на боевую службу в Средиземное море, в некоем дальнем углу её трюма обнаружили болт, вероятно, закатившийся туда в момент аварии. Так вот, болт фонил так, что датчики зашкаливали... Известно также, что часть металлических конструкций подлодки ещё по весне 1965 года свезли на участок южные Ягры. Народ шептался и сторонился этого места десятки лет...

Искать «стрелочника»

Однако вернёмся к самой аварии. Есть ряд вопросов, которым и по сей день не дано объяснений. Первым из этой серии обычно звучит: почему во время перегрузки активной зоны на корабле не оказалось командира? Как правило, при столь ответственных, даже опасных операциях, командира, напротив, отзывают, если он в отпуске или же в командировке. А в случае с К-11 всё наоборот – капитана II ранга Виктора Смарагдова отправили в отпуск, причём несмотря на его возражения. Сделал это командир 203-й бригады ремонтирующихся подлодок капитан I ранга Виктор Горонцов. Мотив его решения вызывает недоумение и неизвестен до сих пор. Командование лодкой тогда был вынужден принять старпом – капитан II ранга Евгений Кафутин, которого впоследствии «назначили» виновником пожара, хотя нелепость обвинений понимали все, вплоть до командующего Северным флотом. Виктор Смарагдов: «Комиссия отметила, что действия личного состава корабля были грамотными, авария произошла не по вине экипажа и ходатайствовала о поощрении отличившихся. Когда доложили главкому ВМФ, он удивился: «При такой аварии и нет виновных?! Жду повторного доклада». Тогда

начали искать «стрелочников» и решили сделать виновным старпома Кафутина... В результате повторного доклада главкому командиру бригады объявили выговор, а старпом был освобождён от должности».

Так почему же случился радиоактивный выброс? Если в трёх словах, то из-за грубейших нарушений технологии. А если конкретнее? Перед подъёмом крышки реактора (делают это с помощью крана, очень аккуратно, на так называемом микроходе) ставится специальный упор, который препятствует движению компенсирующей решётки, стержней регулирования и аварийной защиты реактора... В случае с К-11 упор был установлен меньшей длины, чем требовалось (хотя мне доводилось слышать, что его тогда и вовсе не установили. – *Прим. О.Х.*). Начальник перегрузочной партии (в ту пору капитан-лейтенант) Иван Грешняков полагает, что произошло это по нелепой случайности, все другие участники убеждены: по вопиющей халатности специалистов плавбазы-перегрузчика. Поэтому, когда кран стал поднимать крышку, за ней потянулись и решётка, и стержни. Как следствие, реактор запустился и произошёл тепловой взрыв, который и выбросил из раскрытого чрева реактора пароводяную смесь. Крышку тотчас стали опускать обратно, но села она на корпус уже с перекосом.

А последующий после радиоактивного выброса пожар? Отчего возник он?! Здесь исключительно версии. Одна из них, выдвинутая учёными – физиками, напрямую связана с «эффектом Черенкова»: якобы в момент самопроизвольной цепной реакции произошёл настолько мощный выброс радиации, что могла произойти сверхионизация воздуха, которая вызвала так называемый пробой между оголёнными и близко оказавшимися клемниками на кабеле. От этого будто бы и возникло пламя. Военные версию внимательно выслушали, но то ли сказанное учёными показалось им из области недоступного разуму, то ли уже тогда был нужен «конкретный виновник», и физикам деликатно отказали. Гораздо убедительнее звучало: «самовозгорание дыхательных аппаратов ИП-64», которые якобы моряки забыли в отсеке на выгородке СУЗ (система

защиты и управления). И хотя аппараты никак не могли сами по себе воспламениться и сами военные прямо говорили, мол, «ерунда это полная», как водится у наших флотских, версию утвердили. Под неё и попал старпом Евгений Кафутин...

Как у классиков

В воспоминаниях обращает внимание разница в оценках решений и поступков участников тех событий. Например, при ликвидации пожара на подлодке. Если военные говорят о чётком руководстве старших офицеров, о взаимопонимании и грамотных действиях личного состава, то гражданским специалистам они виделись по-иному. Скажем, главный санитарный врач МСЧ Анатолий Васильев характеризует их не иначе как панику: «И вот пожар. Переполох начался страшный, все бегут, хватают, какие есть под рукой, огнетушители. С соседнего дебаркадера, с лодки бегут ребята и начинают зашвыривать огнетушители внутрь лодки, прямо в проём вырезанного листа. Огнетушители попадали в выгородку аппаратной. Объём её невелик, и её быстро завалили, но от этого пожар не прекратился. Он разгорался всё сильнее. Вызвали пожарных. Те развернули брандспойты и залили весь отсек. Лодка проседает. Паника: 5-й отсек реакторный – он и горит, 6-й смежный, турбинный – туда и течёт. Команда охлаждает переборку брандспойтами изнутри со стороны 6-го, всё это льётся в трюм...»

Очевидно, в таких случаях снова нужно вспомнить классиков: сколько у происшествия свидетелей, столько и версий случившегося. Правда, замечу, если и сложилось «единодушие» в оценках военных и гражданских, так это по поводу действий помощника командующего Северного флота контр-адмирала Аркадия Кучера. Приведу несколько выдержек... «Он посчитал себя вправе давать указания по вопросам, неведомым ему по чину. Тем самым нанёс ущерб флоту и людям больше, чем это мог сделать недоброжелатель...». «Контр-адмирал потребовал соблюдения уставов и порядка в... гальюнах. А в результате загрязнение было распространено ещё больше, личный состав получил дополнительные дозы

облучения...». «Благодаря «заботам» Кучера на корабле началась самая тяжёлая пора – непрерывная дезактивация...».

В самом деле, после того, как командир Беломорской базы капитан I ранга Борис Ямковой доложил командующему Северным флотом о «деятельности» Кучера, тот отдал указание, «чтобы командир лодки впредь ни одного визитёра на корабль не пускал». Так и сделали. Сверх меры инициативный контр-адмирал больше на аварийной подлодке не появлялся.

* * *

В 2018-м в городском совете ветеранов подразделений особого риска мне сообщили: в Северодвинске проживают пять бывших моряков подлодки К-11, непосредственных участников тех событий и ликвидаторов аварии: Валерий Сергеевич Базаев – старший матрос, инструктор-турбинист; Владимир Степанович Елистратов – мичман, старшина команды спецтрюмных; Владимир Павлович Медведев – главстаршина, старшина команды турбинистов; Алексей Пантелеевич Попов – старший матрос, инструктор-турбинист; Степан Николаевич Холхун – матрос, инструктор-электрик.

А Владимир Сергеевич Миронов, старшина заводских сдаточных механиков «Звёздочки», человек одарённо памятливым на имена и фамилии, тоже поведал о тех далёких событиях:

– Я тогда сдавал свою последнюю дизель-электрическую лодку проекта 613В, и прямого отношения к событиям вокруг атомной лодки К-11 не имел. Однако хорошо помню – ликвидаторами аварии на этом заказе были рабочие Михаил Григорьевич Сувалов, Александр Петрович Свиридов, Геннадий Егорович Савельев. И вот какой трагический момент... Был я знаком с матросом этой подлодки Славой Кисенко. Он в той аварии получил очень большую дозу облучения, и уже после демобилизации тяжело болел. Врачи, к несчастью, помочь ему не смогли. От жутких болей он «спасался» спиртом. Умер в подвале...

Олег ХИМАНЫЧ,
морской историк

Покорители или потребители

Уже несколько лет подряд российские и западные СМИ наперебой повторяют: «Россия возвращается в Арктику». А некоторые даже уточняют: «Навсегда». В 2013 году президент России объявил о возвращении в Арктику, и тогда же в регионе действительно началась активная деятельность. После распада СССР русский Север опустел – ушли военные, стали уезжать гражданские, государство потеряло интерес к северным территориям. В результате – брошенные посёлки, горы мусора и металлолома, пришедшая в негодность инфраструктура. А главное – оголившиеся границы.

Но вдруг что-то стало меняться. Вдоль всего побережья восстановлены или построены заново аэродромы или взлётно-посадочные полосы, увеличена группировка войск, возведены новые объекты Министерства обороны, усилен контроль над воздушным пространством Арктики, создан настоящий ледокольный флот – порядка сорока ледоколов, в том числе несколько атомных.

Всё это, конечно, прекрасно и уж точно намного лучше того, что было последние двадцать лет. Но стоит признать: оживления, многолюдных северных посёлков вдоль побережья мы, наверное, уже не увидим. Ведь задача нынешних полярников отнюдь не в том, чтобы обжить Север. В XX веке покорение Севера означало, в первую очередь, исследование, изучение. Кроме того, человек мерялся силой с природой и не всегда выигрывал эту схватку. А ещё, например, была цель – первыми прийти к полюсу и водрузить там флаг своей страны. Такие попытки не оставляли Норвегия и Россия, Италия, Великобритания и Соединённые Штаты. В советское время в небольшом полярном посёлке располагались, например:

пограничная застава, морской порт, военная база, включая авиационный полк, нефтегазо-разведывательная экспедиция, метеорологическая станция, строительная контора, мерзлотная лаборатория и пр. Такие посёлки служили базами для исследования Арктики, и в лучшие годы их население составляло порядка десяти тысяч человек. Но век исследователей и бесстрашных первопроходцев прошёл. Наступил век потребителей, использующих то, что оставили им предшественники. Сегодня задачи в Арктике весьма и весьма прагматичные. Заселять Север невыгодно, и работать там предполагается вахтенным методом.

В 2016 году замминистра Минэкономразвития Александр Цибульский на проходившем в Петербурге экономическом форуме назвал Арктику новым национальным мегапроектом и «геостратегическим приоритетом». Кроме военного, развитие региона предполагается по трём направлениям: энергетическому, транспортному и научному. В частности, речь идёт о Севморпути, о котором мечтал ещё Ломоносов, и проложить который пытались исследователи XIX–XX вв. Ведь это – кратчайший морской путь из Европы в Азию. Если расстояние из Мурманска в Японию через Суэцкий канал составляет 12 840 морских миль, то Северным морским путём судам предстоит пройти 5770 миль. То есть путь через Северный Ледовитый океан оказывается более чем в два раза короче. На заседании Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, прошедшем в марте 2017 года, заместитель председателя правительства Дмитрий Рогозин заявил, что в 2016 г. объём грузоперевозок по Северному морскому пути составил более семи миллионов тонн, что является рекордом

за всю историю освоения Арктики. И добавил, что объём этот будет увеличен.

Но, конечно, главная задача – это развитие добычи полезных ископаемых. Доля арктического газа в мировых запасах составляет 30%, доля нефти – 13%. Большинство месторождений сосредоточено на территории или шельфе Российской Федерации. Речь идёт о 106 миллиардах тонн нефтяного эквивалента. Для сравнения на долю Норвегии, находящейся по запасам на втором месте, приходится 65 миллиардов тонн, на долю США – всего 40.

Другими словами, Россия владеет богатейшими месторождениями в Арктике и ключами от ворот кратчайшего пути между Европой и Азией. Все эти богатства, судя по всему, неплохо охраняются. И, конечно, было бы глупо не пользоваться такими щедрыми дарами судьбы и природы. Но, во-первых, сама арктическая природа очень хрупкая и медленно восстанавливающаяся. Например, следы от вездехода в тундре похожи на настоящие раны, почвы в таких местах восстанавливаются несколько десятилетий (по другим данным – до ста двадцати лет). Сегодня жители северных регионов бьют тревогу от настоящего нашествия туристов, уродующих тундру вездеходами, бесконтрольно вылавливающих рыбу, отстреливающих гусей. Что же касается нефти, то в случае разлива, масштабы катастрофы могут в разы превысить масштабы последствий аварии в Мексиканском заливе в 2010 году. Что, собственно, и случилось в Норильске в мае 2020 года. Кстати, 9 сентября СК РФ завершил следствие по делу о разливе 21 тысячи тонн топлива. Обвиняемый – бывший глава Норильска Ринат Ахметчин. Он обвиняется в халатности, поскольку своевременно не ввёл режим ЧС и оперативно не ликвидировал последствия аварии. Конечно, сложно спорить со Следственным Комитетом, но что-то нам подсказывает, что главный виновный – всё же не Ахметчин, а те, кто на протяжении всех постсоветских лет нещадно эксплуатировали ТЭЦ и, в частности, резервуары хранения дизельного топлива, не вкладывая своевременно средства в обновление устаревающего оборудования. Результатом этой эксплуатации стал ущерб, оценённый

Росприроднадзором почти в 150 миллиардов рублей. Но помимо денег, на восстановление хрупкой северной природы опять же уйдут десятки лет.

Во-вторых, потребители арктических запасов оказались весьма неблагодарными людьми по отношению к своим предшественникам, к тем, кто зачастую ценой жизни прокладывал дорогу к несметным северным богатствам. О первопроходцах, об исследователях Севера сегодня словно и знать никто не желает.

В мае 2017 года исполнилось 140 лет со дня рождения Г.Я. Седова (1877–1914). Кто-нибудь вспомнил об этом юбилее? Лозунг «Россия возвращается в Арктику» значит всё, что угодно, кроме памяти благодарных потомков. Также в 2017 году исполнилось 105 лет с начала знаменитых русских полярных экспедиций: к Северному полюсу под командованием Г.Я. Седова; трёх экспедиций по Севморпути: с запада на восток под командованием Г.Л. Брусилова и В.А. Русанова и с востока на запад под командованием Б.А. Вилькицкого. И если о Георгии Седове многие ещё слышали – в 1937 году прославился ледокол, названный его именем, а в 1974 году вышел советский художественный фильм, то имена Георгия Брусилова, Владимира Русанова, Валериана Альбанова или Бориса Вилькицкого мало кому о чём-то говорят.

Между тем это люди, которыми страна могла бы безоговорочно гордиться. Но у нас сегодня свой, искусственный и навязанный пантеон, где место героя и чуть ли не единственного исследователя Севера занимает Александр Васильевич Колчак, которого любила Лиза Боярская, а большевики потом расстреляли.

Но даже если закрыть глаза на все преступления Колчака, на все бесчисленные расстрелы и умученья, то придётся признать: выдающимся офицером и исследователем А.В. Колчак не был. Он на самом деле участвовал в полярных экспедициях, но участвовал наравне с другими офицерами и под руководством опытных и действительно выдающихся исследователей. Ничем иным, кроме как желанием исказить прошлое, внести раздор и усугубить в обществе вражду, объяснить прославление А.В. Колчака нельзя.

Но в современной России все уши прожужжали Колчаком, так что и грудные ребята о нём знают. Зато о Борисе Вилькицком почти никто и понятия не имеет. А ведь этого человека по праву называли «Колумбом XX века», потому что экспедиция под его руководством совершила последнее великое открытие – острова Северной Земли. Все последующие географические открытия не имели того же значения, поскольку были не сопоставимы по масштабу. Можно сказать, что после Вилькицкого открывать в мире стало нечего.

В 1908 году на Невском судостроительном заводе были заложены ледоколы «Таймыр» и «Вайгач». В 1910 и 1911 годах корабли уже всю трудились над гидрографическими исследованиями в районе между Колымой и Беринговым проливом. В 1912 году предполагалось выдвинуться на запад с целью собрать материал по астрономии, гидрографии, лоции, гидрологии, геодезии и зоологии и всё это увенчать сквозным проходом в Петербург. Другими словами, пройти по Северному Морскому Пути. 13 июня 1912 года «Таймыр» и «Вайгач» покинули Владивосток, но тяжёлая ледовая обстановка заставила корабли вернуться. И уже в октябре ледоколы были во Владивостоке. Следующую попытку предприняли через год, отправившись в плавание 9 июля. Тогда же заболел руководитель экспедиции И.С. Сергеев, и вместо него был

назначен Б.А. Вилькицкий. В начале сентября заметили неизвестную землю, обследованную затем с востока и объявленную частью России. Открытый архипелаг назвали Землёй Императора Николая II, это название сохранялось до 1926 года, когда острова переименовали в Северную Землю.

Но льды снова помешали пройти через Карское море, и экспедиция опять была вынуждена вернуться во Владивосток. Третью попытку сделали в 1914 году и, несмотря на вынужденную зимовку во льдах, в 1915 году прибыли в Архангельск. Это было второе в истории сквозное плавание после «Веги» Н.Норденшельда (1878–1879). Следующий сквозной переход совершил Р.Амундсен на судне «Мод» (1918–1920). Так начинался Северный Морской Путь, тот самый, через который в 2016 году перевезли более семи миллионов тонн груза.

А тогда, сто лет назад, это был огромный риск. Так, при попытках прохождения по Северному пути погибли экспедиции В.А. Русанова и Г.Л. Брусилова.

Владимир Русанов, опытный полярник, известный уже тогда исследователь Новой Земли, собирался на шхуне «Геркулес» пройти на Шпицберген для изучения острова на предмет добычи каменного угля, для знакомства с действующими там иностранными предприятиями и для изысканий в области географии,

ботаники, зоологии, метеорологии, гидрологии; а потом, если удастся, попытаться пройти сквозным путём на восток. 9 июля 1912 года «Геркулес» покинул Александровск (Полярный) и уже в середине месяца прибыл на Шпицберген. Примерно через месяц экспедиция закончила работы на Шпицбергене и отправилась к Новой Земле. Русанов предполагал обогнуть с севера Новую Землю, а дальше – пройти на восток. Но отправив 31 августа 1912 года телеграмму на адрес Архангельского губернатора, Русанов больше на связь не выходил. «Геркулес» пропал. Только в 1934 году у берегов Таймыра был найден двухметровый столб с надписью «Геркулес. 1913» и тут же вещи, по всей видимости, принадлежавшие участникам экспедиции Русанова.

10 августа 1912 года покинула Санкт-Петербург шхуна «Святая Анна» под командованием Георгия Брусилова. Экспедиция намеревалась опередить «Таймыр» и «Вайгач», чтобы первыми пройти по Северному Морскому Пути. В середине сентября «Святая Анна» прошла пролив Югорский Шар, но уже через месяц вмёрзла в лёд у берегов Ямала. Отсюда начался ледяной дрейф на север, во время которого команда тяжело болела не то цингой, не то трихинеллёзом. Перезимовав, команда рассчитывала возобновить плавание, но льды не отпускали «Святую Анну», и скоро стало понятно, что предстоит вторая зимовка. Уже в декабре 1913 года судно находилось севернее Земли Франца-Иосифа. Вместо того чтобы плыть на восток, «Святая Анна» дрейфовала на северо-запад. К тому времени отношения между капитаном Брусиловым и штурманом Валерианом Альбановым настолько обострились, что Альбанов попросил освободить его от должности. Капитан не стал сопротивляться – Альбанов был отставлен. Решено было, что отставленный штурман вместе со всеми желающими отправиться пешком по льду до южных островов Земли Франца Иосифа, поскольку оставшимся на судне будет легче перезимовать. В итоге одиннадцать человек покинули «Святую Анну», но, совершив беспрецедентный пеший переход по льду, почти все погибли. До южной оконечности архипелага Земли Франца-Иосифа добрались толь-

ко двое – сам штурман и матрос Александр Конрад. «Святая Анна» пропала без вести. И лишь много лет спустя писатель и журналист Николай Черкашин рассказывал, как в портовом кабачке немецкого Штральзунда он видел на стене штурвал с надписью «...andog...» и русскую иконку святой Анны Кашинской. Вспомнив, что «Святая Анна» прежде называлась «Пандорой», Черкашин попытался выяснить судьбу штурвала. Оказалось, что отец кабатчика, бывший после войны рыбаком, в 1946 г. едва не столкнулся на своём траулере в Северном море с брошенной парусной шхуной. Рыбаки поднялись на корабль, но не найдя никого, взяли штурвал, икону, остатки провизии, а также граммофон с пластинками. Была ли это «Святая Анна» или нет, теперь уже никто не знает. Единственные, кто выжил со «Святой Анны» – Альбанов и Конрад, которых на мысе Флора совершенно случайно подобрал «Святой Фока», корабль экспедиции Георгия Седова.

«Мало того, что на карте Арктики почти сплошь все географические названия иностранные, так мы ещё препятствуем нашему кровному долгу – не отдать чести открытия полюса иностранцам, забывая, видимо, что Россия более чем любая другая страна обращена к Северному Ледовитому океану и что русские поморы – самые древние и самые опытные полярные мореходы», – эти слова Георгия Седова объясняют цель его экспедиции на шхуне «Святой мученик Фока». Первыми покорить полюс, водрузить на вершине Земли российский флаг. С этой целью он на частные пожертвования снарядил экспедицию. К тому времени Георгий Седов – известный и опытный полярный исследователь, участвовавший в изучении Колымы. Достичь полюса он намеревался в два этапа: сначала морем до Земли Франца-Иосифа, оттуда – на собаках к полюсу. 27 августа 1912 года «Святой мученик Фока» вышел из Архангельска. Но вмёрзнув в лёд, судно вынуждено было зимовать у Новой Земли. Зимовка прошла неплохо, правда, уже тогда выяснилось, что пользуясь спешкой в подготовке экспедиции, архангелогородские купцы продали негодную провизию. Во время зимовки, несмотря на нехватку топлива и

плохие продукты, команда неустанно проводила разнообразные исследования по метеорологии, геологии, гидрологии, зоологии, логистике. Седовым была исправлена карта Новой Земли, до той поры неточно отображавшая береговую линию. В августе 1913-го «Святой Фока» вышел с Новой Земли к Земле Франца-Иосифа. К этому времени топливо подходило к концу, так что машину приходилось топить буквально моржами – жиром и шкурами. Предстояла ещё одна зимовка, а провизия кончалась, у команды стали появляться признаки цинги. Но Седов ни за что не хотел отказываться от своего плана – дойти до полюса и поставить там русский флаг. Отказ от задуманного, возвращение домой без победы означало для него бесчестие. Тяжело больной, он всё-таки отправился в путь с двумя матросами. И 5 марта (по новому стилю) 1914 года умер. Похоронили его на острове Рудольфа – самом северном из островов Земли Франца-Иосифа. Тела, правда, потом не нашли, что дало повод для обвинения матросов в людоедстве. Но нельзя исключать, что тело было съедено медведями, поскольку сделать глубокую могилу в тех условиях и при тех возможностях просто нереально. Вместе с вернувшимися матросами команда на «Святом Фоке» отправилась в обратный путь, подобрав у мыса Флора Альбанова и Конрада. Кое-как, на разобранных переборках и моржах, вернулся «Святой Фока» к материке. Но ни пышной встречи, ни вообще интереса к выжившим морякам не было. К тому же всю шла Первая мировая война.

Экспедиции Седова, Брусилова и Русанова оказались неудачными. Но они стали примером мужества, бескорыстия, исследовательской отваги, а собранные материалы имели огромное научное значение. Все три экспедиции легли в основу сюжета «Двух капитанов» В.Каверина. Капитан Татаринцов вобрал в себя черты как Седова, так и Брусилова, и Русанова. А история «Святой Марии» перекликается с «Геркулесом», «Святой Анной» и «Святым Фокой». Штурман Валериан Альбанов стал прототипом штурмана Климова.

С тех пор прошло 105 лет. Но кто помнит сегодня «русского Колумба» Бориса Вилькицкого?

Многие ли знают Георгия Брусилова, Владимира Русанова или Валериана Альбанова? О 140-летию Георгия Седова в стране, которая «возвращается в Арктику», не заикнулись ни словом.

Странно и даже обидно, что вместо действительных героев и первопроходцев, вместо тех, кто заслуживает памяти, кем современная Россия могла бы гордиться без всяких поправок и условий, навязываются не самые достойные и весомые имена. Неприятно, что «потребители Севера», пришедшие на смену его покорителям, с безразличием и неблагодарностью относятся к тем, кто ковал ключи от арктического клада.

И может быть, чем открывать, а потом закрывать мемориальные доски А.В. Колчаку в Петербурге, следовало бы поставить в северной столице памятники Георгию Седову, Георгию Брусилову, Валериану Альбанову, Владимиру Русанову, Борису Вилькицкому и другим действительно выдающимся исследователям Севера. Но в нашем случае действует принцип «вражда предупреждает взрыв недовольства», а потому доски и памятники Колчаку, Маннергейму и Краснову и дальше будут появляться на стогнах российских городов. Фигуры, могущие объединить и сплотить сограждан по отношению к прошлому, не интересны и не нужны сегодня. Даже если они, среди прочего, проторили пути для тех, кто мечтает не о флаге России на Северном полюсе, а о передовых позициях по экспорту арктического газа.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Карское море

Дорогой мой Аполлинарий Матвеевич, – писала Ольга в следующем письме. – Уже октябрь. Месяц мы болтаемся в Карском море, и до сих пор будущее наше неопределённо. Мы движемся не в нужном нам направлении, а по чистой воде. Другими словами, где нет сплошного льда, туда мы и плывём. Но поскольку лёд перемещается довольно быстро, то образуя полыньи и коридоры, то сплошь их затягивая, мы мечемся, как загнанный зверь. Такое впечатление, что море забавляется нами, заманивая в какие-то ловушки, а потом пускаясь в погоню. Несколько раз мы ломали и ремонтировали румпель. Но морю как будто только этого и надо. А сколько раз мы пробивались через шугу по освободившемуся каналу вперёд, потом давали задний ход, потом бросались от надвигающегося льда вправо, но тут нас разворачивало вокруг своей оси, и мы устремлялись в обратном направлении.

Право слово, теперь я понимаю, почему все так боятся Карского моря – даже не потому что оно набито льдом, словно мешок. Вовсе нет. Это море кажется живым существом. Впрочем, таким же казался мне и родной Азов. Но то было существо ласковое и совсем не опасное. Карское море – чудовище. Коварное и безжалостное чудовище. Как кошка с мышью, оно играет с «Княгиней Ольгой», перекатывая шхуну в своих громадных лапах и гоняя её из угла в угол. Но, наигравшись, кошка съедает свою добычу. Так же поступит с нами и Карское море. Летом это чудовище недолго спит. Но уже в августе оно пробуждается и принимается искать добычу. Штурман прав: мы пропустили момент спячки и угодили в самые лапы к этому зверю, который, наигравшись, сожрёт нас как несмышлёных кутят. От этих мыслей делается неуютно, и я почти с ненавистью смотрю на эту серо-солёную бездну под ногами.

Все суетятся и страшно устают. У меня нашлось новое дело – учусь пользоваться секстаном. Наш капитан – большой сторонник просвещения. Время от времени для всей команды в салоне устраиваются лекции, где капитан и штурман по очереди рассказывают об

истории мореплавания, о географии и различных приборах, имеющихся на судне. В этом смысле они оказались похожи со штурманом, который тоже любит, чтобы все и всегда чему-нибудь учились. Свободное время, говорит он, нужно использовать с толком – для саморазвития. Боюсь, однако, его не все понимают. Капитан предложил команде учиться обращению с приборами. Прежде всего, с секстаном. И опять, как это ни странно для меня, штурман полностью с ним согласен. Несогласной оказалась только команда. Гарпунёр Немтинов выразил даже недовольство этим предложением. Он вообще человек угрюмый и производит впечатление буки. Мне кажется, он пребывает в постоянном напряжении, опасаясь, что кто-нибудь его непременно обидит. Поскольку он любит песню «Ах, зачем эта ночь...» и время от времени наигрывает её на гитаре, то я вообразила, что его всегданнее недовольство связано с личной драмой. И кто знает, быть может, его невеста тоже пошла под венец с постылым, отчего он и стал таким неприветливым. Второй гарпунёр – Музалевский – полная ему противоположность. По-моему, улыбка с его лица просто не сходит. А разговаривает он не иначе как полухуля. Секстан он назвал «отличной штуковиной», заглянул в телескоп, постучал легонько по стрелке и объявил, что уже стар для такой сложной техники – руки-де трясутся и, не дай Бог, секстан из рук выпадет. Можете ли Вы представить себе гарпунёра с трясующимися руками? Поскольку все отлично знают, что рука-то у него железная, то получилось, конечно, забавно.

Матросов предложение учиться тоже рассмешило. Похоже, они, в первую очередь, боятся разбить или как-нибудь сломать сам прибор. Ну и кроме того, они говорят, что эта «штуковина» слишком сложна для них и что у всех довольно своих дел. Но я уверена, что среди них наверняка есть желающие учиться, просто заявить об этом они постеснялись, чтобы не стать, как я, объектом для шуток. Получилось, что я одна обнаружила желание учиться пользоваться секстаном. Тут же Му-

залевский объявил, что команда должна благодарить меня за спасение и что, если бы не я, пришлось бы им «штудировать эту чёртову железяку». На том и порешили. Но когда на другой день штурман стал объяснять мне устройство секстана, я чуть не заплакала. Если с хронометром я разобралась более или менее быстро, то секстан просто напугал меня. Я-то думала, что нужно посмотреть в телескоп, чего-то там покрутить, записать значение, которое показывает стрелка, после чего заглянуть в морской ежегодник и карту. И всё – порядок! Но оказалось, всё намного сложнее.

«Большое зеркало... малое зеркало... алидада...», – начал объяснять мне штурман. Но когда мы перешли от названий к замерам, он заметил испуг и растерянность, написанные, очевидно, на моём лице, и чуть не расхохотался.

– Ну как, Ольга Александровна, – спросил он, прищурившись, – у вас тоже трясун в руках? Не боитесь уронить эту чёртову железяку?

– Нет, нет, Виталий Валерьянович, – как можно спокойнее ответила я. – С моими руками всё в порядке. Во всяком случае, дрожи не чувствую.

Он терпеливо объяснял мне порядок работы, после чего сказал, что проще всего учиться на практике. И мы начали практиковаться – благо, и тут выдаются ясные дни. Мне даже кажется, что ясных дней тут больше, нежели в Петербурге. Правда, уже довольно холодно – доходит до минуса 10 R¹. К счастью, и для

меня нашлась одежда на «Княгине Ольге», я, конечно, выгляжу в ней смешно, но это ничего.

Около полудня мы начинаем со штурманом наши занятия. И я понемногу привыкаю и к секстану, и к штурману. Он уже не кажется мне таким ужасным человеком, как прежде.

– Запомните главное, барышня, – сто раз повторил штурман, – сначала определяем время, потом высоту солнца, потом смотрим таблицу... и не забудьте: изображение солнца должно совпадать с изображением линии горизонта...

О! Я запомню это на всю жизнь. Когда я впервые услышала эти слова, то подумала, что кто-то из нас бредит. Но когда штурман, по своему обыкновению, повторил их в сотый раз, я стала склоняться к мысли, что с рождения занимаюсь определением высоты и широты. В конце концов это дошло у меня до автоматизма. Я действую как заводная: хронометр, секстан, таблицы... хронометр, секстан, таблицы... Штурман несколько раз перепроверил меня и одарил улыбкой, полной какого-то умиления. Наверное, он почувствовал себя Пигмалионом, раз уж даже такая деревяшка, как я, ожила. Но после этого наступил настоящий кошмар.

Сначала штурман вызвал на палубу капитана и заставил меня, как младенца, который научился говорить «мама», явить свои способности и навыки. Капитан пришёл в восторг от одной моей ловкости в обращении с прибора-

ми. А уж когда он перепроверил полученные мной данные, я думала, он разрыдается. Он долго жал руку штурману и благодарил его в изысканнейших выражениях, словно никогда и не раздражался по поводу его всезнайства и самоуверенности. Потом легонько обнял меня и, точно сговорившись со штурманом, изобразил на лице умиление в мой адрес. Я только так пишу: «изобразил», а на деле умиление было самое что ни на есть искреннее. Они со штурманом смотрели на меня, как родители смотрят на единственное чадо. Но это были пустяки в сравнении с тем, что началось вечером. А на вечер капитан заказал праздничный обед и даже пирог с черникой. В кают-компании мне прокричали троекратное «ура!» и чувствовали как именинницу. Насилу я дождалась окончания этого вечера и даже успела про себя обругать секстан, из-за которого пришлось целый день краснеть. Хотя, конечно, я понимаю, что несмотря на смущение и связанные с ним неудобства, я отныне – важный человек на «Княгине Ольге», потому что наравне со штурманом отвечаю за определение нашего местоположения. А кроме того, все, включая даже и штурмана, смотрят на меня с особенным уважением. Ведь все они назвали это сложным и отказались учиться, а я взяла, да и научилась, то есть сделала то, чего они не смогли сделать.

Всё это время мы крутимся на месте. И даже, спасаясь от льдов, зашли в Байдарацкую губу, где пробыли недолго и вернулись в море, как только ветер отогнал льдины и открыл проход. Очень медленно продвигаемся мы вдоль берегов Ямала, не в силах продвигнуться к Новой Земле на NW – путь нам преграждает настоящее ледовое поле.

Днями Музалевский убил первого тюленя, открыв сезон охоты. По этому случаю решили устроить праздничный ужин в салоне, где можно собраться всей команде. Я не люблю охоты и даже не стала смотреть на убитого тюленя. Но наша экспедиция задумывалась, в том числе, как зверобойная. К тому же и капитан, и все остальные в голос говорят о необходимости есть свежее мясо во избежание цинги. Об этой цинге я наслушалась довольно. Мне это напоминает чуму в Средние века. Хотя, все говорят, что цинги можно избежать, нормально питаясь, и можно исцелиться, перейдя на нормальное питание. Словом, охоту в нашем случае следует признать вынужденным и необходимым занятием, а вовсе не развлечением, что устраивают себе помещики. Из убитого Музалевским тюленя Зуров приготовил отбивные – это и был наш праздничный ужин по случаю открытия сезона.

Мне не очень хотелось есть этого тюленя,

и я попыталась отказаться. Но все вокруг запротестовали и стали настаивать. Так что пришлось соглашаться. От штурмана я уже слышала, что тюленьё мясо может отдавать рыбой. Ничего не имею против рыбы, но мясо со вкусом рыбы, как и рыба со вкусом мяса – это, воля ваша, какое-то уродство. Ну, всё равно что лошадь с головой льва. Однако, отведав, я должна была признать, что никакой рыбой тут и не пахло. Со мной все согласились, включая штурмана, объявившего Зурова гением кулинарии. Зуров остался крайне доволен и весь вечер сиял как наш самовар. Штурман заверил всех, что дело в приготовлении и что мясо, пробованное им прежде, было скверно приготовлено. Поскольку наш тюлень оказался похож по вкусу на телёнка, штурман назвал его «тюлёнком». Мяса хватило нам на несколько дней.

Но пока мы ели нашего «тюлёнка», основательно испортилась погода – повалил густой снег, стало холодать, а ледяные поля приблизились к нам. То и дело мы окалываем лёд вокруг судна длинными шестами, но все наши усилия ничего не дают. Вчера льды окружили нас и вступили с «Княгиней Ольгой» в борьбу, начав давить на корпус и даже набиваясь под него. В итоге, как сообщил капитан, судно приподнялось примерно на фут². К счастью, это длилось недолго, и сегодня всё вернулось на место. Но лёд напирает, а мы крутимся, как в пляске святого Витта, бросаясь к чистой воде, словно утки на замерзающем пруду.

Сегодня моё определение дало 71°36'N и 66°8'O. Вчера данные были такими: 71°39'N и 66°42'O. А десятью днями ранее мы находились на широте 70°57'. Можете представить наше ничтожное перемещение. Каждый день меряем глубины, а капитан шутит, что даже этим мы приносим пользу Отечеству. Не знаю, что за польза Отечеству оттого, что глубина под нами то 70, то 90 саженей³. А вот штурман, по всем вероятностям, был прав: далеко мы не уплывём, и Маточкина Шара нам не видать, как своих ушей. Лёд наступает, и нет у нас никаких шансов избежать его мертвящих объятий. Похоже, в нашей жизни наступает новый, совсем другой период. В ближайшем будущем жизнь переменится, но как именно – никому не известно. Я же напишу об этом в моих следующих письмах. Обнимаю Вас, дорогой мой, Аполлинарий Матвеевич.

Ваша О.

¹ Градус Реомюра. 1 °R = 1,25 °C.

² Русский фут = 0,3048 м.

³ 1 сажень = 2,1336 м.

В городе, который построил ЗЭК

Скандал случился в Магадане в марте 1996 года. На сороковой день после смерти всеми уважаемого литератора, журналиста и бывшего политзэка Асира Семёновича Сандлера на областном телевидении вышла передача, посвящённая его памяти. Автор, писатель и бывший следователь Александр Михайлович Бирюков, затеял передачу ради того, чтобы сообщить: прошлое покойного небезупречно, покойный был замечен в доносах.

Я хочу в этой истории поставить точку...

Предыстория. Я и Асира, и Бирюкова любила. Нет, не так: Асира я любила, а Бирюкову радовалась прямо как дурочка – до восторга. И это был тот случай, когда точно знаешь – за что любишь. Во-первых, с ними было интересно, никто не знал того, что знали они, люди другой культуры. Во-вторых, оба начисто были лишены расчёта. И в-третьих, они отвечали мне взаимностью. Вообще-то мы легко обходились друг без друга, но когда ненадолго пересекались (по двое, разумеется), сразу же начинали дружить. Так бывает в детстве. Наши отношения и были похожи на школьные...

С Асиром Семёновичем я познакомилась в 1987 году. В Магаданском книжном издательстве (в альманахе «На Севере Дальнем») вышли тогда его «Узелки на память. Записки реабилитированного». Вот таких мемуаров в «гулаговской», вернее, в «дальстроевской» литературе точно ещё не бывало.

То-то и оно, что не бывало. «Узелки», по мнению ряда критиков, не имели отношения

к лагерной жизни, они демонстративно с ней расходились. Добрые люди заводили, конечно, речи про то, что автор волен погрузиться в то прошлое, в которое хочет, – но активное большинство склонялось к тому, что в лагерях «сидели не так». Короче, был скандал, сиречь абсолютный успех, и книжное издательство затеяло переиздание бестселлера отдельной книжкой. Меня назначили редактором, и стали мы с Асиром Семёновичем работать.

И вот тут я поняла про него всё. И это всё мне очень понравилось. Сандлер был человек из детских книжек. Выброшенный в реальность, он приспособился и выжил, но этическое в себе не деформировал. Что и говорить, Асир был стреляный воробей, но что умиляло – он себе им ещё и мерещился. 70-летнему, ему было интересно жить, и он, как пятиклассник, вечно озарялся какими-то экзотическими проектами. Поразительно, но самый безнадежный из них был реализован. Я имею в виду идею индейского узелкового письма, якобы ставшего «рукописью», на основе которой Сандлером и были написаны «Узелки на память». До известной степени так всё и было. Мнемонический этот образ подстёгивал воображение автора, который взялся описывать свою каторгу как приключение.

Успех... гонорар... Маленький и лёгкий Сандлер не ходил, а носился по Магадану. Гонорар под выгодные проценты (деловой же человек) положил в популярный тогда у магаданцев СВАК-банк. Видимо, замысливал новый проект.

И тут в его горемычной судьбе возник, как рок, Александр Михайлович Бирюков, интересовавшийся в то время репрессированными писателями. Сандлер был для него находкой. Не слышала отзывов А.М. на «Узелки», но биография автора, увы, его увлекла...

Бирюкова я впервые увидела в 1976 году. Ранним ветреным утром не то летом, не то осенью (это там одно и то же) по безлюдной Пролетарской улице шёл господин в плаще с поднятым, как у сыщика, воротником, в шляпе и затемнённых очках. Подумалось, что он идёт под музыку. Незнакомец понравился бы мне ещё больше, если б я знала, что это автор чудесной «Подводной лодки с настоящими моряками». Первая книга, которую я прочитала, когда приехала в Магадан.

Сотрудничество наше тоже началось в книжном издательстве. Александр Михайлович участвовал в издании уникального, на мой взгляд, труда по истории города – «Магадан. Конспект прошлого». Автором и составителем был историк Саша Козлов. То есть для Бирюкова это была чужая книга, его участие обозначено там только как «литературная обработка статей». На самом деле, конечно, он эти 5 статей и написал. На меня произвёл впечатление профессионализм А.М. – качество и скорость, с которыми им был сделан обзор жизни Магадана в разные периоды его существования. Всё-таки какая просторная, высоколобая голова была у человека!..

Книга делалась по-журналистски, «на коленке». Мы воткнулись в неожиданно образовавшуюся в издательском темплане дыру и делали сборник в режиме марш-броска. По утрам Саша Козлов приносил в издательство добытую ночью в архивах информацию,

мы с корректором Славочкой Огрызко (отец главреда «Литроссии») буквально у линотипа тексты старательно редактировали и вычитывали (но перестарались – и в подписи к одной из фотографий Сталин у нас из И.В. стал В.И. – Владимиром Ильичем; и вот поди ж ты, для меня теперь это любимая строчка в книге). Кстати, фотомастер Асир Сандлер тоже принимал участие в создании книги. Их имена – Сандлера и Бирюкова – так и стоят рядышком на странице с выходными данными.

Когда «Конспект прошлого», наконец, вышел, воодушевлённый Бирюков (в то время залит в театре им. Горького) собрал в издательстве «круглый стол», на который позвал тех, кто заслужил право сказать похвальное слово о книге – ветерана, историков. Напомню, книга не его. Щедрый человек был Бирюков.

Сдружились мы уже на телевидении. Вообще мне нравилось, что он легко менял места своих дислокаций, не канонизировал себя ни в кресле главного, ни в кресле другого главного. Для каких-то замыслов ему понадобилась тогда своя программа на ТВ – и он её получил. Писатель Бирюков был влиятельный, и начальники наши его слушались.

В эфире комментатор Бирюков (так называлась его должность) делал, что хотел. Свобода в широких пределах. За буйки, конечно, не заплывал, но сам выбирал себе собеседников и интересные ему, а не зрителям темы. Да он и

сам был Темой, и я тоже иногда брала у него интервью

Удовольствием были наши разговоры, которые, возникая ни с того ни сего, заканчивались тем, что вызывали оторопь у нас самих. Ум у Бирюкова был беспощадный, язык – не дай Бог попасться. Никаких табу, никаких авторитетов. Жалко, не записывала, это была школа повышения квалификации...

Но что же Сандлер? О нём мы с Бирюковым никогда не говорили. Помню только, как он сделал стойку, когда я взяла интервью у Сандлера для передачи, которую назвала «Город, который...» (...который построил зэк). Тема интервью – стукачи и стукачество. Колыма же...

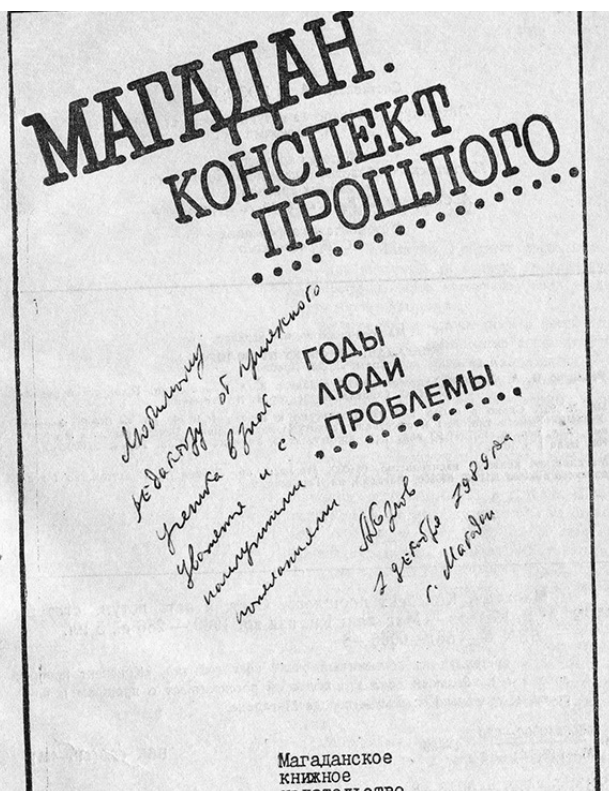
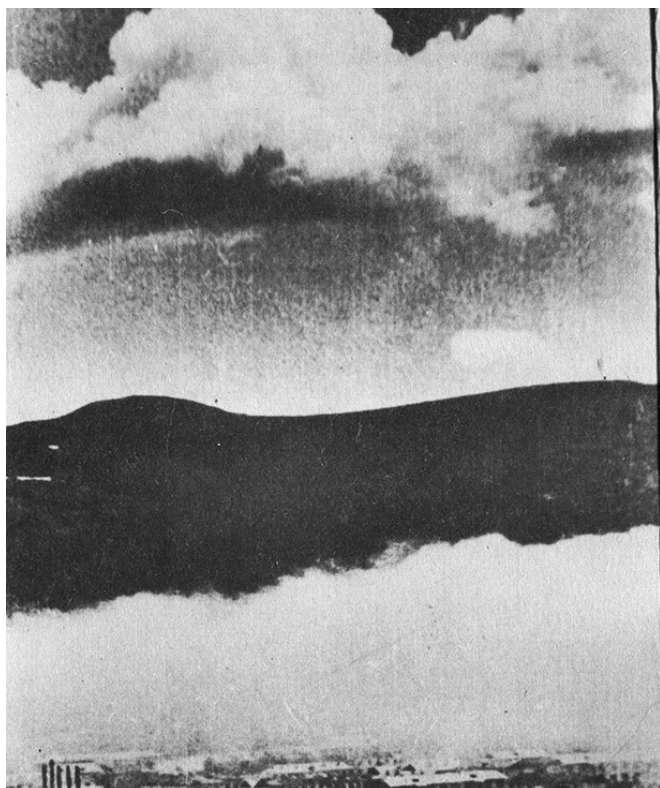
По городу тогда гуляли слухи о Сандлере, который якобы когда-то на кого-то написал донос. Я жалела Асира, прямо как сына, и мне надо было дать ему шанс заткнуть рты говорунам. Не помню всех подробностей интервью – волновалась. Асир – тоже, барабанил пальцами по столу и приговаривал: «Ну и вопросыки, ну и вопросыки вы задаёте». И уж какие сети я ни расставляла, какие ловушки ни ставила, он, к моей радости, мне не дался. Не сознался. А позволить себе развязность и спросить напрямую (ни в кадре, ни с глазу на глаз): «лжесвидетельствовал ли, Асир?» – по-

зволить себе такой вопрос я не могла. И не хотела. У моего друга чистая и детская душа – и достаточно.

После этой передачи Асир даже помолодел. Как сейчас помню: утро воскресенья 7 июня 1992 года, на пересечении улиц Карла Маркса и Ленина мы снимаем передачу к первому Дню независимости России. Ветер несёт к нам лёгонькую фигуру Сандлера. Выглядит франтом. (Покойная жена все вещи покупала ему в двух экземплярах, чтобы, когда её не станет, не ходил в заношенном. Он мне показывал гардероб, хвастался – не одеждой, а практической сметкой.)

Так вот, чистенький наглаженный Асир подбегает к микрофону и со свойственной ему интонацией особы, приближённой к императору, сообщает: «Мне только что позвонили. На 95-м квартале расцвела яблоня. Бегу смотреть!». Отводит меня в сторону, сообщает, ликуя: «Надя, я всё ещё мужчина!»

Будь я женщиной, пожалала бы ему руку, они всегда так делают. Но я замешкалась, мне таких тайн ещё никто не доверял. А ветер уже понёс Асира дальше... Самый завидный жених Магадана... Было ему в ту пору 75 лет. Вскоре Асир Семёнович познакомил меня со своей подругой, милой женщиной, с которой

прожил оставшиеся ему 3 года, 8 месяцев и 3 дня. (Хранится ли ещё в архиве ТВ передача, в которой весёлый и живой Асир кричит, что в его душе цветёт сад?)

Две наши последние встречи. Маленькая фотосессия для меня. Снимки ещё надо обработать в его домашней фотолаборатории, но у меня предчувствие, что мы больше не увидимся, и я беру одну сырую карточку на память.

Однако увиделись. Чуть ли не на следующий день Асир звонит и просит срочно приехать. Новость: лопнувший СВАК-банк (это – как вы понимаете, и лопнувший проект Асира) возвращает вклады ему и ещё нескольким счастливицам. Так вот прямо из кассы я должна поехать с Асиром на 31-й квартал в магазин «Оружие» (назову его так; магазин помню, но как назывался на самом деле, забыла). *«Мне нужно купить пистолет»*, – говорит Асир. Зачем пистолет, какой пистолет, кто ему его продаст? – эти вопросы даже не возникают в моей голове. Я почти досажаю: *«Впал в детство»*.

В магазин мы не поехали. Не знаю, успел ли он получить деньги. Через несколько дней, а именно 10 февраля 1996 года Асир Семёнович умер.

Какие чувства должен был пережить при этом известии Бирюков?..

Александр Михайлович Бирюков, единственный из магаданских писателей, был допущен к работе в архивах УВД, КГБ, УНКВД по ДС, СевВостлага и, наверное, ещё в каких-то. Перечисление этих аббревиатур ласкает слух исследователя. Всё записано! Приидите все, алчущие правды! То, что сделал Бирюков – исследователь эпохи политических репрессий на Колыме – не поддаётся счёту и бесценно. Всё бесценно. Вот навскидку! Если, не дай Бог, в доме пожар, то среди важных вещей, которые надо спасать, должна быть бесценная «История русской литературы» репрессированного литературоведа князя Святополк-Мирского, изданного под редакцией Бирюкова. Не шучу...

Но наша история близится к концу. Бирюков, работая в архивах, судя по всему, никогда не забывал о репрессированном литераторе

Сандлере. Искал на него компромат. Подозрения были несформулированные, неясные – но Бирюков почему-то (почему?) думал, что найдёт. И вдруг двери архивов перед ним закрылись (незачем и выяснять, почему). Тогда Бирюков приехал (не сразу, конечно) к Сандлеру и сказал примерно следующее: *«Ты мне выкладываешь, на кого и какие давал показания, а я даю честное слово, что пока ты жив, храню всё в тайне»*.

Но почему Сандлер не смог указать Бирюкову на дверь? Потому что он по природе жертва? Жертва политических репрессий.

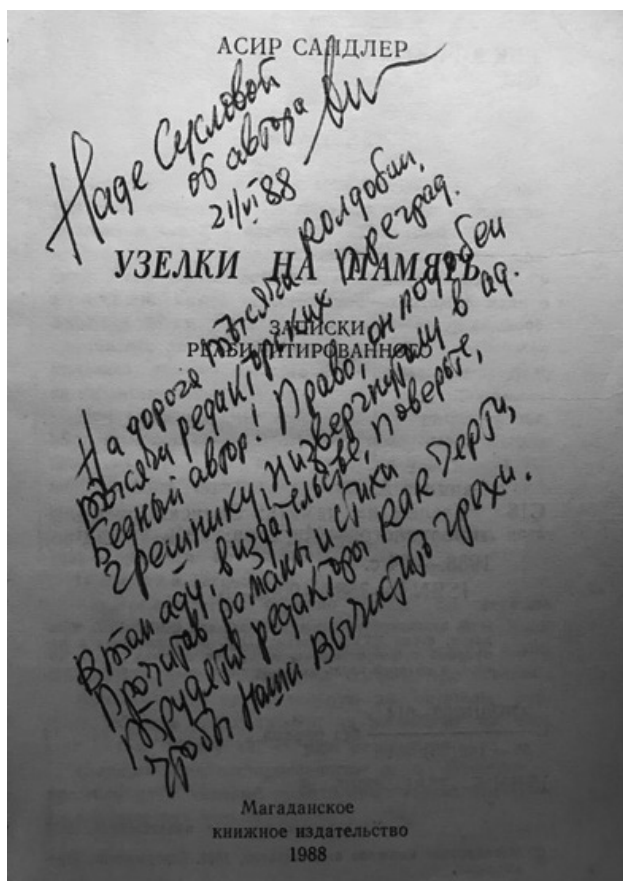
Режиссёр Муся Пищейко помнит, что они со съёмочной группой несколько раз ездили к Асиру Семёновичу домой, и он отвечал на вопросы Александра Михайловича.

Бирюков, судя по тому, что в рассказе Муси мелькало название города Ленкорань, начал «допрос» с момента ареста Сандлера в декабре 1941 года (руководство группой антисоветски настроенной молодёжи; приговорён к смертной казни; заменена на срок в ИТЛ). Представляю, как Асир страдал во время этих интервью. Жизнь становилась нестерпимой, и наступил день, когда он сказал: *«Дальше разговор без камер, один на один»*.

Бедный Асир! Я ничего не знала, в очередной раз меня выгоняли не то из эфира, не то с работы – и я сама искала пятый угол. Тогда-то Асир и позвонил, попросил помочь ему купить пистолет. Хотел ли он застрелить Бирюкова, хотел ли сам застрелиться в его присутствии? Зная любовь Сандлера к эффектам, можно предположить и такое.

Встречу «один на один» Бирюков и Сандлер назначили на 10 февраля. И 10 февраля Сандлер умер. Думаю, что Бирюков был в ярости. А сильные чувства подсказывают неверные решения. На сороковой день после смерти Сандлера Бирюков в эфире нанёс удар по его памяти. Вместе со своими записями он использовал в передаче фрагменты из моего интервью с Асиром. В интервью не было ничего полезного, но звучало слово «стучать». И значит, была свобода для интерпретаций.

У меня разрешения на использование материала А.М. не просил. Знал, не позволила бы. Но я и слова не проронила. Я, внучка

арестованного по доносам и репрессированного дедушки, не осуждала Бирюкова, внука и сына арестованных по доносам его деда и отца (дед погиб в лагерях). И не задавалась вопросом, имел ли он право на свой отчаянный поступок... Но была рада (странное слово, но и обстоятельства не рядовые), что Сандлер ему не дался. Ушёл. «Не нагонит больше их охрана, не достигнет лагерный конвой»...

С Бирюковым мы с того дня не сказали друг другу ни слова. Даже не виделись, Бог милостив... Но в две тысячи, наверное, пятом году он мне неожиданно позвонил:

– Надежда Антоновна, это Бирюков. Вы можете говорить? – Александр Михайлович, мы были на ты...

И мы обрадовались друг другу – и стали разговаривать. Как раньше – не получалось, но мы старались. Бирюков сказал, что слышал, будто я собираюсь снимать кино о человеке, которым он очень интересуется.

Точнее, он на этого человека тогда «охотился» – как на Сандлера. И человек, тот, сколько помню, раньше прямо свирепел, когда при

нём речь заходила о Бирюкове. Причинами я не интересовалась...

Это ещё одно – последнее нелирическое отступление...

А мой московский знакомый, которым интересовался Бирюков, был в молодости репрессирован по 58-й «политической» статье, отсидел в колымских лагерях как уголовник, а на свободе долгие годы отбивался от обвинений в экономических преступлениях. Свою жизнь описал в очень хорошей книге «Всё потерять – и вновь начать с мечты». Ему теперь уже за 90, и он считает, что (цитата точная) «самое главное в человеке – доброта»... Недавно я нечаянно упомянула при нём о Бирюкове.

– А кто это, Бирюков? – спросил мой знакомый. Воистину, если Бог хочет пожалеть человека, то убирает из его памяти всё, что «слишком давит плечи»...

– Так ты мне дашь потом материал про него, – спросил Бирюков. – Конечно, – сказала я.

Мы попрощались. И вскоре Александр Михайлович умер. Не нужен был ему никакой материал, мой товарищ звонил, чтобы попросить прощения. Так закольцевалась наша история с Бирюковым.

Но в оппозиции «Сандлер – Бирюков» точки поставлено не было...

Грустную эту повесть (разумеется, с купюрами) я рассказала в Доме национальностей на вечере памяти (к 80-летию) Александра Михайловича Бирюкова. И когда закончила, с места встал симпатичный, всегда доброжелательный и всегда моложавый человек, которого мы ищем глазами на всех наших встречах и которого все зовём Валерий Маратович, встал и сказал: «Я говорил Саше, брось, не ищи. Я смотрел дела, нет никакого компромата на Сандлера».

Валерию Маратовичу – респект!

Про хэппи-энд моей истории я поведала главреду «Литроссии» Славе Огрызко, и его ответ мне не понравился. Он сказал: «Валерий Маратович просто не нашёл».

Но я всё равно ставлю точку.

Надежда СУСЛОВА

МАГАДАН – МОСКВА

Пагубные директивы

Как спасали низовья Амура

В годы лихолетья, в пожаре войны подвигам несть числа. И в наши дни тех, кто подпирал плечом устои державы, не мало. Но сколь часто имена их не на слуху! Да, безотказный трудяга, и выручать товарищей из беды привык молчком. Но не с саблей наголо, и не с вязанкой гранат под танк... А если человек всю жизнь привык трудиться честно, не поддаваясь на соблазны, то как его величать?.. Мало таких, но живут среди нас достойные славы ветераны.

А за канцелярским столом может ли чиновник совершить подвиг?.. Сомнительно, да?.. Об одном таком человеке хочу вспомнить. А вы уж сами решите, каков он.

Впервые услышав такую новость, я не сразу поверил в её реальность. Неужели кому-то пришло в голову построить химический комбинат на берегу богатейшей по видовому разнообразию рыбы реки России?.. Но слухи подтвердились.

По командировке газеты «Советская культу-

ра» в начале апреля 1987 года добрался я до глухотных мест в низовьях Амура. Весна едва дохнула теплом, но из-за грязи вокруг было непролазно. Схему Генерального плана промзоны и будущего города ещё дорабатывали в кабинетах за тысячи километров от этих мест, а здесь, среди слезящихся пней уже прокладывали дороги и копали котлованы. Намечена была даже аллея Первого десанта. На ней возле вагончиков и барачков с броскими надписями: «Комсомолец Белоруссии», «Воронежский комсомолец», «Комсомолец Украины» былолюдно. Как бывшему добровольцу ударной комсомольско-молодёжной стройки Амурского целлюлозно-картонного комбината, мне хорошо знакомы эти хлопоты. Кому-то было невтерпёж быстрее освоить равнину на берегу великой реки.

Когда я попытался узнать у руководства стройкой, кто ответственен за такую торопливость, все кивали на директивы, спущенные

сверху. А их дело – исполнять.

Ответ на вопросы, возникшие здесь, пришлось искать в Москве.

В роскошном офисе НИИ азотных удобрений, рекомендации которого были положены в основу многих параметров стройки, достучаться до руководителя проекта я не смог. Меня переадресовали к одному из замов. Как же, уверен, пожалел потом этот Главный о том, что отфутболил меня.

Молодой, спортивного сложения мужчина встретил представителя прессы со сдержанной настороженностью. На время долгой беседы мы уединились за его рабочим столом. К сожалению, не запомнил я ни имени его, ни фамилии, поэтому буду называть просто «собеседник».

Разговор начался с обсуждения агрессивности будущего производства.

– Не столь уж оно агрессивно, – парировал моё утверждение собеседник. – В технико-экономическом обосновании проекта заложен рассеивающий выпуск отстоявшихся стоков в Амур.

О слабой эффективности такой очистки вредных вод знали не только жители Байкала. Но меня больше интересовал иной вопрос. Почему именно на Амуре решили построить

комбинат химических удобрений, имея в виду, что вслед за ним там же возведут цеха экологически вредных производств шин и свинцовых аккумуляторов.

– Ну как же! На Дальний Восток ежегодно завозят многие эшелоны азотных удобрений.

– При том, что не так уж бедны здешние почвы. На Амурских островах стеной стоят такие травы, что в них вязнет коса.

– Где-то стоят, а где-то не стоят. Дальний Восток велик.

– На Сахалине и Курилах лопухи вырастают выше человеческого роста. А на Охотском побережье картошку выращивают прямо в гальке. Сажают её осенью. Как раз в пору, когда напирают на сушу валы нерестовой мойвы.

Её черпают чуть ли не ведрами и по рыбке кидают в каждую лунку. Разлагаясь, она даёт картошке и удобрение и обогрев на всю зиму. Так что и здесь обходятся без химии.

В какой-то момент беседы я почувствовал, что собеседник мой «поплыл». То есть уже не столь чётко отвечал на вопросы и даже вроде бы заскучал. И подумалось совсем не по-журналистски: «Ну чего пристал к человеку? Не его вина, что за тысячи километров отсюда затеяли такую бестолковщину. А ему отвечать: зачем да почему? Может быть, в душе и он

не согласен травить Амур, но по служебному долгу обязан вести все эти расчёты.

Поговорили о Дальнем Востоке, на котором собеседник мой не бывал. Про Амур – особая тема. Где ещё встретишь такую реку, где уживаются более ста разновидностей рыб от малой, пахнувшей огурцом корюшки до гигантских белуг и осетров, вес которых порой доходит до тонны.

Но самое главное богатство Амура – лососи. В иные годы кета идёт в верховья такими плотными косяками, что не пробиться сквозь них и лодке. Природа так устроила её круговорот, что пасётся она сама в океане, пока не войдёт в полную силу и тогда возвращается нереститься туда, откуда родом. Только не мешайте ей нереститься да знайте меру в уловах, и будет вам сказочный прибыток. На ней строят своё благополучие аборигены. На ней жируют звери и птицы. И нам, горожанам, немало перепадает от тех лососей.

Словно сговорившись, в дополнении к нашему разговору обходительная сотрудница положила на стол, за которым сидели, продуктовый заказ. Из целлофановой упаковки выпирала лоснящаяся от жира туша кеты.

Собеседник многозначительно покосился в мою сторону.

– Да, та самая.

– Неужто и в Амуре живут осетры да белуги? Вроде бы Каспийские эндемики?

– Пока живут. А главные их нерестилища – чуть ниже по течению вашей стройплощадки.

Собеседник, отвернувшись, смотрел в окно, за которым ничего не было видно, кроме мокрых после дождя крыш.

– А как отнеслись к этому проекту в ТИНРО? (Тихоокеанский НИИ рыбного хозяйства и океанографии. – *прим. ред*)

– А как?! – неожиданно взорвался мой собеседник. – Да никак! – Вытащив из ящика листы с официальными грифами другого ведомства, он кинул их на стол, как швыряют битую карту. – Вот, полюбуйтесь!

Читаю заключение директора Амурского отделения ТИНРО:

«В условиях нарастающего загрязнения вод промышленными и хозяйственными стоками усиление этого процесса приведёт к тому,

что степень усиление этого процесса за счёт стоков и выбросов в атмосферу проектируемого завода азотных удобрений в недалёкой перспективе приведёт к тому, что степень загрязнения на участках ниже села Нижнетамбовское достигнет опасного, а затем и особо опасного уровня. В итоге он утратит рыбохозяйственное значение. Общая сумма компенсации ущерба рыбному хозяйству ежегодно будет составлять 188 миллионов рублей».

Грозное предупреждение тем, кто задумал построить химический комплекс на берегу Амура-батюшки.

Однако чей-то окрик заставил хранителя первозданной природы умерить свои прогнозы. И месяц спустя за той же подписью явил себя новый документ. В нём утверждалось, что убытки от новостройки могут составить 5 миллионов 664 тысячи рублей.

Однако, всё же не многовато ли?..

И вот последнее заключение всё того же В.Сафонова. Ущерб оценён в 224 тысячи 959 рублей. И ноль копеек... Всё, приехали!

Я держал в руках бомбу. Настоящую бомбу под проект будущего комбината азотных удобрений. Мой собеседник наверняка знал цену таким документам, за передачу в огласку которых он может лишиться своего места с «волчьим билетом» в придачу. Но видимо судьба свела меня с одним из тех русских людей, готовых пожертвовать за правое дело не только престижной должностью. На прощанье я крепко пожал его ухоженную, отнюдь не богатырскую руку.

Никакой реакции на публикацию этой истории в «Советской культуре» не последовало. Но три месяца спустя собкор «Известий» по Дальнему Востоку Борис Резник выступил с более аргументированной статьёй на ту же тему: «Логика нелогичных решений», где в роли главного гвоздя в крышку гроба проекта комбината азотных удобрений были приведены всё те же красноречивые метаморфозы В.Сафонова.

Прошло немного времени, и на очередном заседании комиссии Госплана СССР был окончательно похоронен авантюрный проект.

Юрий ЛЕОНОВ

Вадим СИЛАНТЬЕВ

ВОИН

Год 1730:

– Административный центр Якутско-Охотско-Камчатского края – город Якутск, основанный в 1632 г.

– Произошло множество больших и малых сражений между тунгусами и юкагирами, коряками и чукчами, ламутами и ительменами.

– Закончилась Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга.

– Воинственные чукчи разгромили отряд казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова, состоявшего из 130 человек (правда, русских в команде было всего лишь около двух десятков).

– Возле берегов Камчатки потерпели кораблекрушение японские мореходы.

– Казаки Анадырского острога периодически устраивают карательные экспедиции против немирных пенжинских коряков.

– В Охотоморье появляются первые поселения русских крестьян: в основном, результат правительственной политики освоения Крайнего северо-востока Сибири.

-1-

Торговый караван, насчитывающий сорок семь выучных лошадей, медленно поднимался на сопку к деревянному купеческому острожку, гордо возвышавшемуся над дикой местностью. Фактория располагалась очень удобно. Сюда приходили торговать как туземцы кочевники, так и охотники из осёдлых племён. Владелец сего предприятия, купец Лукьян богател буквально с каждым часом.

– Добрались! Слава те, Господи! – Иван, старшОй, истово перекрестился.

Как всегда мрачный, Охдир сделал внушительный плоток из фляги и, дыхнув перегаром на старшОго погонщиков, изрёк:

– Подозрительно тихо в крепости.

Русский, вздрогнув, выхватил из-за пояса кремневый пистоль:

– Твоя правда! Даже собаки не тявкают... Что за напасть?!

Оставив караван в укрытии, пошли на разведку. Впереди, словно рысь, крался ламутский воин Охдир. За ним два его соплеменника-ученика. Городской мещанин и младший брат купца сзади. Полтора десятка погонщиков, изготовив ружья и луки, притаились в кустарнике. Мирно (обыденно) светило солнце, щебетали птицы, нудели комары. Июль месяц – дальневосточное лето.

Ворота фактории были открыты. Несколько собак валялись мёртвыми в пыли; тучи мух роились над ними. «Аккуратные разбойнички», – отметил Охдир. – «Все свои стрелы повынимали из побитых псин...». Вокруг погром. Настежь открыты двери складов, на земле валяются брошенные вещи. Над сторожевой вышкой, стоявшей посреди крепостного двора, кружит вороньё. «Там тоже покойник!»

Бросились в дом. Всё те же следы грабежа. У порога труп одного из подручных купца. «Зарублен мечом». – Охдир не спеша убрал свой длинный прямой палаш в ножны, закреплённые на спине. – «Шайка действовала быстро. Все торговые застигнуты врасплох...»

Среди гнетущей тишины только раздавалось тяжёлое дыхание ещё живого Лукьяна, который сидел, прислонившись к стене, возле ещё одного трупа своего работника. Глаза купца были полузакрыты. Иван и Фалалей склонились над владельцем фактории. Охдир, со стороны пристально оглядев хозяина торгового острога, решил, что вряд ли тот выживет... Первый приказчик купца, крупный

бурят, лежал мёртвым у прилавка. Обрывки бумаги, какие-то тряпки, рассыпанная соль и дешёвые стеклянные бусы, на длинном столе опрокинутые глиняные кружки, стаканы и бутылки, кровь, смешанная с пролитой брагой. Ламутский воин взял одну из бутылок, налил из неё в кружку и поднёс к губам тяжело раненого. Купец, глотнув, широко открыл глаза. Лукьян жадно допил вино, выпрямился и схватил за руку брата.

– Фалалей!

– Кто здесь был? – подался вперёд старшой погонщиков.

Лицо раненого исказилось от боли и злобы.

– Хунхузы*, – отвечал он. – Сукины сыны!.. Ограбили, убили. Шестьдесят сороков** соболей унесли... Фалалей, догнать их нужно.

– Постараемся.

Купец оттолкнул руку брата, обратив мутный взгляд на Ивана и ламута.

– Ванька, то твой шанец... Бери своего рубаку покрученника*** с его учениками, бери дюжину извозных работных, лошадей, оружие бери и словите хунхузов... Недолго осталось жить мне... Отомстишь, треть соболей твоя. А Фалалей хлипкий вояка; на него не надеюсь.

Сорокалетний старшой погонщиков снова вздрогнул. Купец на самом деле давал шанс разбогатеть. Двадцать сороков соболей – богатство! Его друг Охдир действительно великий рубака и следопыт, на него вся надежда. Оно, конечно, воевать с пришлыми татями опасное занятие, но приз стоит того. «Построю хоромы в Якутске, младшим братьям

подсоблю; глядишь, своё дело разверну!.. Заживём!». Взглянув на кровь, просочившуюся сквозь грубую холщёвую рубаху Лукьяна и стекающую на земляной пол, Иван быстро достал полотняный носовой платок и перевязал левую руку хозяина острога в том месте, где между кистью и локтем из глубокой раны ключом била алая кровь.

– Сколько было хунхузов? – подал голос ламутский воин.

– Осмаг на десять**** или чуть менее. Пешие они. Вы их легко нагоните. – Купец тяжело соглотнул, закрыл глаза. – Да торопитесь... а я скоро преставлюсь...

Умиравший качнулся вперёд, но удержал равновесие, выпрямился и устремил тусклые очи на Ивана.

– Отомстите за меня, ребятушки... Фалалей, слышишь моё обещание Ваньке?.. Не прощаю я воров*****, вражин желторожих.

Тут серые глаза купца раскрылись ещё шире; страшный огонёк сверкнул на мгновение в них и угас... Лукьян, мученически вздохнув, ткнулся головой в ноги своего мёртвого работника.

*хунхузы – в Китае так называли речных пиратов; в России хунхузами называли любых китайцев, корейцев или японцев пришедших на территорию Дальнего востока с грабительскими целями.

**шестьдесят сороков – старорусская мера счёта, по сорок единиц (десять сороков = 400; двадцать сороков = 800 и т.д.).

***покрученник – (старорусское) наёмник.

****осмаг на десять – (старорусское) во-
семнадцать.

*****здесь слово «вор» употребляется в его
старом значении – «преступник».

Сын старосты мятежного корейского се-
ления, Сомгун поправил длинный меч, про-
пуская вперёд цепочку людей, гружённых
тюками ценных мехов. Соболей несли все: и
пятеро пленных туземцев-дикарей, и двенад-
цать его воинов. Несли связки пушнины на
импровизированных коромыслах, наспех из-
готовленных из крепких палок, тащили на но-
силках, соорудили даже пару волокуш. «Вели-
кое богатство добыли мы в этих диких север-
ных краях! Напрасно напарник – китаец Мао
не пошёл с нами. Впрочем, с другой стороны
– это замечательно. Не знаю, что китайцы
поймут в других местах сего малолюдного
побережья, а эта Добыча только наша!.. Ну, в
основном; конечно, придётся какой-то малой
частью пожертвовать в пользу союзников...»

Пиратская экспедиция в земли русского
Охотоморья состояла из мятежных корейцев
и китайцев. Первые бунтовали против произ-
вола своих аристократов, вторые эмигрирова-
ли в Корею, не желая покорятся захватчикам
манжурам. Предводитель китайцев имел ко-
рабль; он и подбил Сомгуна на плавание в ди-
кие полуночные края, суля большие барыши.
«Не соврал Мао, тут есть чем поживиться!»
Они шли через низкорослый северный лес.
Подошвы хунхузов скользили по сосновым
иглам, густо устилавшим слабо хоженую тро-
пу. Изредка ветви деревьев больно хлестали
пиратов по взмокшим лицам. Вечерело.

Глубоко втянув тонкими ноздрями смоли-
стый, прохладный воздух, Сомгун объявил,
что скоро будет остановка на ночлег.

На закате в разграбленный торговый острог
въехало трое служилых. Они везли донесение
из Анадырской крепости в Якутск. Коман-
довал юркий костлявый казак, с выбитыми
передними зубами. Служилые не спеша рас-

седлали своих мохнатых северных лошадок и
вошли в дом.

Фалалей поведал казакам о случившемся
разбое, призывая оказать содействие.

– Мы бы с великим удовольствием подмо-
гли. Опять же, ворьё иноземное приструнить
следует, – отвечал беззубый. – Так ведь, в
Якутск поспешать нам треба, а дорога тудысь,
сами знаете, не из лёгких. Да и не безопасен
наш путь то...

Все сидели за длинным грубо сколоченным
столом в горнице, служившей представивше-
муся купцу магазином, трактиром и гости-
ницей. Перед ними стояли кружки с брагой и
миски с кулешом – вечерняя трапеза. Охдир
пренебрежительно фыркнул, услышав речь
предводителя казаков, губы его слегка дрог-
нули в презрительной усмешке. Беззубый зло
зыркнул на ламута, окинул цепким взглядом:
инородец с узким, в шрамах, лицом и пронзи-
тельными бесстрашными чёрными глазами;
лет под пятьдесят; длинные седеющие волосы
на висках украшены двумя тонкими косицами,
с вплетёнными в них красными засаленными
бархатными лентами к которым прикреплено
несколько речных китайских жемчужин. Одет
по-русски, как все извозные: сверху меховая
безрукавка, засаленная холщёвая косоворот-
ка, такие же штаны, только заправлены не в
сапоги, как у прочих, а в когда-то щёгольские
торбаса. Лицо туземного воина слегка попор-
чено оспой. Инородец был довольно рослым,
мускулист, худощав, порывист. «Именно
воин! Не просто воин, а из лучших. Вона и па-
лаш у него за спиной особый, с большим коль-
цом на рукоятке*. Встречаются оные среди
дикующих... Мало таких, но в бою стоят они
десятка. Северный богатырь! Слышал я о нём
– Охдир, бывший тойон одного из вымерших
ламутских родов». Казак провёл заскорузлым
указательным пальцем по своему хищному
орлиному носу. Прокашлялся в ладошку и, от-
ведя глаза, изрёк.

– Однако, дам вам в подмогу человека. Дело
тут сурьёзное, государственного рангу. Ты,
что ли будешь командовать погоней, Вань?

– Угу, – мотнул большой головой старшой
извозных.

– Вот и ладно. За тебя хорошо отзываются

горожане – мол, есть у мещанина Ивана бойцовский дух; не зря он верховодит в артели извозных.

– Стараюсь. – Старший караванщик теребил свою окладистую бороду. – Утром выступаем, с Божьей помощью. Сейчас заканчиваем вечерять, спать будем. Отдохнуть нужно...

Напоследок беззубый сообщил: дескать, анадырские казаки отомстили враждебным чукчам за поражение Афанасия Шестакова, разорив несколько их стойбищ и вызволив из полона более сорока человек побитого отряда (правда, то были в основном служившие русским туземцы). Также поведал собеседникам казак о том, что сожжена пенжинскими коряками новая русская крепостица на реке Яме, где сложили буйные головушки около двух десятков служивых.

– Ох, беды наши, беды! – запричитал Фалалей.

– Да! Такие дела. – Казак прикусил тёмный ус. – Однако, мы со всеми недругами посчитаемся. Ой, посчитаемся (дайте только срок)! А ты, Никифор, завтра с Иваном на хунзузов идёшь.

– Как скажешь, – спокойно откликнулся служивый.

*Среди коренных жителей Крайнего Северо-Востока действительно были мастера владения мечом (искусные фехтовальщики). Стальные мечи аборигенов с большими кольцами на рукоятках изготавливали кузнецы «цивилизованных» народов (китайцы, корейцы и прочие). Попадали они к туземцам в обмен на их меха.

-2-

Цепочка всадников в размеренном темпе двигалась по лесу. Охдир и два его ученика возглавляли колонну: следопыты-разведчики. Собственно, читать следы, оставленные хунзузами, не доставляло большого труда. Пираты держали курс на бухту Монгодан* («Больше идти им некуда!»), видно, там их ожидает корабль. Так северный воин и объяснил Ивану.

Продвигаться по узкой таёжной тропе на

лошадях дело мудрёное – особенно не разгонишься. Иногда всадникам приходилось спешиваться, вести коняг в поводу. И всё же в том, что они настигнут татей ламутский богатырь не сомневался. «До бухты Монгодан четыре дни пешего пути».

Лес был полон звуков. Откуда-то издали слышался крик ястреба, шелестели ветви, пружиня под лапками неугомонных белок, из кустов донёлся топоток ушкана**. Однажды тропу перебежал шустрый бурундучок.

Охдир периодически прикладывался к горлышку фляги – алкоголь давал забвение; прошлое вспоминать не хочется. НЕ ХОЧЕТСЯ... А война – привычная работа. «Завтра нагоним хунзузов». Который год скверно на душе ламутского богатыря – просвета нет. После того как вымер от оспы весь его клан, подался Охдир в город урусов Якутск. Несколько лет служил в центральном кабаке вышибалой и телохранителем хозяина заведения. Там и пристрастился туземец тушить печаль-тоску хмельным. Потом Охдир встретил Ивана; тот стал уговаривать вступить в его артель погонщиков вьючных лошадей. В конечном итоге северный боец дал согласие, так (после раздумий) ему показалось будет лучше; опять же больше опасности для совершенно не ценимой им своей жизни – разбойные, разбушевавшиеся стихии, дикие звери и вольные просторы родного Крайнего Северо-Востока. «А город – это множество чужих людей, грязь на улицах, отвратительные тяжёлые запахи. К тому же, стенами деревянными Якутск огорожен...». Охдир сделал ещё один внушительный глоток алкоголя – то плата за помощь Ивану. Деньги бывшему вождю не нужны; «пьяная вода», вот его вознаграждение. «Жить вовсе не хочется! Весь клан (жёны, дети, родители, друзья) – все ушли в страну предков... Один я на свете – словно осенний лист на студёном ветру...» Воин вновь приложился к горлышку фляги.

*Монгодан – ныне магаданская бухта Гертера.

**ушкан – заяц.

Высоко в небе, изящно раскинув крылья, парил ястреб. В движениях его чувствуется сила и уверенность. Сомгун, залюбовавшись гордой птицей, со вздохом подумал о том, сможет ли он всю жизнь чувствовать себя столь уверенно. «Да, сейчас наше селение – селение свободных людей, но надолго ли...». Возможно, ценой этой богатой добычи он купит личную свободу себе и своей семье; в крайнем случае более-менее независимое положение. «Однако, богатство ещё нужно довести до Родины, а это не такая уж лёгкая задача...».

Хунхузы пересекали обширную долину: кустарник, высокая трава, на взгорках ягель. Полчища комаров кружили над потными пиратами.

– Нужно взять правее, – объявил проводник-туземец. – Вон к той, расщеплённой молнией, сосне.

Иван оглянулся на свой отряд: «Ребята крепкие, должны осилить хунхузов». Трусившие на низкорослых якутских лошадаках, всадники одеты пёстро – смесь русских и туземных одеяний. Вооружены вразнобой: ружья, якутские боевые луки, копья, слегка укороченные сабли. Собственно, среди семнадцати преследователей чистокровных русских насчитывалось всего трое (но все семнадцать были православными). Иван сам наполовину башкир (дед его пришёл в Сибирь с Южного Урала), однако это были россияне и преследовали они чужеземцев не токмо ради награды (которую они с Фалалелем посулили этим людям) – край свой оберегали...

Теребя бороду, старшой погонщиков вспомнил утренний разговор с Охдиром:

– Охдир браток, на тебя одного надежда... не подведи?! Отобьём драгоценную рухлядь, сотня соболей твоя. Матерью Божьей клянусь!

Ламутский воин криво усмехнулся, поправив на поясе флягу с водкой:

– Награды твои мне не к чему. Я вольная птица, а любое богатство лишает человека свободы; что бы там ни было, ты уже привязан к нему. Да, и был я уже богатым... Хунху-

зов догоним – не сомневайся; меха вернём. Не тужи, брат Ваня.

– Дай-то Всевышний!.. Ежели отобьём ценную кладь, справлю тебе, Охдир, серебряную флягу, – произнёс старшой погони севшим от волнения голосом.

Ламутский богатырь отмолчался, усакавав вперёд.

Похолодало. Полночь. Давно ушло на покой солнышко, но звёзды ещё не высыпали на тёмно-серое небо. В зарослях поют ночные птицы, где-то рядом проревел лось, лютуют комары. Земля холодная – здесь на Крайнем Северо-Востоке не прогревается летом (если тот сезон можно назвать летом) земля, не дышит теплом.

Охдир выпивал за день минимум флягу хмельного. Иван специально возил с собой либо бочонок, либо бурдюк дешёвого спиртного для рубаки покрученника. Потрескивали сучья в костре. Почти вся погоня спала. Ламут вновь задумался о своей судьбе: «Каждый человек должен оставить после себя хоть что-нибудь, чтобы облегчить путь последующим... А что останется после меня? Два воспитанника, которых обучил поножовщине... Оно, конечно, нужно хранить и передавать правнукам приёмы северного боевого искусства, но...». Воин краем глаза заметил какое-то движение в дальних кустах, недалеко от места, где паслись стреноженные лошадаки. Он резко повернулся: «Не могло померещится!». Сколько ни всматривался ламут, ничего не обнаружил. Однако, когда Охдир отвёл глаза, ему вновь почудилось какое-то движение, в том же месте. «Похоже, человек!». Твёрдой рукой северный воин взвёл курок ружья, лежавшего у левого бока.

Из ближайших зарослей на поляну вышел один из учеников ламутского богатыря с охапкой хвороста. Молодой туземец аккуратно, стараясь не слишком шуметь, бросил дрова возле костра, отряхнул руки и снова лёг на своё ложе из кедровых ветвей. Охдир не спеша приподнялся, достал из седельной сумы

сухарь и пересел так, чтобы удобнее видеть дальние кусты. Жуя хлеб, он пристально смотрел поверх костра: «Всё же кто-то прячется там!»

Спустя некоторое время именно из подозрительных кустов вышел низкорослый, как и большинство местных аборигенов, пожилой тунгус в сильно потёртых замшевых одеждах. За спиной у него, в колчане, лук и стрелы, к поясу подвешен добытый заяц. Туземец смело пошёл к костру. «Так-то лучше». – Воин продолжал медленно жевать сухарь.

Несмотря на преклонный возраст, инородец сохранил лёгкость походки и силу; круглое, морщинистое лицо его спокойно. Охдир сделал глоток из фляги: «Одинокий охотник, похоже. Из пеших* тунгусов будет».

Воин встретил непрошеного гостя холодно, однако угостил водкой и сухарём. Старик попросил щепотку соли**. Ламут дал. Закусив и посидев немного у костра, тунгус сказал, что пойдёт дальше, дескать, у него встреча с внуком возле Красного Родника, охотятся они. Вёл себя старик очень естественно. Оставив в знак благодарности зайца, пожилой туземец легко поднялся и, пройдя мимо стреноженных лошадей, растворился в ночи.

Охдир поймал себя на чувстве зависти к старому тунгусу: «У деда есть и дети и внуки, есть родной клан... всё есть! Какой-то простой, полунищий охотник, а намного богаче меня...». Вспомнилось, как он женился в Якутске. Но новая супруга скончалась при родах; младенец прожил лишь несколько часов. «Почему жизнь моя постоянно так скверно складывается – будто дорога в никуда?..» Новый глоток водки. Налетел сильный ветер. Искры полетели от костра.

*пешие тунгусы – племена аборигенов не имевшие домашних оленей; жили оседло, занимались охотой и рыбной ловлей.

**Поваренная соль среди аборигенов Крайнего Северо-Востока ценилась очень высоко из-за своей редкости (основной товар, за который туземцы отдавали любые меха).

Ближе к рассвету появился старик-туземец, посланный Самгуном проверить, нет ли за ними погони. Пожилой дикарь принёс нерадостные вести: преследователей семнадцать, с десяток ружей; возглавляет погоню великий ламутский воин Охдир.

У предводителя хунхузов учащённо забилось сердце: «Предчувствие не обмануло! Нас тринадцать и всего четыре поганеньких ружья! Северный богатырь – это опасный соперник. Если, правда, те рассказы, что я слышал о диких мастерах меча, встречающихся в Полуденных краях, то дело вовсе дрянь...» Сомгун плотнее закутался в плащ – утренняя сырость. «Нужно устроить прикрытие! Однако сколько человек поставить в заслон? Больше трёх нельзя, а дикарей-туземцев не заставить сражаться на своей стороне... Хорошо хоть, что угрозами принудили тунгусов выдать факторию русских и «поработать» носильщиками. Впрочем, выбора у диких не оставалось, если бы они заортачились – всё туземное стойбище на берегу бухты Монгодан вырезали бы; а тунгусы очень дорожат своими чумазами детёнышами.» Выкурив маленькую трубочку, Сомгун несколько успокоился: «Нужно будить людей и уходить. Помогайте, Боги Удачи!»

Перед самым рассветом, просветлевшее было небо заволокло тучами, заморосил дождь.

Погоня проходила мимо небольшого, болотистого озера. Дождь кончился. Тучи по-прежнему громоздились друг на друга, однако теперь в разрывах между ними проглядывало голубое небо. Иван остановил коня на взгорке, заглядевшись на пару белых лебедей, низко летящих над озером. Пустынный, дикий край, но зелёный и своеобразно красивый.

Вдруг старшой извозных почувствовал, что его коняга падает. Всадник резко спрыгнул на землю. Конь рухнул. «Что за чёрт?!». Почти тут же пали лошади всех преследователей.

– Отравили коняжек! – зло сощурился казак Никифор, положив свою тяжёлую руку на эфес сабли.

Из-за груды серых камней к обескураженной погоне, тоже пешими, вышли разведчики-следопыты. Лицо Охдира словно каменная маска.

– Что скажешь? – Иван готов был сорваться на крик; все это видели.

– Недоглядел, – бывший вождь говорил спокойно, выражение его лица нисколько не изменилось. – Перехитрил меня старый тунгус. Ловко он отравил лошадок.

Сдержанность ламута несколько охладила старшОго. Он стиснул зубы и стал нервно теревить бороду: «Упустим хунхузов – плакали мои денежки. Не жили богато, нечего и начинать. Так, что ли, оборачивается? С другой стороны, ежели Охдира провёл инородец, то и никто бы не докумекал заподозрить старика... Теперь понятно как чужеземные тати узнали о купеческом остроге. Тунгусы нас выдали...»

– Не кручинься, Ваня, – отвечал на невесёлые мысли предводителя северный богатырь. – Завтра точно нагоним воров. Они гружёные, мы налегке. Станешь ещё ты богатым человеком.

– Твои слова бы в уши Богу, – с надеждой выдохнул Иван. – Однако хитры тати, дело своё чёрное знают.

– Верно сказал, старшой, – Охдир пристально смотрел в глаза начальника. – Следующий раз они засаду выставят... Но мы с тобой войной нынче занимаемся... Ламуты так говорят: «Если собираешься идти охотится на медведя-людоеда, будь готов к тому, что можешь с ним встретиться».

– Значит, нагоним хунхузов? – Иван продолжал нервно теревить бороду.

Ламутский воин утвердительно кивнул.

Сомгун весь день сам тащил на коромыслах связки мехов. Меха – вроде бы лёгкая кладь, А КОГДА ИХ МНОГО... Даже шёлковая головная повязка взмокла. Прямой длинный меч и приличных размеров кинжал здорово мешали при ходьбе; подошвы ног гудели. Нет, если БЫ не погоня – нести такие богатства одно удовольствие. Несёшь на плечах сытное, комфортное будущее. НО ПОГОНЯ! Нужно оставлять засаду. Если его заслон удержит преследовате-

лей хотя бы на час – это лишних 3–4 километра отрыва. Мао, по идее, уже должен с кораблём ждать в бухте; так договорились. Но вдруг не будет корабля, задержатся где-либо китайцы?.. Впрочем, лучше об этом не думать. Ситуация сродни кошмару: вот оно богатство горбит спины, а проснёшься и НЕТ ЕГО. Только тут значительно страшнее кошмарного сновидения, здесь отберут богатство, вместе с жизнью. Атаман пиратов в который раз споткнулся. «Только не падать. Нужно идти и идти вперёд! Нужно оставлять заслон! Нужно не останавливаться на ночлег – сделаем короткий привал и снова идти. Боги Удачи, помогайте?!!»

Заслон хунхузов не справился со своей задачей. Два корейских пирата удерживали погоню не более четверти часа. Охдир, заметив засаду, послал одного из учеников остановить основную колонну преследователей; второй вступил в перестрелку, отвлекая на себя хунхузов. Сам северный богатырь обошёл бандитов сзади и двумя выстрелами из лука прекратил бой.

Во фляге корейца, одетого побогаче, оказалась рисовая водка. Вкус её не понравился Охдиру, но выбрасывать корейское хмельное тот не стал. Ламут повесил чужеземную баклагу на ветку засохшей лиственницы, основательно закрепив: «Глядишь, кому-нибудь сгодится...». Ночь вступала в свои права. Налетевший порыв холодного ветра подхватил круглые соломенные шляпы павших хунхузов, унося прочь. Совсем рядом испуганно залаяла лисица...

Подошедший низкорослый погонщик долго мочился на трупы врагов. Ружья пиратов, с боеприпасом, взяли городские якуты*. Казак Никифор утrophеил кинжал богатого хунхуза. Кто-то обнаружил в холщевой суме побеждённого, победнее, шкурку соболя. Больше времени россияне потеряли приходя в себя после случившейся стычки.

– Ночлег устраивать рано, – твёрдо произнёс Охдир. – Вёрст с пяток ещё отшагаем. Нагонять разбойников следует.

– Добро, – согласился Иван.

– Ночёвка будет короткой.

– Как скажешь. Лишь бы догнать вражин.
– Догоним, – вставил своё слово казак. –
Никуда они от нас не денутся.

Ламутский воин почувствовал: кто-то за ними наблюдает. Резкий поворот головы. Крупный суслик испуганно юркнул в норку.

*городские якуты – якуты, жившие в городах (порой не одно поколение) и во многом перенявшие русский образ жизни.

-4-

Давно перевалило за полдень. Тропа петляла по сопкам, рошицам и обширным полянам. Припекало солнце. Какая-то певчая птаха, захлёбываясь громкими трелями, стремилась повыше взлететь в небо. Голосистая птичка, часто трепыхая крылышками, поднималась по косой всё выше и выше. Наконец взлёт прекратился и, всё так же жизнерадостно пища, птаха начала пикировать вниз.

Сомгун опустил голову: «Русские вот-вот нагонят нас! Что же предпринять?». Конечно, лучшее средство защиты – это нападение. Может быть, атаковать преследователей, когда те устроят привал или ночёвку?.. Но с русскими идёт северный богатырь, того застать врасплох сложно. Опять же, к чему лишний раз испытывать судьбу. Преследователей больше, а Сомгун уже потерял двух бойцов... Нужно придумать заслон похитрее.

Из ближнего леса доносилось кукование кукушки. «Нужно придумать заслон похитрее!»

На тропе лежало белое перо журавля. Охдир поднял его и воткнул в одну из косиц, закрепив длинным, гибким травяным стебельком. «Оно принесёт мне удачу». – На душе воина потеплело: «Никогда не терять это пёрышко». Ламутский богатырь прислонился к мощному стволу тополя, поджидая отряд. Глоток водки. Шуршали листвой деревья. Перекликались птицы. Шептались травы. Жужжали насекомые.

Наконец показалась цепочка преследова-

телей. Отряд, пыхтя, преодолевал довольно затяжной подъём на пологую сопку. Впереди шагал Иван. Красное лицо предводителя, с выгоревшими бровями, покрыто потом. Но, увидев воина-следопыта, старшой извозных постарался принять бодрый вид. «Есть у Вани бойцовский дух!» – Охдир, призывно махнув рукой, снова устремился вперёд.

С вершины сопки открывался неплохой обзор на лежавшую у подножия долину. На берегу ручейка, возле нескольких туго увязанных тюков пушнины, сидел один из корейских пиратов. Оружие хунхуза лежало на земле. Поправив на себе короткий кожанокостяной доспех*, Охдир произнёс:

– Иван, на переговоры сам пойду. Ватаге быть наготове. Кроме этого тата больше никого не видно... Ловушка возможна.

– Уразумел. – Старшой достал из-за пояса пистоль. – Ребятки, изготовьте оружие!

Северный богатырь пружинистой походкой подошёл к чужаку и сел напротив, поджав под себя ноги. Свой длинный палаш Охдир положил подле. Парламентёры оценивающе разглядывали друг друга. Долгое молчание. Кореец сразу вычислил соперника: «Правильно предупреждал Сомгун – погоню ведёт опытный воин. С виду он меланхоличен, только это маска, за которой скрывается дикая, неукротимая, необузданная силища!». Однако хунхузу была обещана большая награда, если план Сомгуна срабатывает.

– Говори! – прервал молчание Охдир.

Руки хунхуз скрестил на груди. Кореец, на мгновение закатив глаза, вновь буравит взглядом ламута:

– Мы отдаём половину мехов, вот они, – кивок головой в сторону тюков. – Вы нас отпускаете. Зачем убивать друг друга? Кровь уже пролилась с обеих сторон. Давайте остановимся на этом. Обещаем – больше никогда наш корабль не придёт к этим берегам.

Кореец довольно неплохо говорил по-русски.

– Нет! Торговаться с ворами...

В это мгновение хунхуз молниеносно выхватил из складок плаща короткий меч и нанёс бывшему тойону резкий удар, целя в шею, не защищённую латами. Однако Охдир легко уклонился, даже не сдвинувшись с места. Лишь перо журавля вылетело из его косицы. Рукояткой своего палаша ламут нанёс коварному и опытному в фехтовании врагу страшный удар в кадык. Мёртвый пират грянулся оземь. И сразу прогремело два выстрела. Одна пуля ранила Охдира в плечо, вторая сразила Никифора. Сидевшие в засаде хунхузы, хитро устроенной недалеко от вершины сопки, где остановились преследователи, посчитали, что казак старший ватаги, так как у того на голове была высокая волчья папаха с красным бархатным верхом и одет он был в синий долгополый, добротный кафтан.

Завязалась перестрелка. На этот раз Сомгун действительно организовал очень хороший заслон. Пираты отстреливались почти два часа, ловко избегая окружения и прикрывая друг друга. В конечном итоге ученики Охдира всё же подстрелили разбойных, но россияне понесли серьёзные потери: двое убитых, пятеро ранены. Недалеко от горы тюков с пушниной преследователи нашли связанного по рукам и ногам старика тунгуса, отравившего их лошадей.

– Ага, попался злыдень! – Один из погонщиков собрался прикончить туземца.

– Остынь! – властно остановил того ламутский богатырь.

Освобождённый от пут, дед рассказал, что должен был после боя провести хунхузов в бухту Монгодан более коротким, но трудным путём. Так же старик поведал, мол, всё это он делал, стараясь сохранить жизнь внука – предводитель пиратов грозил убить молодого тунгуса, если дед не выполнит поручения (для убедительности, главарь хунхузов отрезал ухо молодому туземцу).

– Брешет он всё! Шкуру свою спасает! Кончить нужно изменника.

– Акстись, – Иван тербил бороду. – Я верю старому. Если бы инородец держал сторону хунхузов, зачем тогда его вязать?.. Боялись воры, что во время драки дедушка сбежит.

– Поди ты?..

– Верно старшОй баит!

– Не виновен дед.

Иван сочувственно мотнул бородой на перевязанное плечо Охдира:

– Как ты?

– Ерунда.

Лёгкий ветерок уносил белое журавлиное пёрышко. Журчал ручей. Солнце пекло. Мошкара и комары тучами кружили над людьми.

На месте боя россияне задержались ещё как минимум на час. Нужно было прийти в себя. Остыть от кровавого дела. Перевязать раны. Разделить трофеи... Двух тяжело раненых оставили охранять отбитые меха...

Пройдя вперёд где-то с версту, погоня нашла новую кучу тюков ценной рухляди. Прикинув общее количество отбитых у татей соболей, Иван понял – хунхузы бросили аккурат половину украденных мехов. Правда, здесь были не только соболя, но и лиса, и песец, и бобёр. «Эх, ма! Купец Лукьян даже на смертном одре не удержался от бахвальства! Торгаш! Прости его, Господи!..»

*кожанокостяной доспех – доспехи, которые изготавливали сами аборигены Крайнего Северо-Востока. Они могли быть как длинные (до колен), так и короткие (по бедра, или до пояса). Кстати, подобные своеобразные латы высоко оценивали русские. В 17–18 веках с туземцев брали царский ясак (налог) не только пушниной, но и подобными доспехами.

-5-

До восхода солнца оставалось ещё около часа, однако было светло как днём. На востоке горизонт, подпираемый сопками, розовел. Бодрящая утренняя свежесть; жизнеутверждающие песни птиц.

Преследователи шли уже более трёх часов. Проводником теперь был старый тунгус. Он объявил, что к середине дня погоня достигнет бухты Монгодан. Старшой Иван волновался не на шутку: «Да, погоня отбила половину соболей, но как хитры сии тати – прямо из-под носа уходят! Так мы и упустить их можем! А ходоки они хо-

рошие, не хуже местных инородцев. Грузёные, а быстро бегут. Того гляди улизнут. Бог не дай!..» Предводитель оглянулся на сократившийся более чем на треть отряд (ещё двоих раненых оставили на дороге, те не поспевали за остальными) – люди шагали с хорошей скоростью. Поутру комарьё не так донимало. «Ох, хитры враги! Своими подленькими засадами они всё ж выиграли время и, пожалуй, мы нагоним их, ежели нагоним, только на монгоданском берегу...». Старшой присел на большой одинокий валун, пропуская вперёд цепочку своих вояк. Вокруг зеленели кедровые заросли. Год выдался урожайным – шишек на кедровых ёлочках множество. «Если в бухте хунгузов ждёт корабль, тогда они, пожалуй, уйдут. У меня осталось десять человек; у татей восемь, да ещё подмога с корабля придёт... Нет, тогда их не взять... тут и думать неча. Уйдут от нас чужеземные воры, уйдут!». Старший извозных поднялся и зашагал последним в цепочке, тем самым подгоняя людей. «Оно конечно, третья часть возвращённых мехов моя – сие тоже не мало. Однако Фалалей купчишка жадный, вдруг упрётся и станет оспаривать мою добычу?!» Из высокой травы взлетел перепуганный выводок куропаток. Погоня на птиц внимания не обращала. «Ан нет! Не дам обойти себя Фалалею. Долю свою спрячу в тайге. Ха, энти меха мне по закону полагаются, согласно воле убиенного Лукьяна. Пусть земля ему будет пухом!» – Иван перекрестился: «Свою долю соболя не упущу! Хватит! Бедным я просуществовал более половины жизни своей, пора побыть и БОГАТЫМ!» Впереди на всю округу заливался дрозд, предупреждая обитателей диких лесов и полей о появлении человека. Иван поправил на голове малахай: «Опять же, глядишь – всё ж осилим мы татей заморских. Охдир у меня есть, а это силища – дюжины бойцов он стоит; ученички его тоже ребятишки хваткие». Впрочем, и самого Ивана мужиком немощным не назовёшь: высок, крепкого сложения, силен и не из трусливых.

И вот взорам преследователей предстала бухта Монгодан, со всех сторон окружённая сопками, поросшими низкорослым лесом. Лучи солнца освещали спокойные воды, а впереди, в дымке, белели вершины скал, отгораживающие бухту от моря-океана. Казалось, это не бухта, а озеро. Лениво кричали чайки. Пиратского корабля не видно.

– Ага! Ещё не подошёл парусник хунгузов! Тодысь тати в наших руках. Вперёд, ребятушки! – Старшой погони повелительно взмахнул рукой.

Преследователи спускались к бухте через заросли низкорослой рябины. «Ещё несколько вёрст и настигнем разбойных чужеземцев! А Бог даст и опередим!» К бухте погоню вывел старик тунгус более короткой тропой. Россияне почти бежали.

– Как пить дать возьмём татей!

Корейских пиратов преследователи, разумеется, не видели, зато воды Монгодана всегда перед глазами – тихие, спокойные, словно гигантское зеркало, в котором отражается небо.

Вдруг у Ивана сильно сжало сердце. Предводитель остановился. Не хотелось верить глазам... В бухту входил чужеземный парусник!!! «Упустили хунгузов!»

С побережья повалил густой столб дыма.

– Они подожгли моё селение, – прохрипел старый тунгус.

– Знак своим подают.

– Почему остановились? – голос Охдира твёрд. – Вперёд! Обгоним пиратов с корабля. Мы ещё успеем отбить меха, если поторопимся!

Услышав слова ламутского богатыря, Иван воспрял духом: «Авось действительно ещё не всё потеряно?!?»

– Вперёд, ребятушки! – подхватил старшой. – Покажем вражинам, кто хозяин этого края! Вперёд, родимые!

Поднялся сильный, студёный ветер. Заволновались деревья и кусты, заколыхали травы, взволновались дремавшие воды бухты.

Чем ближе приближались к берегу моря, тем трава становилась ниже. И россияне с

каждым шагом увеличивали скорость бега. В пылающее тунгусское селение они ворвались, стреляя на ходу из ружей и мушкетов. Даже старый тунгус выпустил несколько стрел в ненавистных ему желтолицых чужаков. Пираты отвечали арбалетными выстрелами (все ружья Сомгун отдал воинам засад). С обеих сторон есть раненые и убитые. Кстати, «селян»-туземцев пираты не тронули, а просто, отобрав оружие, прогнали из становища.

Стремительная атака преследователей, в принципе, застала корейцев врасплох. Они несколько расслабились, когда пришли на берега Монгодана. И совсем потеряли бдительность, когда дозорный сообщил, что в воды бухты входит корабль Мао...

Рукопашный бой случился прямо на пляже, у кромки моря. Жутко звенели скрепящиеся мечи и сабли. Хлопали мушкетные выстрелы, обволакивая всё сизым, кислотным на вкус пороховым дымом. Резко, по-змеиному, шипели арбалетные стрелы-болты. Разноязычная брань, крики, брызги крови и солёной воды. Страшный хаос битвы.

Россияне одолевали врагов. Однако и пираты не собирались сдаваться. Вот столкнулись два противника. Кореец резко мет-

нул кинжал (который держал за рукоятку в левой руке) поверх пламени, вырвавшегося из ружья городского якута.

Стрелявший сделал шаг назад; рукоятка кинжала торчит из его глазницы. Якут упал на колени. Потом, пытаясь подняться, грохнулся вперёд головой, и его выдавший виды русский малахай покотился по песку.

На Ивана с мечом в руках бросился очень рослый корейский пират. Россиянин выставил вперёд саблю, доставшуюся ему от погибшего казака Никифора. Несколько секунд фехтования. Голубые искры сыплются с острых клинков. Вызывающий на теле мурашки смертельный скрежет холодного оружия. Старшой погони, обливаясь холодным потом, отпрыгнул в сторону. В левой руке у него чукотское бола, предназначенное для охоты на птиц. Россиянин несколькими резкими движениями раскручивает бола и швыряет в ноги набегающего врага. Метательное оружие опутывает икры пирата, тот, споткнувшись, падает. В два прыжка Иван подсакивает к хунхузу и, бросив саблю, скручивает ему руки.

– Помогите связать суку! – хрипло орёт предводитель преследователей. Почему-то не хватает злости у старшего караванщика для того, чтобы зарубить пирата.

Вот хунхуз, в перепачканных белых одеждах, ловко срубил голову молодому буряту; ярко сверкнул на солнце его безжалостный клинок. Обезглавленное тело коренного сибиряка пало на четвереньки, осело и в агонии завалилось в бок.

Охдир, сжимая в левой руке (ламут, как и многие северные богатыри, был левшой) свой страшный палаш, атаковал Сомгуна. Главаря прикрывали два пирата. Один из них выстрелил в северного воина из небольшого (предназначенного для стрельбы одной рукой) арбалета. Богатырь легко отбил смертоносную стрелу. Перехватив свой длинный меч за кольцо на конце рукояти, тем самым ещё удлиняя оружие, ламут несколькими вращательными движениями разогнал телохранителей Сомгуна, серьёзно ранив одного из них. Второго перехватил ученик Охдира.

Два мастера фехтования сошлись в смертельном поединке. Сомгун разразился серией резких рубящих ударов. Грозный противник не парировал их своим клинком, а ловко уклонялся – особенности северного фехтования.

От молниеносных колющих выпадов Охдира атаман хунхузов стал пятиться в

море. Вода холодила ноги, но не остужала ярость. Северный богатырь атаковал пирата с таким исступлением, что тот без ужаса не мог глядеть на его лицо. Сын мятежного корейского старосты потратил не один год стараясь в совершенстве овладеть искусством фехтования... но противник был явно сильнее. «Скоро он меня зарубит!!!» Уже несколько ран кровоточат на теле главаря пиратов. Кровь из ран капает в морские волны, плескавшиеся почти у колен... У Сомгуна в запасе оставался последний приём... Он резко отскочил дальше в воду, заведя обеими руками свой меч за спину. Бывший вождь наступал... И тогда кореец нажал на курок. В рукоять его меча был вделан потайной арбалет. Отравленная стрела пробила щёку северного воина, вырвав кусок плоти. Брызги крови.

– Сдохни, тварь! – взревел коварный пират, бросаясь на ошарашенного врага.

Но громадная касатка-людоед услышав запах людской крови, оказалась быстрее. Она буквально как змея подползла по мелководью к сражающимся. И когда Сомгун изготовился прыгнуть на раненого соперника, мощные челюсти со страшным хрустом стиснули ноги хунхуза... Раздался отчаян-

ный вопль.

Перед глазами Охдира всё плыло. Он выронил палаш и побрёл к берегу, где уже закончился жестокий бой. Выйдя на песок, отважный воин рухнул лицом вниз. К нему подбежал Иван, перевернул:

– Что с тобой, Брат?! Очнись?! Мы победили!!! Брат!!! Очнись?! – кричал предводитель погони.

– Дай водки? – засипел поверженный богатырь, с трудом разлепляя неимоверно отяжелевшие веки. – Не хочу уходить трезвым.

Иван лихорадочно отстегнул от пояса друга флягу (пальцы старшего дрожали), поднёс к посиневшим губам... Однако было уже поздно – ламут как-то сразу обмяк всем телом, голова безвольно упала на бок; мятежный дух северного (колымского) воина отлетел...

– Отмаялся страдалец.

Китайцы не стали ввязываться в сражение. Мао посчитал, что выгодней выждать; тем более в случае гибели союзников, доля (уже имеющейся на корабле) добычи для китайских пиратов значительно увеличивалась; чем разжились корейцы, он знать не

мог. К слову, с самого начала Мао отговаривал напарника от опасного дальнего похода в глубь материка...

Догорало тунгусское селение, состоящее из трёх круглых полуземлянок. Потрескивали брёвна, из которых были устроены жилища. Чёрный дым поднимался к резко посеревшему небу, смешиваясь с кудрями тумана, сползавшего с ближних сопков.

Перепуганные чайки металась над бухтой Монгодан, оглашая окрестности взволнованными криками. Сделалось очень холодно.

P.S. «Аборигены Крайнего Северо-Востока со странным равнодушием относились к смерти – это всегда лежало в основе их характера, делая оных такими бесстрашными в битвах и поспешными к самоубийству». – Владимир Германович Тан-Богораз (1865–1936 г.г. Российский писатель, этнограф и лингвист, северовед).

Январь–июль 1998 г. МАГАДАН
Октябрь 2019 г. (последняя редакция) СТЕРЛИТАМАК

Сюрреализм

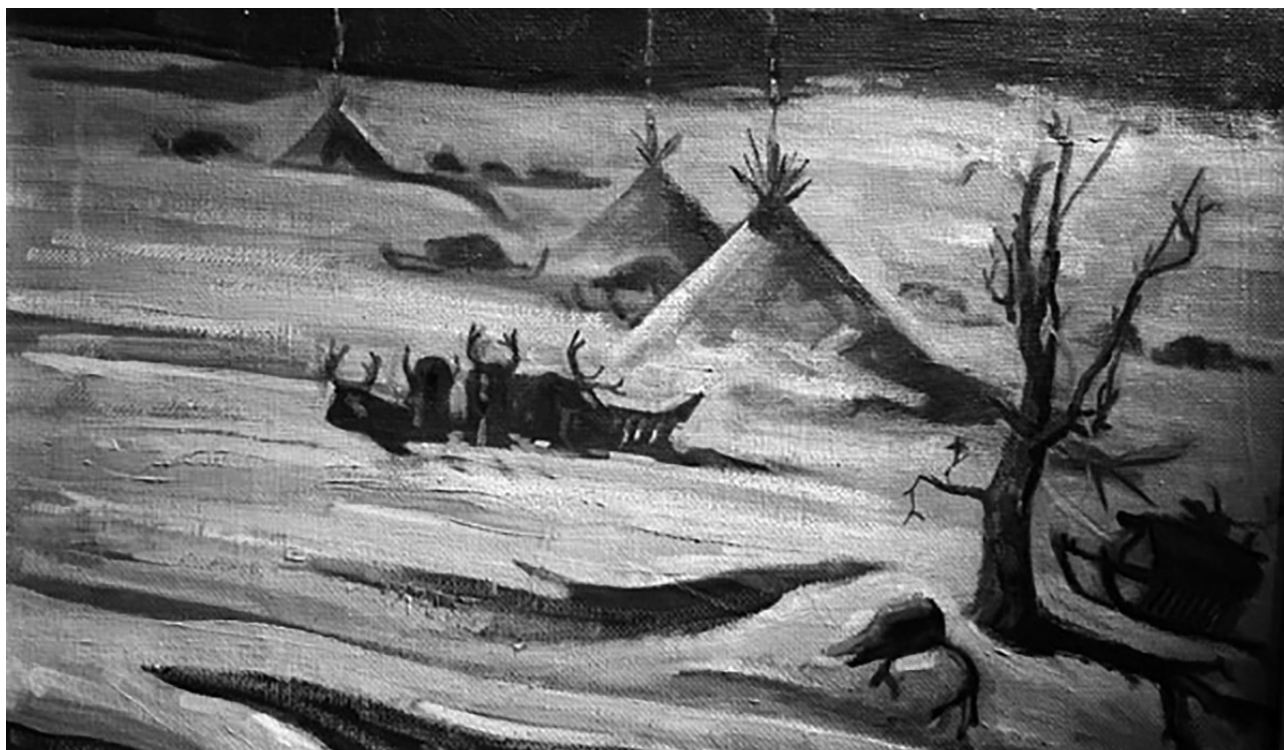
Леонида Лара

*Натянут холст и в ожидании кисти...
Палитрой красок, радуется глаз...
Художник, оживляет свои мысли...
Творит-малюет истины для нас...*

Татьяна Суздальская

Кисть ударилась о тугой холст и начала свой танец. Художник отбивал ритм, всё быстрее и быстрее, кисть кружилась в такт. Казалось, что сейчас она пронзит холст, и откроется дверь во Вселенную, и художник вместе с ней уйдёт в нижний мир, к мёртвым, а потом взлетит к звёздам и полетит к богам. Кисть танцует по холсту и затягивает зрителя в мир грёз, и фантазий. Бум-бум-бум, и на холсте выразительные глаза шамана, который наблюдает за зрителем. Кисть

продолжает танцевать и мы уже видим позади шамана силуэты потустороннего мира. Бум-бум-бум и взлетают духи, чтобы унести души. Холст звенит и поёт о просторах Вселенной, мелодия сменяется тревожным ритмом, перерастающего в грозный рокот. Художник, как и шаман, находится в состоянии некоего транса, что передаётся и нервным выражением лица, и внутренним озарением света. Сам творческий процесс близок к шаманским действиям. Во время работы Леонид Лар, как и шаман во время камлания, должен полностью передать своё состояние и мысли, воплотив их на холсте. Он не имеет права, как и шаман, действовать по-другому. Да и инструменты у художники

и шамана схожи. Холст, натянутый на подрамник – это бубен. Кисть – это колотушка, обёрнутая мехом.

Леонид Лар, как и в своё время шаман, взял на себя важную миссию восстановления целостности мира. Он в своих произведениях запечатлевает мифологическую картину мира своего народа, но и касается народов всего мира. Весь цикл его работ связывает человека со Вселенной. Через свои картины он приближает нас не только к миру видений с шаманских церемоний северных народов, но и к своему собственному богатому внутреннему миру. Его творчество и собственное мировоззрение открывает для зрителей бесконечное пространство природы и человека, как неотъемлемой её части. Традиционные образы его работ – это олениводы, женщины, культовые памятники в тундре, родовые покровители: тотемные животные и мифологические существа. Перед зрителем предстают духи природы, божества, идолы и призраки деформированные с вытянутыми шеями, искажёнными лицами и удлинёнными конечностями.

Образ шамана в картинах Леонида Лара воспринимается как и призрак прошлого, уходящего из современной жизни народа, и как возрождённый Феникс из небытия. Он пытается затронуть все важные моменты жизненного пути шамана. Сейчас идёт процесс создания шамана сверхчеловека – неошамана. Они в новой интерпретации обладают всеми сверхъестественными качествами – всевидящим оком, стреляющими молниями, силой богатырской. Леонид Лар преподносит зрителю не сверхшамана, а обычного человека в традиционной одежде, но с мудрым и глубоким философским взглядом. Взгляд шамана ещё не успел скреститься с взорами зрителей, но между ними уже идёт диалог и непосредственное столкновение характеров. В любой картине зашифрованы тайны потустороннего мира, а зритель находит свои секреты, которые открывают ему окно в мир шамана. Практически в каждой работе есть загадка, которую зритель захочет раскрыть.

Шаман, изображённый на картине «Шаман из древнего рода Окоэтто», пребывает в горделивой позе, приготовившись к камла-

нию. Его рука с бубном освещена, тогда как лицо трактовано мягче, без резких контрастов светотени. Позади него духи, с которыми он общается. Они являются посредники между космическими силами, силой вселенной – и человеком. В работе «Посвящение» зрители на переднем плане видят как разрывают ученика шамана на части духи-помощники, духи-покровители. Он переживает на уровне эмоций настоящую «смерть». После всего пережитого человек «возрождается», но уже посвящённым. Позади, на фоне заката сидит старый шаман, который сопровождает душу ученика по потустороннему миру. Зритель видит старого шамана в трансе. Душа ученика не только находится в том мире, но и получает знания о нём. Видения настолько сильны, что зрители видят вокруг ученика духов-покровителей и злых духов. Картина насыщена фантастическими фигурами, образами чудовищ, словно обретшими плоть галлюцинациями – всем тем, что можно назвать реальностью потустороннего мира, на которую художник смотрит философским взглядом.

Старый шаман помогает ученику пройти посвящение и выйти из этого состояния целостным, возрождённым. Глаза старого шамана закрыты повязкой, и зритель чувствует, что даже с закрытыми глазами он может видеть сквозь мрак, видеть вещи и будущие события, скрытые от остальных людей. На картине видим, что учитель шаман находит похищенные души, независимо оттого, охраняются ли они, сокрыты ли глубоко под землёй или же унесены на небеса или в страну мёртвых. На этом посвящение в шаманы не заканчивается. Это длительный процесс, который протекает месяцами, а иногда даже годами. Шаманское посвящение – важная церемония. Леонид Лар как бы приоткрывает завесу потустороннего мира духов и божеств, показывает грань между человеком и шаманом и то, как они воспринимают происходящее. Глядя на картину «Посвящение» люди задумываются над тем миром, который окружает шамана и посвящённого.

Каждая его картина – это интерпретация некоего переживания, почерпнутого из другого мира. На картине «Полёт» мы видим как душа

шамана движется параллельно поверхности земли. Работа написана в сочных золотых и розово-красных цветах. Внизу простирается тундра. Небесная дорога шамана трудна и опасна, что не скажешь по картине. Художник показывает путешествие шамана по тонким планам мироздания, знакомство с законами астрального мира. На этом пути есть зловредные духи, но в том и задача шамана, чтобы преодолеть их влияние и научиться влиять на них. Этот путь непрост, он постоянно балансирует между беспорядком и порядком, между хаосом и космосом. Так Леонид Лар показывает особое предназначение шамана в культуре, его образ мышления и мировосприятие. Шаманы несут с собой огромную энергию, и их благотворное целительное воздействие может быть многократно умножено.

На православную церковь и русскую колониальную администрацию возлагается ответственность за истребление шаманов и идолов. Они отбирали ритуальные бубны, сжигали конфискованные костюмы. История христианизации отсчитывается с известного миссионерского похода Филофея Лещинского. Картина «Инквизиция» напоминает нам о тех событиях. Это священные места острова Вайгач и Белого Острова, где находились идолы главных ненецких божеств. По велению церкви

были сожжены, уничтожены много ритуальных, священных идолов на священных местах северных народов. Потом пришли коммунисты и комсомольцы, которые также отбирали и сжигали атрибуты шаманов. Всё это хорошо отражено в триптихе «Диалог культур». Эти работы затрагивают проблему религиозных конфликтов разных культур, свидетельствующих о их несовместимости. Мы видим связанного шамана и рядом рушится церковь, на другом красноармеец. Художник широко использует выразительные возможности соединения в одной композиции шамана и священника, церковь и красноармейца, шамана и новый мир.

В картине «Гибель язычника» мы видим привязанного к дереву шамана. Он предвидел свою смерть и поэтому он встречает её с достоинством. Его лицо обращено к земле, где горят духи-помощники, идолы, а фигура освещена сполохами огня и неровным светом. Над ним возвышается поп. Он не просит помощи у священников, а обращается к духам земли и огня, чтобы помогли его душе обрести покой. На второй картине «Скованные боги» уже возвышается красноармеец, который рушит церкви и сжигает священные атрибуты шаманов. Здесь мы видим, что шамана привязали к его священному идолу. Ша-

ман обращает свой взор к земле, к духам природы. Он спокоен. Весь трагизм происходящего помогает полнее ощутить окружающее пространство. Языки пламени вздымаются от горящего костра, бросая отблески на тело. У обнажённых ног шамана клубится и медленно поднимается вверх дым. Мы чувствуем, что вместе с гибелью шамана наступает трагический момент крушения мира не только шамана, но и церкви. Погибает старый мир, рождается новый. Но они не уходят в небытие, а приходят в обновлённом виде, с новыми взглядами и мышлением.

«Дерево шамана» – картина размышление. Глядя на неё, мы слышим как негромко звучит бубен, голос шамана вплетается в этот звук. Бум-бум-бум, и души людей рассаживаются на ветках и корнях дерева. Они слушают голос шамана и внимают его голосу. Если грешен, то душа твоя на корнях дерева находится, ближе к злым духам. Светлая душа поднимается выше, чтобы птицы унесли его ближе к небесам. Бум-бум-бум, шаман стучит, чтобы помочь тяжёлым душам освободиться от грехов. Каждое дерево, растение и предмет, созданный человеком, имеет душу. Люди думают, что у растения нет разума. Есть и разум, есть и душа. Пусть они не могут говорить, но в

них есть душа, которая всё видит, чувствует. Если прислушаться, то мы можем услышать их голос. Но, мы разве можем остановиться, посидеть и послушать? Мы все спешим и некогда нам слушать тех, кто громко не говорит. «Дерево шамана» и есть дерево душ, которые потом слышат и понимают о чём говорит дерево, но слишком поздно. Лучше остановится сейчас и послушать свою душу и душу растений, чтобы потом шаман не вытаскивал вас из под земли.

Главное место в творчестве Леонида Лара принадлежит мифологическим образам шаманской мистерии, художественному осмыслению истоков духовности. Очень трудно охарактеризовать и стиль, в котором художник работает. Здесь и академическая школа, и театральный подход, и попытка примитивизма. Он вбирает в себя множество приёмов, в которых можно усмотреть и принципы сюрреализма, космизма, символизма. Он перерабатывает легенды и мифы своего народа, изменяя увиденное и услышанное, и отражает в своих работах не только конкретные религиозные мифы, а их сочетания и наслоения, превращая увиденный сюжет в свой миф. Леонид Лар, как шаман, который идёт, летит вслед за кистью в другой мир, неизвестный ему, в мир Вселенной. И его путешествие заканчивается лишь тогда, когда он завершает свою картину.

На полотнах Леонида Лара мы видим его желание показать себя частью этого мира. Он старается передать основную идею видения шамана через собранные им образы, которые помогут зрителю воспринять сюжет неизвестного им потустороннего мира, шаманские обряды, поверья и суеверия, которые живут среди народа, приблизив их к космосу. Картины про шаманов – это проецирование жизни: рождение, смерть, любовь, ненависть, которые он отразил на своих полотнах. Шаманизм – это и есть сюрреализм, где реальность сплетается фантастичностью. Весь мир с его богатствами – в нашей голове.

Валентина ВАНУЙТО,
кандидат исторических наук

г. КАЛИНИНГРАД

Вячеслав ОГРЫЗКО

Из пахарей — в алкаши

Трагическая судьба бывшего хозяина Колымы и Чукотки

Осенью 1978 года Москва по-тихому уволила первого секретаря Магаданского обкома КПСС Сергея Шайдурова. Обычно смещению в регионах первых лиц предшествовали обстоятельные выездные проверки и последующие обвинения в серьёзных злоупотреблениях. Была ещё одна причина для отставок — достижение большими чиновниками пенсионного возраста. Но, как свидетельствует протокольная запись состоявшегося в ноябре заседания Секретариата ЦК, Шайдурова убрали без большого скандала, вскользь сославшись лишь на его неправильное поведение. В постановлении ЦК было записано: «За неудовлетворительную работу». А в чём выражалась эта неудовлетворительность, всеисильные секретари ЦК не пояснили. Лишь в узких кругах знали всю правду: магаданский начальник, по сути, спился. А ведь ему было всего 52 года.

Так кто же такой Шайдуров? Как утверждали ветераны золотодобывающей промышленности, это был рукастый мужик, настоящий работяга, который много лет вкалывал как вол, с хорошо развитой интуицией. Самородок да и только.

На Колыму он попал ещё в 1948 году — сразу после окончания Иркутского горно-металлургического института. Под его началом тогда оказались в основном одни бывшие зэки да ещё бичи. Наивные романтики до золотых приисков не добирались. Начальство боялось бывших уголовников как незнамо кого. И только Шайдуров не испугался пойти к измотанным горнякам. Он использовал всё — и отборный мат, и посулы, и много что ещё, но добился своего: народ начал давать план, пошло золото.

В 1968 году Москва утвердила Шайдурова первым секретарём Магаданского обкома.

Расчёт был на то, что он обеспечит резкое увеличение в регионе золота.

Весной 1974 года Магадан проинспектировал председатель советского правительства Алексей Косыгин. Отправиться в 70-летнем возрасте на Колыму его заставили возросшие потребности страны в золоте. Сами судите: какой год подряд многие регионы поражала засуха. Страна испытывала недостаток в зерне и мясе. Всё надо было покупать за границей. А на какие шиши?! Иностранцы требовали за поставки продовольствия золото.

Вельможный гость от посещения Колымы в целом остался доволен. Особенно его впечатлили перспективы развития в регионе горнорудной промышленности. В этом плане он большие надежды возлагал на скорый ввод Карамкенского горно-обогатительного комбината. Шайдуров пообещал запустить пер-

вый рудник чуть ли не через месяц. А что ещё Косыгину надо было.

В 1974 году в колымском крае случилась ещё одна история. Отбывавший в Магадане за политические взгляды ссылку Андрей Амальрик заинтересовался ролью Севера в судьбе страны. У него созрел интересный план. По этому поводу он решил обратиться непосредственно к Шайдурову.

«Как вы знаете лучше меня, – писал он, – промышленное значение русского Северо-Востока всё больше возрастает».

Амальрик просил дать ему возможность поехать по региону и подготовить на основе увиденного серию статей. И если чекисты какое-то время сомневались в целесообразности этой миссии Амальрика, то Шайдуров сразу заинтересовался инициативой ссыльного историка и быстро всё согласовал с Москвой. Другое дело, что всю реализацию неординарного замысла испортил один из тогдашних руководителей газеты «Магаданская правда» Всеволод Богданов, тот самый, который после развала СССР стал председателем Союза журналистов России. Богданов напирал на мораль и патриотизм. А Амальрик оперировал прежде всего фактами. Забегая вперёд, скажу, что вскоре Богданов был уличён в развороте и был из газеты изгнан, но у него нашлись заступники в Москве, которые помогли ему устроиться с повышением в одно из центральных изданий страны.

В 1976 году Шайдуров за перевыполнение планов по добыче золота получил одну из высших наград СССР – орден Ленина. Это окончательно вскружило ему голову. Он решил, что ему всё дозволено. Пьянки стали неотъемлемой частью его жизни.

В какой-то момент Шайдуров всё чаще стал срывать с катушек. Что он вытворял, к примеру, во время и после охоты! Один из сотрудников охотхозяйства в долине Таскана Сергей Климов вспоминал:

«Пригонялся вездеход ГАЗ-47 с установленным на крыше кабины пулемётом. Его отгоняли в район озёр, примерно пять километров от посёлка, к охотничьему вагончику. Туда рано утром прилетал вертолёт. Из него вываливалась ватага в пыжиковых шапках, в до-

рогих меховых-пуховых комбинезонах. Плотно законьячивалась завтраком и выдвигалась на вездеходе в район озёр, в сопровождении снегоходов из районной охотслужбической свиты. В районе третьего озера вездеход останавливался, снегоходы разъезжались по кругу. Сделав солидный круг, гнали на вездеход сохатых, которые кормились на виду, как домашние, около сопок. Оставалось только встретить зверя ружейно-пулемётным огнём. Добыв пяток сохатых, а точнее, укатав их, пыжиковые шапки круто-коньячно обедали свежими языками, шашлыками. Доверенные егеря, охотоведы свежесвали добытых сохатых. Опосля гости, прихватив с собой немного свежатины, остальное отдавали вертолётчикам для дележа, взлетали курсом на Магадан, в резиденцию Шайдурова на «Снежную долину» (она размещалась в двадцати трёх километрах от Магадана. – В.О.) для продолжения банкета. За парой туш прилетал грузовой вертолёт – это был презент от пыжикового начальства районным партийным, советским, профсоюзным органам, а также охотоведам и силовикам всех мастей и различий. В результате все оставались довольны, а у сохатых мнение никто и не спрашивал».

До поры до времени Шайдурову всё сходило с рук. Конфуз случился летом 1978 года. В Магадан прилетел президент Академии наук СССР Анатолий Александров. Шайдуров в честь знаменитого ядерщика устроил грандиозный банкет и очень сильно на нём перебрал. А когда Александров покинул Магадан, он, не протрезвев, замучил звонками своих коллег с Камчатки и Сахалина. Его интересовало, а как в других регионах партруководители принимали академическое начальство, хорошо ли угостили или пожадничали налить коньячку и выставить деликатесные рыбы. Но завистники тут же настучали на Шайдурова в Москву: мол, так и так, первый секретарь Магаданского обкома совсем обнаглел, попытавшись спотыкнуть главного учёного страны.

Самое интересное, что Александров, когда узнал о попытках его именем организовать смещение Шайдурова, заявил в ЦК партии протест. По мнению президента Академии

наук, пили в стране многие, но дело знали лишь единицы, а Шайдуров всегда давал план по золоту и всегда помогал двигать в своём регионе науку.

Позже выяснилось, что больше других копал под Шайдурова первый секретарь Приморского крайкома партии Ломакин. Ломакин, во-первых, уже несколько лет добивался того, чтобы стать несомненным лидером на всём Дальнем Востоке. И, во-вторых, он мечтал со временем перебраться в Москву и стать чуть ли не секретарём ЦК КПСС по промышленности или транспорту. А Шайдуров со своими успехами в добыче золота ему явно мешал. Ходили слухи, что Кремль готовил Шайдурова то ли в новые министры цветной металлургии СССР вместо достигшего преклонных лет Ломако, то ли на пост заведующего одного из отделов ЦК КПСС. Ломакин очень давил на своих кураторов из отдела оргпартрabоты ЦК КПСС тем, чтобы они о всех пьяных выходках Шайдурова доложили как минимум секретарю ЦК по кадрам Капитонову, а то и Кириленко или Суслову. Он даже подобрал для спивавшегося Шайдурова новое место работы. Чтобы посильней уязвить коллегу, Ломакин предлагал назначить Шайдурова заместителем руководителя Дальневосточного научного центра по хозяйственной части. Вот только сотрудники орготдела ЦК не торопились идти с этими предложениями к Капитонову. Они боялись, что в процессе рассмотрения кадровых инициатив выяснилось бы, что с Шайдуровым регулярно пили, да ещё как пили, практически все инструкторы из дальневосточного сектора ЦК. Тогда бы пришлось снимать целую кучу народа.

Так на чём же споткнулся Шайдуров? Резко оборвал его карьеру длинный язык. В один из осенних вечеров 1978 года первый секретарь Магаданского обкома, изрядно перебрав, покусился на самое святое – он при свидетелях неаккуратно высказался о Брежневе. Тут же кто-то из его окружения о случившемся стукнул куда следует. Только после этого Центр приказал быстро спивавшегося человека потихому уволить.

Впрочем, Шайдуров не пропал. Номенклатура своих совсем уж не бросала. Проштра-

фившемуся вельможе вскоре выделили квартиру в самой Москве. А потом он за прежние заслуги получил и новое хлебное местечко: его утвердили заместителем министра геологии России по хозяйственным вопросам.

Но и это не всё. Когда всё улеглось, Шайдуров через своих покровителей пробился к Брежневу и ловко замолил свои прежние грехи. В итоге генсек дал команду изменить формулировку отставки чиновника. Официально Шайдуров был уволен уже не за неудовлетворительную работу в Магадане, а исключительно в связи с переходом на другую должность.

Когда Советский Союз распался, Шайдуров перешёл на должность какого-то клерка в управление делами президента России. Но в середине 90-х годов у него случилось большое горе: в Магадане бесследно пропал его сын. Шайдуров куда только ни обращался. Но никто помочь ему не мог. В конце концов он лично полетел в Магадан, надеясь на содействие губернатора области Валентина Цветкова. Но и тот оказался бессилён.

Позже выяснилось, что сын Шайдурова, как и отец, часто и помногу пил. Из-за регулярных пьяных загулов он лишился работы спортивного тренера. Чтобы как-то свести концы с концами, взрослый мужик продал квартиру. А потом то ли его убили за деньги, то ли он сам, в очередной раз сильно перебрав, замёрз. Короче, сын Шайдурова долго находился среди неопознанных трупов.

Когда всё вскрылось, Шайдуров не выдержал. Умер он в декабре 1998 года. А похоронили его на правительственном Троекуровском кладбище.

Добавлю: вместо снятого Шайдурова Москва в конце 1978 года прислала в Магадан из Владивостока Николая Малькова. Отчасти сбылась мечта Ломакина взять под свой контроль и некоторые другие дальневосточные регионы. В отличие от предшественника Мальков в громких пьянках замечен не был. Но что интересно: магаданцы в своём большинстве нового секретаря почти сразу стали на все лады материть, а Шайдурова, наоборот, многие продолжили вспоминать по-доброму. Вот такой парадокс.

Сошествие бога Агды

К числу загадок Эвенкии – древнего края манящих и дивных просторов, который тянется на полторы тысячи километров с севера на юг, плавно меняя тундровые пространства на таёжный пейзаж, относится древний, как мир, шаманизм. Уникальные естественные способности получения информации из Космоса, доставшиеся тунгусам от далёких предков, передаются из рода в род, из поколения в поколение. И вовсе неслучайно изображение шаманского бубна вошло в герб Эвенкийского муниципального района. Ведь бубен, каким он представлялся для тунгусов, – это символ Вселенной, место сбора добрых духов, которые оберегают малочисленный северный народ.

«Кончали Агды оленей, собак кончали, людей портили – три люди помирал совсем».

(Из показаний очевидцев Тунгусского события
30 июня 1908 года)

После советского богоборчества, когда у шаманов отбирали ритуальные принадлежности, запрещая камлать, традиционное шаманство сегодня даёт о себе знать количеством ясновидцев и знахарей, которые ведут реальную практику: предсказывают температурные катаклизмы на планете, лечат людей. Коренные народы Севера всё более возвращаются к исконной вере предков, что уж говорить о временах более чем столетней давности, когда над Подкаменной Тунгуской ранним утром 30 июня 1908 года прогремел необычайной силы взрыв?

«Пошёл я посмотреть ту сторону, откуда звери бежали и жар шёл. Там увидел я страшное диво. Тайга вся упала, много лесин на земле горело, трава сухая, сухие сучки горели, листья на лесу все засохли. Было очень жарко, много дыма, глаза выедал дым, совсем смотреть нельзя было. Совсем испугался я и побежал назад к Чамбе, к нашему чуму. Рассказал я отцу всё, что видел, он испугался и умер. В тот же день мы его похоронили по нашей тунгусской вере».

(Из рассказа старика Улькиго, записанного председателем Красноярского комитета содействия народов Севера Иннокентием Суловым в 1926 году).

Этот феномен давно уже раздвинул рамки чисто регионального значения, став событием планетарного масштаба, предметом бесконеч-

ных научных споров, но в генетической памяти «сибирских аристократов», как величали в Российской империи тунгусов, он останется не чем иным, как «сошествием с неба огненного бога Агды». И среди всех существующих гипотез о Тунгусском метеорите, число которых перевалило за сотню, именно религиозная версия занимает почётное первое место. Собственно, это самое простое, что приходило в голову языческому населению, которое считало, что бог Агды, входивший в круг добрых помощников шаманов, разгневался на эвенков.

Вот почему при создании памятного знака «100 лет Тунгусскому метеориту», установленного на заимке Кулика, наиболее удачным воплощением можно считать идею эвенкийского художника Сергея Салаткина. Над стелой, грани которой облицованы зеркалами для эффектного отражения окружающего пространства и органичного слияния с тайгой, парит алюминиевая птица и, кажется, вот-вот «клюнет» своим угловатым носом землю-матушку...

Именно так, в виде огромной птицы, извергающей огонь, сходил бог Агды – повелитель грома и молний: «Агды гремел, шумел, ударял громко, стучал много раз».

Небольшой человечек, помощник Верховного

Но в том-то и дело, что этот бог Агды (в переводе на русский звучит как «гроза»), тунгусам представлялся по-разному: он мог быть и стариком, который просыпался весной и тут же высекал кресалом огонь – так получались

громы и молнии. В некоторых случаях он являл собой небольшого человечка с головой медведя и орлиными крыльями. Разумеется, бог Агды был представителем верхнего мира, где уже обитал другой его «брательник» – бог Буга, повелитель огня; он тоже обладал сверхъестественной силой, изгонял злых духов. С его помощью очищались юрты, в случае неудач на промысле – охотничьи снаряжения, сети, а непосредственно перед камланием – шаманские аксессуары.

В некоторых современных источниках Тунгусском метеорите, обилие которых о до сих пор обрушивается на читателя со страшной силой, утверждается, что «железная птица – символ эвенкийского бога Агды». Но где тунгусы увидели полёт таких воздухоплавательных аппаратов в самом начале XX века, не уточняется. Если только допустить, что кто-то из неграмотных аборигенов-язычников мог услышать на русских факториях чисто народное толкование грядущего конца света с неперменным появлением железных птиц в небе, тогда всё встанет на свои места. Неканонические апокрифы жили сами по себе, иногда существенно приближаясь к библейским текстам:

«И я видел, и вот, бурный ветер шёл от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня». (Ветхий завет, Книга пророка Иезекииля, глава 1, стихи 4,5).

Первым, кто усомнился в «птицах Агды», был известный исследователь Тунгусского феномена, сибирский геолог и специалист в области метеоритики Борис Вронский (книга «Тропой Кулика»). Но в своём сочинении, повествующем о работе первых комплексных самостоятельных экспедиций в район предполагаемого падения Тунгусского метеорита, он, похоже, попал под явное обаяние бойкой эвенкийской дивчины Катерины. К ней он деликатно «подъехал» с чрезвычайно интересующим его вопросом:

«Я спросил её, не помнит ли она что-нибудь из рассказов о том, как прилетал бог Агды.

– Какой Агды? – раздражённо заметила Катя. – Такой бог совсем нет. Это люче выдумал бог Агды. Люди говорили: летел по небу огонь, чего-то бомбил, палил тайгу, а большие не помню».

«Люче» на эвенкийском языке означает «русский». Кого-то ведь Катя имела в виду? И вот тогда Вронский всё свалил на известных выдумщиков, столичных журналистов, которых хлебом не корми – дай красивую историю. А попутно, раз уж оказался на тропе Кулика, подверг резкой критике религиозные воззрения тунгусов: мол, и сам бог Агды – тоже выдумка репортёров. Подобного божества эвенки вообще не знали, поскольку царское правительство жёстко насаждало православие и яростно боролось с язычеством и шаманизмом.

В оценках Вронского – явный перебор: виной тому идеологическая зашоренность, типичная для советского прошлого. А в итоге исследователь оказался в плену у собственной гипотезы: он ещё только начинал понимать, что «Тунгусская проблема выходит за рамки метеоритики», но всё же отмахнулся от фактов. Дело в том, что о «железных птицах» первому исследователю Тунгусского феномена Леониду Кулику говорили сами эвенки, очевидцы рокового события над Восточной Сибирью, они давали показания уже тогда, когда полярная авиация в бывшей Енисейской губернии совершала перелёты из Красноярска на Север, используя для этих целей воздушные суда немецкой марки «Юнкерс». Их появления было вполне достаточно, чтобы оленеводы дальних стойбищ могли издали услышать рокот ревуших моторов и увидеть в небе странных чудовищ. Отсюда и «ноги растут»: никаких других «железных птиц» над Подкаменной Тунгуской к 1928 году, моменту опроса очевидцев таинственного события, не наблюдалось. (Версия с комическими «блюдцами» как имеющая право на жизнь здесь не в счёт: внешне они на птиц совсем не похожи.) В любом случае человеку, изучающему Тунгусский феномен, необходимо запастись терпением, чтобы не потонуть в настоящем информационном океане. И если уж говорить об исконных верованиях эвенков, то лучше всего опираться на авторитетное мнение специалистов, а ими могут быть только этнографы-профессионалы.

– Громовник Агды в тунгусской мифологии часто является помощником верховного божества неба и орудием творения мира, – утверждает ведущий научный сотрудник отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея, кандидат исторических наук, автор монографии «Шаманизм эвенков» Татьяна Сем. – Во время весеннего новогоднего праздника громовник обновляет и оживляет природу, даёт ей дождь плодородия, является хозяином погоды.

«И не сказал ни единого слова!»

По удивительному стечению обстоятельств Татьяна Юрьевна представляет научно-культурное учреждение, которое является правопреемником Этнографического отдела Русского музея императора Александра Третьего в Санкт-Петербурге. А ведь по заданию музейщиков и на средства Русского географического общества проводились две экспедиции опального учёного Алексея Макаренко (1860–1942) на Подкаменную Тунгуску в 1907–1908 годах.

Народовольческие взгляды дорого обошлись известному в империи этнографу – пришлось отбывать ссылку в Сибири, однако «пятно» в биографии не помешало научной деятельности. В сообществе лоцмана Павла Воронова и фотографа Константина Масленникова им велась большая работа по сопутствующей тематике, в частности по гидрографии: производилась съёмка берегов Подкаменной Тунгуски, делались промеры глубин сибирской реки и её фарватеров.

Но едва ли не главной оставалась чисто этнографическая составляющая экспедиции по исследованию загадочного края и людей, его населяющих. Макаренко стал едва ли не первым учёным, кто предметно изучал шаманизм тунгусов. У заимки Монокон весной 1907 года полномочный представитель Русского музея присутствовал при лечении камланием молодой женщины. Шаман Федор Полигус, как следует из дневников Макаренко, оказался «симпатичным душевным человеком», он немало походил по обеим Катангам (Нижней и Подкаменной Тунгускам), к тому же хорошо говорил по-русски и был общителен. Колоритный снимок этого шамана, сделанный штатным экспедиционным фотографом Масленниковым, – одно из украшений Российского этнографического музея. Причём самого Фёдора Полигуса наука позиционирует как очевидца Тунгусского события: безусловно, это так – всё произошло поблизости. И ещё один существенный момент: продвинутый шаман девять лет служил князем Нижнечунского рода, у тунгусов он пользовался авторитетом и без особых затруднений разрешил Макаренко посещение многочисленных шаманских строений в окрестностях Панолика.

Здесь, на правом и левом берегу Подкаменной Тунгуски, учёный познакомился также с начинающим шаманом Кормилом Парченовым и начал собирать артефакты из культовых шалашей, многие из которых потом станут экспонатами Этнографического отдела Русского музея:

«Я с удивлением осматривал идолов, их постановку, силился постигнуть их символическое значение, установить идею, вложенную в группировку того или иного капища. Но ещё далеко даже до приблизительной полноты. Не узнан состав тунгусского Олимпа и преисподней, их значение...»

В этих дневниках по итогам двух экспедиций Макаренко откровенно признаётся, что «разорял тунгусские мольбища», многое добывал «с лёгким сердцем, с деяниями святотатственными»: цель, стоящая перед учёным, оправдывала средства. А последствия

в виде осложнений, которые могли возникнуть у русских чиновников с эвенками, народовольца как-то мало интересовали. За это неисправимый материалист и был жестоко наказан: в декабре 1908 года у него умерла любимая дочурка Верочка, а сам учёный по возвращении в столицу три месяца пролежал с воспалением лёгких. Была ли здесь месть языческих божеств (шаман Фёдор Полигус слишком доверился гостю и даже показал воочию родовую святыню – деревянную куклу «мойдычан», переходившую в семье от отца к сыну), – об этом лишь скромное предположение этнографа в его дневнике: «Эрго – я был наказан».

Самое печальное, что многие из тех драгоценных для науки реликвий, добытых Алексеем Алексеевичем с таким трудом, денежными и моральными издержками, пропали в процессе длительной транспортировки по Сибирской железной дороге. Исчезла железная броня тунгусских воинов, канули в небытие «могильные и шаманские принадлежности, амулеты». Типичная наша безалаберность, что из века в век переходит потомкам в качестве наследства!

Вообще, с точки зрения последующего изучения Тунгусского феномена, эта двухлетняя научная экспедиция Макаренко вызывает большое удивление – она захватила и злополучный день 30 июня 1908 года. Подробный отчёт об итогах её работы хранится в анналах Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге, но напрасно искать в материалах подробностей катастрофы: описаний ужаса, охватившего тунгусов, полёта непонятного тела, последующего небесного свечения, когда ночь превратилась в день. О жутком событии естествоиспытатель, который по характеру своей деятельности был просто обязан фиксировать всё, не обмолвился ни словом. Но такого по определению быть не могло – в научной экспедиции, как и положено, аккуратно вёлся дневник. И даже имелся профессиональный фотограф, который мог запечатлеть столь уникальное для планеты явление. Ничего этого по каким-то непонятным причинам не произошло!

Если предположить, что Макаренко встречался также и с более крутыми, белыми шаманами, которые были уже информированы о наступлении страшного катаклизма, тогда многое становится понятным в поведении учёного. Родовые шаманы (в том числе и Фёдор Полигус) упростили или гипнотически воздействовали на Макаренко, как подобает себя вести, чтобы хранить на века страшную тайну «сошествия огненного бога Агды».

– Предки сказали, что надо уходить из род-

ных мест, – так, за месяц до свершившегося события на суглане, тунгусском совете родов, Большой шаман объявил о Светопреставлении и необходимости искать новый кров.

По факториям и стойбищам поползли слухи о грядущем конце света, указания шаманов стали руководством к действию: с Подкаменной Тунгуски эвенки начали отгонять оленьи стада на Нижнюю Тунгуску и даже в бассейн реки Лена. Аборигены покорно подчинялись решению «знающих людей» и снимались вместе со скарбом с насиженных мест. Те, кто ослушался и остался в районе взрыва, жестоко поплатились своими жизнями и гибелью животных. Но ослушников были единицы.

Так, на озере Чеко, ставшем после всего случившегося «Чёртовым кладбищем», плюнул на предсказания и остался молодой тунгус-отшельник. Накануне ему пришлось наблюдать, как уходит рыба и живность, а утром 30 июня смельчак узрел и сам грандиозный взрыв: своими глазами всё рассмотрел, что называется, в упор. И поплатился, естественно, за опрометчивость: рассказывать людям о том роковом событии он мог, а вот что-либо видеть при этом на все оставшиеся годы – увы...

Ощущая возрастание электромагнитного поля Земли, покидали свои привычные обиталища звери, совершая вынужденные миграции на расстояние в сотни вёрст. Местные озёра и болотца, гнездовья перелётных птиц, опустели, в Енисей с Подкаменной Тунгуски устремилась рыба. Именно таким образом реагирует животный мир на любые тектонические проявления.

Но поскольку падение неизвестного тела произошло в глухой тайге с ничтожно малой плотностью населения и отсутствием каких-либо коммуникаций, если не считать рек и звериных троп, разговоры о феноменальном событии очень скоро прекратились. Этому тоже нашли потом объяснение: старейшины, вызвавшие для «консультаций» дух бога Агды, категорически запретили своему народу болтать языком, повелев все подходы к вывалам леса держать под запретом.

Об авторитете и степени прозорливости «избранников небес», какими были для тунгусов белые шаманы, пришедшие в этот срединный мир, свидетельствуют два фундаментальных исторических факта: предсказание катастрофы 1908 года заблаговременно до её прихода и, конечно, исключительное почтение, оказанное инородцу Иосифу Джугашвили, тогда ординарному политическому ссыльному партии большевиков. В деревушку Костино Туруханско-

го края «волхвы» приехали за сотни вёрст, чтобы тем самым благословить нового «белого царя» на великую перековку русской стали. Он с достоинством принял ходоков и ... «начал объяснять им, как устроить торговый кооператив». Именно такое толкование этого странного визита бытовало в описании биографии вождя народов в годы строительства нашего светлого будущего. Чуть-чуть просчитались белые шаманы, не рассмотрев в картине грядущего предстоящие гонения на собственный род деятельности, это им в минус. Тот же красноярский полпред Иннокентий Суслов в двадцатые годы выпустил брошюру «Шаманизм как тормоз социалистического развития», которая стала настольной книгой в первых эвенкийских избах-читальнях. А «тормоз» нужно было ликвидировать: шаманов, как и православных священнослужителей, сажали в тюрьмы, отправляли в лагеря, в худшем случае «давали 20 лет без права переписки». Это вам за чинопочитание и мистическое предвидение, «колдуны и мракобесы»!

Америку затопит, а Европа содрогнётся

В наши дни к весомым и уже сбывшимся пророчествам добавилось также предсказание Великого Тунгусского шамана Савея (Семёна Васильева). Многочисленные поклонники ясновидца убеждены, что осенью 2013 года, когда таёжный отшельник умирал, «Земля и Вселенная оплакивали его уход снегопадом и дождём, вьюгой и пургой». Сами же эвенки считают: Савей был носителем древнейших знаний человечества, он умел странствовать в лабиринтах времени, исцеляя людей космической энергией и черпая отсюда, из глубин Вселенной, нужную ему и его народу информацию. Посвящённый в тайну мироздания, перед своей кончиной он, 80-летний старец, предсказал в отдалённой перспективе затопление Америки и ближайшие события в Западной и Восточной Европе:

– Меньше чем через год после моей смерти начнётся война на Украине, погибнет много мирных жителей. Через два – Европа содрогнётся от нашествия беженцев, которых на улицы выйдет столько, что на машине негде будет проехать...

С высоты наших дней многое сегодня видится совсем другим, как, наверное, и через несколько десятков лет будет всё иначе представляться нашим потомкам – ничего не поделаешь, это естественный процесс познания. Применительно к Тунгусскому феномену учёные в большей

степени имеют дело с незнанием, потому и оставляют для энтузиастов огромный простор для фантазийных представлений о предмете исследования. А зачастую просто недоисследуют то, что находится на поверхности.

Отчего в районе Куликовского вывала ударная волна действовала избирательно, «лучисто» выхватывая лес, ведь, казалось бы, взрыв такой мощности должен был всё смести на своём пути? Тут даже самая мощная корневая система не поможет деревьям выстоять, зацепившись за складки местности. На это странное обстоятельство обратил внимание ещё в 1949 году геолог и астроном Евгений Кринов (книга «Тунгусский метеорит»), но наука так и не разрешила сомнения лауреата Сталинской премии. Самодеятельные исследователи сегодня справедливо задают учёным вопросы, выдвигая очень смелые предположения: может быть, это и есть «стрелы бога Агды»? Мифология древних народов никогда не возникает на пустом месте, всегда имея под собой реальную почву для создания легендарных прообразов. Почему бы не рассмотреть хотя бы косвенно религиозную гипотезу о происхождении Тунгусского события, как это сделали современные авторы Михаил и Ирина Брагины в книге «Ключ к истории человечества»? Они нашли «необыкновенное сходство» деревянного идола, изображающего бога Агды в Эвенкии, с каменными статуями на острове Пасха. Известно, что на эти изваяния как свидетельство инопланетной интервенции на Землю указывалось ещё в прошлом столетии.

Кроме того, сделав лексический анализ слова «Агды», исследователи расшифровали его как «Неземной ты», то есть «Небесный». Что это: ещё одна экстравагантная версия в дополнение к откровениям шаманов?

Как тут не вспомнишь жителей бескрайней Сибири, которые, пережив смуту первой русской революции, не без оснований считали в том далёком 1908 году, что катастрофа над небом Подкаменной Тунгуски послана в наказание за грехи. Что это и есть Божий знак, но пока ещё не бич Божий, и пора наконец-то людям одуматься, прекратить творить на белом свете злые деяния.

Николай ЮРЛОВ

г. КРАСНОЯРСК

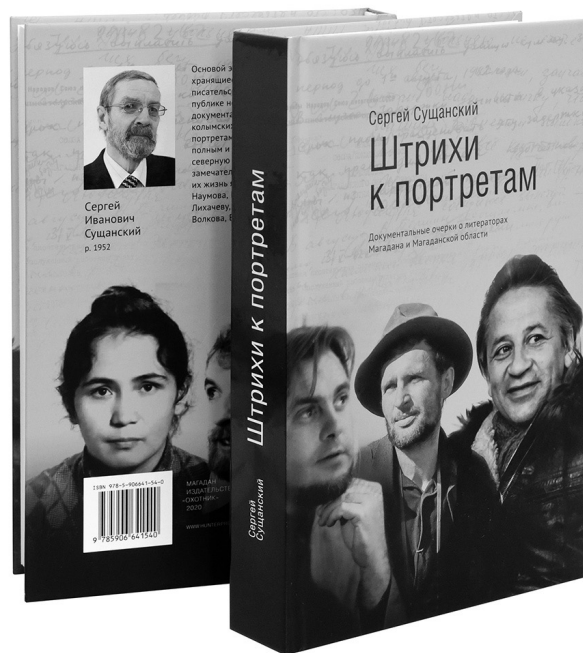
Фото Елены БАРАННИКОВОЙ

Обиды на правду

Совсем недавно, 1 марта 2020 года, мы отметили 60-летие магаданской писательской организации. К этому юбилею издательство «Охотник» выпустило книгу очерков Сергея Сущанского «Штрихи к портретам». Их основу составили документы, спасённые участниками молодёжной литературной студии «Завтрашний день» (была такая) в начале двухтысячных из-под завалов ликвидированного областного книжного издательства. Но и в писательской организации последнее время эти документы хранились не должным образом, ожидая очередного «завала», который чуть не случился в конце лета прошлого года, когда колымские литераторы лишились помещения по ул. Парковой, 3. Не случился, благодаря в том числе С.Сущанскому.

Большая заслуга писателя в том, что он скопировал, отсканировал и отцифровал большой массив материалов, создав о наших литераторах электронную базу данных. И этой базой пользуются работники библиотек, музеев, краеведы, а также литераторы из тех, кто не безразличен к истории северной литературы.

Конечно, база включает не все данные, которые хотелось бы иметь. Но она постоянно пополняется. В мусоре (иного слова не подберёшь – так к этим

материалам отнесли те, кто был обязан обеспечивать их систематизацию и сохранность) обнаруживаются документы, рассказывающие о том, как активна и энергична была писательская организация в прошлом, передающие дух того времени. И сегодня я хочу предложить читателю одно из таких свидетельств – своеобразную поэтическую переключку двух авторов, деятельность которых, каждого по-своему, заметным образом отпечталась в истории магаданской литературы: Анатолия Пчёлкина и Валерия Фатеева.

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

г. МАГАДАН

**Валерию Фатееву – поэту, прозаику,
директору Маг. кн. изд-ва
по случаю 50-летия**

МАДРИГАЛ

*В силу объективных
и иных причин
нынче ты – противник
пишущих мужчин.
И не бит камнем
по больным местам
лишь за неимением
в граде Магадан
ямбом и хореем
пишущих мадам.*

*Пламенем не пишешь,
льдом не обдаёшь,
Сам стихов не пишешь
и нас не издаёшь...*

*Однако же, Блистательный,
будь здоров, плечист, речист –
Союза, дрын, писателей
пассивный
активист!*

К глубокому сожалению автора, адресат обиделся на данное поздравление и прислал раздражённый «ОТВЕТ», в ответ на который нам пришлось сочинить «МАДРИГАЛ-2». Оба текста здесь и приводятся (разумеется, с точностью до запятой).

Валерий ФАТЕЕВ: «ОТВЕТ»

*И любовь бывает зла
Как и наши души,
Хорошо из-за угла
Друга оглушить.
Поэтической строкой
врезать, как камнем
А ведь искренний такой
Был ещё намерен.
Всё про музу говорил,
Всё властя ругал он...
А теперь вот одарил
Гнусным мадригалом...
Лучше б рукопись принёс
И растрогал нас до слёз.
А то в ёлках-волки,
В Магадане Пчёлкин.*

**В. ФАТЕЕВУ: «ОТВЕТ» в ответ
на «ОТВЕТ»**

*...И пуниша пламень голубой
А. Пушкин
Любовь не зла, Валерий. В пятьдесят
пора бы отличать гандон от груши.*

*И рифмовать опрятнее. Висят
из строк твоих то «каки наши души»,
то архи-андеграундом форсят
(как титьками!) слоновьи «огло-уши».
Пиши как есть. И принимай как есть
всё, что роится в воздухе упругом,
собой возмущаясь, а не другом.
Я чествовать тебя имел бы честь
и за года. Но вышло – по заслугам.*

*Пчела, она с рождения – пчела,
ей чуждо мысли праздное витанье.
Ужалила? Выходит, за дела:
какое чтение – такое почитанье!*

*Я что-то, очевидно, проморгал,
тебя поздравив недостойно сухо,
раз «гнусным» обозвал ты мадригал,
где в честь твою
пусть пуни не полыхал,
но всё ж, – благоухала! – медовуха.
Издатель мой! Почто лишён ты
слуха?..*

P.S!

*Я не писал стихов «из-за угла»
читал тебе – при людях, а не втайне.
«Властя ругал?» Так вся моя хула
уж тиснута в «Вечернем Магадане»
и твой – донос – не принят в «ихнем» стане...
Не Пчёлкин зол. Твоя обида зла.
Питанье ль дрянь? Худое ль воспитанье? –
но пахнет шерстью драного козла.
Бай-бай! Ариведерчи!
До свиданья!..*

*НЕСКРОМНОМУ ЮБИЛЯРУ,
предлагавшему приглашённым
на свой торжественный вечер
«сыграть свиту Его Величества»*

*Едва представляю в свите Короля
свою несовершенно персону –
как чувствую в душе «Полёт шмеля»
иль марш, – ах, марш! –
на зависть Мендельсону.*

*Как-будто снялся в роли костыля
под мышкой Их Величества. Не каюсь,
но радуюсь и плачу: о-ля-ля! –
ведь состоять и в псах у Короля
не всякой Шавке счастье кувырчалось.*

*...Но я себя держу за Кобеля,
свободного от псарни,
ваша Малость!*